

Prix 8 Francs

№ 222 JUIN 1970

PÉRIODIQUE

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 222

ИЮНЬ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ИЗВРАЩЕНИЕ ОКТЯБРЯ? Редакционная статья.	5
Борис ФИЛИППОВ. Сказание о простеце, его жене, калеке и псе верном.	7
Я. Н. ГОРБОВ. Везение Шрекера.	13
Николай Вл. СТАНЮКОВИЧ. «Второй звонок!».	24
Владимир САМАРИН. Короткие рассказы.	37
В. ЛАНКОВ. Мой сын.	41
СКОРПИОН. Свечка и кочерга.	46
Ларисса АНДЕРСЕН. Молитва. Стихи.	48
Николай СТАНЮКОВИЧ. Царица Ночи. Стихи.	49
Темира ПАХМУСС. Зинаида Гиппиус : «Выбор?».	50
Зинаида ГИППИУС. Выбор?	58
С. — Второе свидание.	78
А. МИЩЕНКО. Парадоксы советской уголовной юсти- ции. II. Наказание.	106
Разрушение лица Москвы.	113
П. КОВАЛЕВСКИЙ. Последнее русское правительство. II.	122
Ю. КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ. Великая любовь. Па- мяти А. В. Белинкова.	126
Среди книг и журналов: С. О. Léon Dominique «Le théâtre russe et la scène française» — М. Н. ЭН- ДЕН. Отец Алексей Мечев — Н. В. СТАНЮКОВИЧ. «Русский Инвалид» №№ 162 и 163 — Ольга МО- ЖАЙСКАЯ. Мысли английской писательницы о «Раковом Корпусе» Солженицына.	129
Э. МАРКОВИЧ. О русской земской почте.	139
Я. Н. ГОРБОВ. Литературные заметки: Вла- димир Самарин «Цвет Времени».	148
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. После празднества.	153

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 222

ИЮНЬ 1970 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction :

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 222

JUIN 1970

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78 — L'Etang-la-Ville

Всю переписку просят временно направлять по адресу :

Mr. S. Obolensky. Chemin de la Côte-du-Moulin

78 — L'Etang-la-Ville

Статьи неприятые к напечатанию не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

Извращение Октября ?

При одном из недавних «левацких» бесчинств в Париже, часть демонстрантов кричала : « Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин-Мао! » Другие старались перекрыть этот крик, возглашая : « Маркс-Энгельс-Ленин-Троцкий-Роза! » Те и другие легко могут между собой доходить до поножовщины, прерываясь о том, когда именно « Великая социалистическая Октябрьская революция » в России совратилась с « верного » пути : в начале « сталинской эры » или после ее конца. Но в самом факте « совращения » у тех и у других сомнения нет.

Это изо всех сил отрицают иерархи советского коммунизма и все их « пасомые » во всем мире. Но поразительно то, что никаких имен после Ленина они не могут провозглашать. Крикнуть « Сталин! » и теперь еще продолжает быть очень уж неудобным, крикнуть « Хрущев! » совсем нельзя. Возгласить же сразу за Лениным Брежнева всё-таки несерьезно — могут на смех поднять, а кроме того между двумя Ильичами, Владимиром и Леонидом, бросалась бы в глаза зияющая дыра чуть ли не в сорок лет.

На деле это означает, что самим возглавителям советского коммунизма стало уже довольно неудобным вспоминать четыре пятых истории своего собственного режима.

То же неудобство ощущают уже и такие приверженцы « Великого Октября », как Роже Гароди. Эти, по советской терминологии, « правые оппортунисты » видят потребность нашей эпохи в нахождении неких качественно новых решений и полную неспособность закосневших партийных « аппаратов » такие решения дать. Но и в их толковании беда в том, что Октябрьская революция, сама по себе великолепная, с какого-то момента отклонилась от всемирно-исторической магистрали. В этом они согласны с « левыми » критиками советского « руководства ».

Все эти попытки спасти репутацию Октября сходятся на том, что советский социализм не совсем удался, или совсем не удался оттого, что Октябрьская революция произошла — в России. У Гароди упор всё время ставится на « отсталость » дореволюционной России, которая и изображается причиной отрицательных сторон советского опыта, причем остается неясным, почему же Ленин был всё-таки прав, « волевым актом » совершая первую в мире социалистическую революцию в стране, которая по первоначальной марксистской схеме для нее не « созрела ». Неясно и то, почему в странах « передовых », вопреки чаяниям Ленина, социалистическая революция

оказалась «отложенной» на неопределенный срок. Последнее ясно для троцкистов: Сталин пожертвовал интернациональной «перманентной революцией», замкнувшись в каком-то русском провинциализме под предлогом «построения социализма в одной стране». Для коммунистов китайского толка, всё совсем просто: не Сталин, но его преемники окончательно подменили социализм в СССР российской великодержавностью и сами превратились в «новых царей», не больше и не меньше. Во всех случаях, вина за все неудачи марксизма-ленинизма так или иначе перекладывается на Россию, ответственным за извращение Великого Октября оказывается русский национальный элемент.

Сама советская власть дала ход таким толкованиям, в течение полувека упорно стараясь все свои «огрехи» и «неуязки» свалить на «наследие проклятого прошлого», именно русского, без конца размалевывая, еще с ленинских времен, исторически совершенно неверную картину «отсталости» старой России. И оно преуспело в этом настолько, что миф об извращении «марксистского гуманизма» «русским варварством» получил распространение гораздо дальше каких бы то ни было специфически марксистских кругов. И ныне это угрожает самыми тяжелыми последствиями.

Привыкая видеть в советском тоталитаризме порождение только русской истории, мир пока еще свободный теряет способность защищаться от тоталитарных бацилл, которые развиваются в нем самом и от начала присущи марксизму-ленинизму как таковому. Есть очевидная связь между восторженным блянием, почти повсеместно сопровождавшим пятидесятилетие Октября, и вскоре последовавшим появлением баррикад, на которые полезли сбитые с толку юнцы. С другой стороны, взгляд на Россию, оскорбительный не для советского режима, а для русского народа, мешает тому сближению со свободным миром, которого желают такие подлинно передовые деятели в Советском Союзе, как Академик Сахаров. Именно в странах коммунистических, и в России в первую очередь, готовится полное преодоление всего наследия Октября, через выявление своего национального лика, — а вместо этого здоровым силам нашей страны предлагают как раз отказаться от своего национального лица. Выгодно это только партийной власти, позволяя ей, вопреки исторической правде, отождествлять себя с захваченной ею страной.

Полнота правды о коренной бесчеловечности марксизма-ленинизма и о великой человечности русской культуры — вот что нужно теперь больше всего.

«В»

Сказание о простеце, его жене, калеке и псе верном

Лесному Зверю посвящается

Давным-давно, во времена незапамятные, жил в стольном граде благочестивый простец. Достатка был среднего, но о завтрашнем дне задумываться не должен был — на всё хватало. И стукнуло уже ему шестьдесят, ну, а жене его, красивой, живой, вальяжной, было на двадцать лет меньше. Сам-то простец уже больше помышлял о делах общественных, либо о премудрости всяческой, чем о своих обязанностях супружеских. И жена его естественно затосковала. Четверо деток уже повзросли, дом — полная чаша, а чаша жизни не наполняется. Вернулся раз простец из командировки в глубинку, глухую провинцию, — да и застал жену в объятиях Павлина, красавца слесаря. Усмехнулся простец, говорит :

— Всё понятно, друзья... « Старый муж, грозный муж... ». А только — где ты, Павлин, поселишься с моей бывшей, а теперь — твоей — женой? Не в заводском общежитии, где в каждой комнате по пять-шесть коек? И чем прокормишь деток, да еще чужих? Зарплата-то у тебя даже не стахановская...

А Павлин только и отвечает : — Люблю. И она любит. Всё перетерпим, любя. И общежитие, и недостаток монеты. Любовь-то всего превыше.

Простец тогда к жене : — Слушай, ведь Павлин-то моложе тебя лет, почитай, на девять-десять. Ну, в соку она сейчас, любовь-то ваша. И ты пока в соку, как расцветшая роза. Но ведь осенняя краса — бабье лето это. Скоро может осыпаться. И вынесет ли цветок любви вашей ветер невзгод, бедности, ежедневных дразг, зимний ветер и первые заморозки старения?

И задумались все горько : тяжки мелочные укусы жизни. Но очнулась жена, выпрямилась, посмотрела мужу в глаза : — Пусть. Пусть будет, что будет. О завтрашнем дне не думают, когда любят, когда сегодняшней день полон. И если и бросит скоро меня Павлин, всё-таки буду благословлять дни, с ним проведенные.

И сказал тогда простец : — Вот вам развод, и вот всё имущество мое передаю вам — и дом мой, и сад мой, и огород, и

пашню, и сбережения мои в банке. Себе оставляю на прожиток малую часть и домик-сторожку в деревне. Мне на дожитие много ли надо? Да вот и собаку свою верную — Лохматку — с собой возьму.

А собака у простеца была большущая и такая лохматая — спереди — голова, грудь и ноги — пепельного цвета, с нависающими прямо на глаза длинными космами — глаз не видать! — а далее — белого мутноватого цвета. И решительно всё понимала. Поглядела на хозяйку и Павлина сердитым взглядом, порычала на них, но раз хозяин — ничего, и она не тянула: смирила свой собачий нрав.

И зажил простец с Лохматкой в домике деревенском. Раз в неделю за провизией ходит на колхозный рынок в ближнем городе — ведь в самой деревне, натурально, ничего не достанешь. Много молится, читает Писание, размышляет о божественном. И решает: всё еще живет по-мирскому, себялюбиво, не ладно. Для ближнего своего делает мало, лишь свою душу спасает.

Раз, на базаре в городе, видит простец калеку-нищего: без рук и без ног, на ошарпанном постаменте на колесиках-роликах, на груди — ордена и плакат: « Помогите инвалиду Великой Отечественной ». Сам калека, натурально, пьяноват, перегаром от него на расстоянии разит, поет песни, власти и буржуев новых матерком кроет, глаза красные, что у кролика.

Взял простец калеку того к себе. Обмывает его и одевает, кормит и поит. Первое время калека ничего, ведет себя соответственно, но через неделю — шел тогда Великий пост — заскучал: — « Мяса подавай! » — и того пуще: — « Что ж ты, скаред, меня всю жисть будешь без водчонки держать?! Меня, меня, ветерана-инвалида Великой Отечественной Войны! »

— Пост ведь, — увещает калеку простец, — ну, потерпи. Хоть и грех это, но на Святой неделе не только мяса будет вдосталь, но и водчонки для тебя куплю.

А калека пуще злится: — Ишь ты, спастись на своем « великодушии » решил, меня не спросясь. А, может, я совсем не хотел, чтобы ты меня к себе в свою деревенскую глухомань притаскивал. А мне, может, интереснее было среди народа толкаться, притащит меня мальчонка на базар, дам ему рублишко, да вечером он же меня за рублишко обратно в ночлежку притащит, а на базаре кто пирогом, кто колбаской, кто водчонкой угостит — за убожество за мое, за песни веселые матерные. А ты — тоже спаситель нашелся! — на чужом горбу в рай хочешь въехать! Мяса давай! Водки!

Терпит простец, зубы сжимает до хруста, рукой руку придерживает, чтобы калеку не садануть в ухо. Но после Свет-

лого Дня не стерпел : посадил калеку в ручную повозку-колясочку, — да и отправился с ним в монастырь Антония Велико-го, в пустыню Фиваиду. А калека всю дорогу скандалит, простеца поносит, последними словами его обкладывает, даже плюет на него с остервенением.

Святой Антоний — было ему уже под сто лет — в самом монастыре не жил, жил поодаль, в пещере малой, но эдак в неделю раз прибредал в монастырь — дать наставления братии, благословить ее на дальнейшие подвиги, дать наставление и паломникам, приходящим в скит тот изо всех городов и сел и Египта, и других стран. Но — чтобы попусту не тратить слов наставительных — спрашивал всегда сначала игумена монастыря о пришедших : « местные », мол, или « эмигранты ». « Местные », дескать, люди занятые, если уже оторвались от работ и забот, то по существенному обстоятельству, даром дом и бизнес не бросят; а « эмигранты » — паломники стран иных — тем делать особенно нечего, они птицы перелетные, они и за малым делом готовы за тридевять земель киселя хлебать отправиться. Так ежели игумен говорил : « эмигранты » пришедшие ныне паломники, Антоний к ним не выходил, а велел их только накормить пирогами и котлетами, а сам издаля благословлял их стол — и всё. Конечно, бывали и эмигранты, которые по серьезному обстоятельству : тех игумен, понятно, звал « местными » : эти ведь клички-звания были не по анкете-правожительству, а по сути внутренней людей пришедших.

В тот раз, как придти простецу в монастырь Антониев, всё больше прибыли « эмигранты », люди несущественных запросов и вопросов. Ну, и еще, натурально, хроникеры и собственные корреспонденты — газетиры и журнальщики — их, понятно, Антоний на пушечный выстрел не подпускал. Благословил только трапезу и паломников, и поскорее в келью к игумену, — чтобы корреспонденты не успели его снять : те уже, как всегда, свои фотоаппараты на него уставили. Загрустил наш простец. А собака его — Лохматка — прямо в келью игуменскую, и Антония за кожаную хламиду к хозяину своему так и тянет, так и тянет. « Вот верный пес », — усмехается святой, и взывает в трапезную : « А ну, простец, заходи-ка сюда со своим инвалидом ». Лохматка тут от радости даже на задние лапы встала — огромный пес, серьезный, а тут, ну, прямо, пляшет.

— Рассказывай, с чем пришел, — обращается Антоний сначала к простецу.

Так и так, рассказал простец свою историю с калекой. — Нет уже сил терпеть, как он, калека, надо мною изгаляется, —

рассказывает с дрожью в голосе : — думаю : отвезу-ка я его обратно на базар. Ведь душу мою вымотал.

— Ладно. Значит, хочешь ты, чтобы кто-то другой — вместо тебя — Христов дар получил? За добро и терпение свое? Неужели думал ты, что получишь награду здесь, на земле сей? Ты простец, да не дурак же : на земле всегда за доброе дело жди от благодетельствованного злобы и мести : должен ты это сам понимать. Ну, отправишь калеку опять побираться на базаре. Ну, пригреет его кто-либо другой. Свет ведь не без добрых людей. А ты венца за нетерпение лишишься. На-ка, в виде эпитемы, свяжи-сплети веревку из ста ивовых прутьев.

Обратился затем святой к калеке, и ну его пушить-распекать : ты, мол, что : знаешь, в Писании что сказано : ежели кто накормит голодного, напоит жаждущего, утешит страждущего, оденет нагого, — это не человек сам только, а сам Христос посетил убогого и накормил, напоил, утешил, одел его. А ты, негодник, на Христа лаешься? Вот тебе эпитемы : не ругайся матом хотя бы сутки. Непосильно?! Осилишь, проси в молитвах о долготерпении...

Заплел-сплел простец кое-как веревку из прутьев ивовых, а Антоний нахмурился, да всю веревку ту забраковал, велел расплести и сплести вновь. Испытывает эдак простецово долготерпение. А пес Лохматка за хозяина своего рассвирепел, и разорвал со злости край кожаной хламиды Антония. Зачем, дескать, над хозяином-добряком, надсмеаешься? Ласково рассмеялся тут Антоний Великий :

— Ну, будет. Не плети веревку — всё равно, ты не больно мастер. А ты, убоже, не матерись больше. Домой отправляйтесь, молитесь : близок, при дверях час ваш последний.

Вернулись простец с калекой и Лохматкой домой, а через сорок дней и сорок ночей преставились все решительно одним разом. И с ними — по случаю ли, либо по Божьей воле, — в тот же день преставились жена простеца и ее новый муж — красавец Павлин : зарезал их не то революционный какой бандит, не то просто разбойник. И сам бандюга, как убежал с добычей, попал со своим автомобилем под встречную машину центуриона городской полицейской когорты. А за неделю, сказать надо, преставился и великий святой — Антоний.

Вот и идут по Млечному пути к райским вратам цепочкой, гуськом : впереди — тачка, на ней — калека. Тачку толкает простец. За простецом — его бывшая жена, а за нею — ее последний муж, Павлин. За ними — пес Лохматка, всё время озирающийся назад и скалящий злобно зубы на революционщика-бандюгу или, там, просто разбойника. Калека всю

дорогу сильным голосом воет дурацкие песни, правда, теперь без матерка :

Как безногому-безрукому солдату —
Вместо корма, вместо водочки —
Понабили в (...) раненую ваты,
Орден дали, посадили в лодочку...

Простец спокойненько толкает тачку вперед и ввысь, с устатку потеет и вытирает пот рукавом, да тихо творит молитву, чтобы не взъяриться на калеку. Жена его бывшая от волнения — что-то ее и Павлина ждет теперь? — без отдыха мелет и мелет языком, а Павлин отмахивается : — Да замолчи, для ради Бога! Дай хоть после смерти о Боге и о душе подумать. А собака то хвостом машет, то норовит искушать террориста-разбойника или там просто бандита.

Вот и на стук прибывших растворились врата раевы. Но стал в растворе врат Петр Апостол с ключами : — Докладывайте, кто вы все — и почему именно решили сюда, в рай?

Отвечает калека : — Да куда ж мне, как не в рай? Ни рук, ни ног, вся задница в крови, в синяках — только она ведь, да брюхо у меня и остались боле-мене цельными, и брюхо пищи требует, а проживи-ка на солдатский пенсион, и это безо всех четырех конечностей. А что матершинник и пьянюга, — так какая иная утеха у меня осталась? Понимать надо.

А Петр к нему : — А почто своего благодетеля ругал? За что изгалялся над ним?

Калека : — Опять ты за старые песни : разве я просил его надо мною благодетельствовать?! Катитесь вы все, благодетели рода человеческого, колбаской!

Тогда Петр к простецу : — Ты тоже хорош : то благодетельствуешь, то от нетерпежа отрекаешься от благодетельства. Где ж тебе в Рай светлый...

Простец чуточку озлился : — Немощен человек, не всегда стоек и терпелив. Ведь и ты, Петр, трижды от Христа отрекся... А вот — вратарь Рая.

Петр закусил бороду, только под нос : — « Кто старое помянет, тому глаз вон », — и к бывшей жене простеца :

— Ну, а ты-то чего в райский сад приплелась? Изменила мужу, при его жизни вышла за другого...

Подбоченилась жена : — Ты что мне за указчик? Повиновалась я природе своей, а она Богом сотворена : муж-то мой староват стал, и всё больше по общественным делам и мудрствовал, а мне, бабе, что оставалось делать? Я — женщина и

мать. Я свой природный завет исполняла. Бог меня создал такой — пусть Бог и судит.

Тогда обратился Петр к Павлину : — Ну, а ты? Молчишь? Сказать нечего? То-то! Может, ты и есть главный греходей.

Павлин же тихо и убежденно : — Я ее любил. И люблю. И всё тут.

И Петр Апостол тут потер переносицу ключами, подумал еще, и решил :

— Нет, рано вам всем еще в Рай. Не пущу вас.

А пес Лохматка схватил Петра за край ризы — и прямо-таки оттаскивает от врат райских, чтобы хозяев своих пропустить. Петр Лохматку ногой, — не отстает пес : — Что ж это, выходит, что и пса бездушного в Рай пускать? Отвяжись, пристал, как репей!

Незаметно подошел к Петру новопреставленный Святой Антоний Великий :

— Святы́й Апостол, почему хочешь разлучить ты пса верного с хозяином его? И почему пес — бездушен? Ведь творение Божие он. Пусти-ка всех в рай — достойны они.

— И меня! и меня! — благим матом заорал тут просто разбойник или, там, революционный бандюга. — Разве и тут — классовый подход?!

Но Лохматка оцетинился — и прямо на разбойника. Повеселел Святой Петр : — Вот собака — та поняла, как трудно, как тяжело мое место привратника : разве мне не жаль всех? Разве не понимаю, как трудны дорожки в Обитель Горнюю? Плачу, скорблю, но не могу же всех пускать! И убийцу — и жертву его. Послужишь ты мне, пес верный. Ну, проходите все, что ли. Но не ты, разбойная душа. Ишь, разохотился.

Врата захлопнулись. И долго еще были слышны истошные крики разбойника : — Империалисты! Классовая расправа и классовый подход!

Борис Филиппов

ВЕЗЕНИЕ ШРЕКЕРА

Начинало чуть-чуть смеркаться и я подумал не зажечь ли, чтобы не портить глаз, лампу, как до меня донеслись с лестницы восклицания, крики и площадная брань. С досадой отбросив интересную книгу, я вышел на площадку и увидел моего знакомого Николая Ивановича Воробьева, быстро спускавшегося по ступенькам. Вид у него был расстроенный, — чтобы не сказать растерзанный, — шляпа была сдвинута на лоб, воротник задран, галстук сбит на бок. — «Что с вами?» — спросил я. — «Просто невымыслимо, глупей глупого, — пробормотал он, со злобой, — этот Шрекер, который над вами живет, полнейший дурень. И вдобавок грубиян. Никакого другого объяснения быть не может». — «Да я его только с виду знаю», — заметил я и предложил Воробьеву зайти, чтобы привести туалет в порядок. — «Он нанес мне удар по шее, потом схватил за воротник и собирался спустить по лестнице, да я во-время вырвался» — прошипел он, входя. Воробьева я знал довольно давно, но поверхностно; у нас был один общий интерес: мы любили время от времени хорошо пообедать в хорошем ресторане. В остальном наши пути расходились. Он вращался в кругах близких к бирже, я же составлял отчеты о парижской артистической, театральной и литературной жизни для иностранных журналов. А Шрекера я знал совсем мало! Он въехал в квартиру расположенную над моей около года тому назад. Мне приходилось с ним встречаться на лестнице и всегда меня поражала его необыкновенная уродливость. Был он до неестественности красен, толстые его губы были вывернуты, так что виднелись десны, и вокруг этого отвратительного рта росли жиденькая бороденка и усы, под которыми можно было угадать, почти даже увидеть, прыщи и веснушки. Туловище его было и длинно и широко, ноги толсты и коротки, ступни огромны. В коричневатых глазах светились и страх, и недоверчивость. Лишь голос его, который мне как-то пришлось слышать во время его разговора с швейцарихой, был привлекательным: мягким и музыкальным. Насколько мне было известно, он не был беден: он нигде не работал, был хорошо одет, располагал прислугой, купил недавно автомобиль, которым впрочем, почти не пользовался. Когда Воробьев перевязал галстук, поправил воротник и причесался, мы прошли в большую комнату и я предложил ему сигару (я знал, что он до них охотник). Это было лишь уловкой, так как в сущности я попытался

его задержать чтобы узнать подробности того, что с ним только что приключилось. — « Кто такой этот Шрекер? » — спросил я, без обиняков. — « По правде сказать, хорошенько не знаю, — ответил он, с неохотой, — странный какой-то тип. Вышло само собой и помимо моей воли, что я отчасти теперь занимаюсь его делами. Предпочел бы, чтобы этого не было. Но раз начал, надо продолжать ». — « Не сочтите мой вопрос за нескромность и отнесите его за счет любопытства, которое предоставляю вам удовлетворить или не удовлетворить. Но в чем заключаются дела Шрекера? » — « Пусть он убирается к чорту, — промолвил Воробьев, явно отвечая не мне, а какой-то своей мысли — предпочитаю о нем не говорить ». — После этих слов он сделал несколько нервных шагов по комнате и, не пытаясь скрывать раздражения, протянул мне руку. — « До свидания », — пробормотал он. — « Вы так спешите? » — « Нет... да... нет, я не спешу. Но я хочу уйти, извините ». Предполагая, что ему, после столкновения со Шрекером, нужно одиночество, я не настаивал. Любопытство мое, между тем, возрастало, переходя даже в некое беспокойство. Точно бы меня тянуло посмотреть на Шрекера, который, теперь, представлялся мне иным, чем то было при случайных встречах на лестнице. И, слегка уклонясь от беспристрастности в оценки того, что произошло, я допустил, что отказ Воробьева объяснить мне в чем дело может послужить достаточным основанием для небольшого дознания. Я вышел, стало быть, на лестницу и тихонько поднялся в следующий этаж, где остановился перед дверью Шрекера. Ни малейшего звука до меня не доносилось. И хотя в этом не было ничего удивительного, тишина эта мне показалась полной таинственного значения. Невольно ли, сознательно ли, я не знаю, но я напряг всё свое внимание, открыл, так сказать, доступ во все закоулки моей памяти, с тем, чтобы потом разобраться в том, что она регистрирует. Так, иной раз, приходится насторожиться, чтобы вслушаться и запомнить отдаленную музыку. И, действительно, словно в ответ на некий мой внутренний нечленораздельный вопрос, я расслышал долгий стон, выражавший не то мучение, не то упрек. И снова водворилась тишина. Я не смел позвонить, но испытывая не знаю из чего вытекавшую уверенность, что дверь не заперта, я ее тихонько толкнул. Не поддайся она, я, всего вероятней, был бы рад. Но она поддалась и, сделав шаг, я оказался в прихожей. В течение нескольких секунд я не двигался, буквально застыв на месте. Сквозь открытую дверь я различил очертания комнаты, соответствующей моему рабочему кабинету, и, подчинившись всё возраставшему любопытству, вошел в нее. Уже темнело, но в незанавешенное окно проникал

вечерний полумрак, что позволяло ориентироваться. Налево была дверь, точно такая же как та, которая в моей квартире выходила в спальню. Я ее открыл и тотчас же понял, что мой силуэт должен вырисовываться на фоне слабо освещенного большого окна, которое теперь оказывалось как раз за моей спиной. Из густой полутени дальнего угла спальни донеслось до меня тогда что-то, что ни жалобой, ни стоном, ни воем назвать нельзя. Это было, если можно так выразиться, звуковой передачей полного отчаяния. И после этого странного звука, я расслышал ряд быстро произнесенных слов: «нет, нет, нет, не надо, не надо, довольно, и так уже довольно..». В тени, которая была почти темнотой, я рассмотрел большую кровать и на ней что-то прикрытое белым одеялом, или простыней, что не могло не быть Шрекером. Вероятно, оттого, что я попал в его поле зрения, он сделал несколько движений, облокотился и сел. К этому мгновенью глаза мои свыклись со скудостью освещения и я различил и уродливые черты лица, и, главное, два каких-то белесых глаза. — «Что вам надо?» — спросил он, хрипло. — «Успокойтесь, — ответил я, — никакого зла я вам не сделаю, и не желаю. Я не враг». — Теперь я видел всё почти ясно. Видел, во всяком случае, как он откинулся на подушку и как грудь его поднялась от тяжелого вздоха. — «Можете ничего не говорить, — произнес он, — даже если вы грабитель или убийца, мне не страшно. Мне достаточно было слышать ваш человеческий голос и различить, что вы не зеленый. Даже против полусвета видно, что вы не зеленый». — Что он имел в виду, говоря, что я не зеленый? Он же, между тем, прибавил: — «Если вам угодно, вы можете объяснить причину вашего появления. Но я могу обойтись и без объяснений». — Я колебался. Я не знал, следует мне сослаться на Воробьева, или не следует? Потом, решив, что лучше не надо, я сделал еще два шага. Он зажег тогда настольную лампу. — «А, это вы, произнес он. — Узнаю. Вы живете этажом ниже». — «Совершенно верно. Я вошел к вам потому, что услышал, что вы стонете и дверь в вашу квартиру была незаперта. (Признаюсь теперь, когда пишу это, что мои слова были не совсем точны. Но он, повидимому, не заметил невязки). Думая, что вы один и может быть нуждается в помощи, я решил не звонить». — «Я часто стоною, — промолвил он, — и ничего в этом особенного нет. У меня на плечах тысячелетия. Кто от этого не застонет? Стоны и крики — это всё мое достояние, всё, что мне осталось. Ни молитвы, ни самоубийство, ни исповедь, ни причастие, ни цинизм, ни... как сказать... ни грехолюбие, — ничего этого для меня теперь не существует. Повторяю: только стоны, только крики. Неудивительно, что я к ним прибе-

гаю ». — Это походило на бред. — « Чем я мог бы вам быть полезен? » — пробормотал я. — « Вы? Ничем. Ни вы, ни вообще никто. Одно время поможет, да и то не наверно. И столько его нужно, столько его нужно! О! О! О! Невообразимо! » — « Вы больны? » — « Я? Болен? Нет, мое здоровье прекрасно. Только раньше, кроме здоровья, у меня были бедность и счастье. Теперь я не беден, но счастье меня покинуло. И не только счастье, но даже просто спокойствие, просто хорошее расположение духа. При этом никакой вины я за собой не знаю и если бы меня спросили, за что я несу наказание, то я вынужден был бы ответить, что невиноватого не наказывают, а мучают. Я ничем не повинен, я ни на что, в сущности, и не жаловался. Я мирно жил в маленькой гостинице на улице Лурмель. Я был всегда веселым и не сердился, когда надо мной подтрунивали из-за моего уродства. Иные говорили, что мое уродство мне подходит, как может подходить та или другая одежда. И я вместе с ними смеялся! Честное даю слово, что так иногда было. Куда же дальше идти? Чего еще требовать? Ничего ». — Я молчал. — « И длилось это годами », — продолжал он и попросил разрешения потушить лампу. Свет резал ему глаза. — « Конечно, конечно », — поспешил я согласиться. И тогда, вновь оживившиеся тени стали сопровождать его слова на подобие траурного шлейфа : — « Видите, видите, как всё было... Я без ремесла и значит постоянного заработка у меня быть не могло. Но не моя вина, что это так. Какое же может быть ремесло, когда до двадцатипятилетнего возраста только войну и революцию видел? А потом пришлось спасаться границей, и где попало, там и работать. За всё братья, ничего делать не умея. Я и чернорабочим был, и шахтером, и посуду мыл в ресторанах, и батрачил, и подметальщиком был... Даже клоуном пришлось выступать... Как мог и где мог трудился, добывал себе на хлеб насущный, на кровлю, ни на что не жалуясь ». — « Да, нашему брату эмигранту невесело пришлось », — вставил я. — « Конечно! Но у меня было большое преимущество перед многими : отличный характер, мягкий, ровный, спокойный, веселый. Всегда, даже в трудные дни, я был в хорошем настроении ». — « Это, правда, много ». — « Да, много, но не всё. Вышло как-то, что очень уж туго пришлось; из-за общей безработицы, видите ли. Туго и очень уж долго. Голоден я был, холодно мне было, из гостиницы хотели выгнать... ну я и поворчал немного, позлобствовал. Позубоскалил вечером в кафе, да и то сказать, что по-русски ворчал, так что никто кругом не мог понять. Как сейчас помню : шел дождик, противный такой, по стеклу струйки бежали. Башмаки дырявые, ноги промокли, даже знобило. Да и в кафе-то я зашел

только чтобы согреться, всё равно в кармане ни сантима. Народу было полно, так что я мог притвориться, что жду очереди, пока другим наливают. Вот тут-то я и стал ворчать, жаловаться, сквозь зубы на судьбу жаловаться. И всё обошлось бы. Постоял бы четверть часа да согрелся бы и ушел бы, чтобы в гостиницу проشمыгнуть. Только вот на грех — говорю: на грех, а не как на грех! — оказался со мной рядом Николай Иванович Воробьев. Проклятый! » — Меня как электричеством дернуло. Я так и насторожился. Однако ж промолчал. — « Я никогда раньше его и не видел, — продолжал Шрекер. — Да и вообще я его только два раза видел, вот в тот вечер, в кафе, и сегодня, когда он ко мне явился... ». — После этих слов он, как бы задумавшись, или что-то стараясь восстановить в памяти, на некоторое время умолк. А я, с недоуменной нерешительностью, продолжал себя спрашивать: надо или не надо заговорить о моем знакомстве с Воробьевым? О том, что едва его покинув, он оказался у меня, да еще в каком виде? — « Воробьев провокатор и мошенник, — проговорил, наконец, Шрекер. — Возможно, что эти его недостатки от него самого ускользают, то-есть, что он, в известном смысле, несознателен, но сущности дела это не меняет. Несознательность ему извинением послужить не может. Когда он сегодня ко мне пришел, так я ему ничего даже сказать не позволил. Я его буквально выбросил за дверь, да еще по шее ему дал... » — « Его вид... » — начал я было, но умолк тотчас же, а Шрекер со злобой произнес: « несколько об этом не жалею. Лучшего он не заслуживает. Худшего, скорей ». — И опять он на довольно долго замолк. А я, подавив возникшее было желание сказать Шрекеру, что Воробьев в моей квартире только что поправлял сбитый галстук и был озлоблен и нервен, тоже не проронил ни звука. — « Всё решилось в тот же вечер, — заговорил Шрекер, — и тем более мне обидно, что я тогда никого не проклинал и только немного, сквозь зубы, на судьбу поворчал. Другие ведь проклинают небо, кощунствуют, хулят имя Господне по гораздо меньшим поводам, а иногда и просто так, без всякого повода. А я всего-на-всего сказал Воробьеву, в котором узнал соотечественника из-за русской газеты, которую он держал в руках, что я устал, что хотелось бы мне пожить спокойно, в свое удовольствие, не тревожась о завтрашнем дне, о том, чтобы быть сытым и чтобы не холодно было и ноги были сухие. В сущности, я ведь даже на судьбу не жаловался... Не судьба же, в самом деле, решает, кому быть голодным и кому быть сытым? Не до таких ей мелочей. Об этом надо самому думать. И совсем это не значит переносить судьбу, если частенько недоедаешь или нечем за комнату заплатить. Правда? »

— « Да, кажется, да ». — « Ну так вот : сказал я тогда Воробьеву, что очень что-то за последнее время мне туго приходится. И что надоело это. Он приказал подать мне грог, да не маленький, а большой стакан. Я сразу выпил. А на голодный желудок, сами знаете, как это может подействовать? Закружилась тогда моя голова и сознание, надо думать, немного померкло. Не помню точно, что я стал ему говорить... Вот верьте, не верьте, не помню. Стараюсь всегда припомнить, и ничего не выходит... » — « Это бывает », — помог я ему. — Мне, теперь, непременно хотелось чтоб он всё, до самого конца рассказал. — « Зато помню, — продолжал Шрекер, — что представился : себя назвал. И он стал смеяться. Всё больше и больше смеялся и всё громче, приказал подать второй грог! Выпил я и второй и стал совсем пьяненьким. Едва-едва мог что-то лепетать. И тут он, переменяв голос, почти в повелительном тоне начал говорить, так что я очухался. Если дела — сказал — не идут, то можно их устроить. И очень даже просто! Вы в Бога веруете? Да, говорю, верю. С детских лет всегда по воскресеньям в церковь ходил, к обедне, да и теперь хожу, на рю Дарю, в Собор Александро-Невский. — Так Он вас обманывает, — говорит, — вы Его о том и сем просите, а Он ничего. Обратитесь к чорту. Я не понял. Как так обратиться к чорту? У него ведь и церкви нет. А он : да и не нужно церкви. Можно у себя, в комнате, запершись. И всего-то только и надо чуть чуть переменить молитву. Не Отче наш, иже еси на небесех, сказать, а отче наш, иже в преисподней владычествуешь, да достигнет царствие твое до нас и да будет воля твоя яко под землей, так и на земле. И не только насущный нам хлеб на день дай, а всего вдоволь, и до конца дней наших : и хлеба, и одежды, и кров, и тепла, и вина, и веселья и красавиц. Не простим мы обидчикам нашим и ты нам за это сторицей воздашь! Вводи нас в искушения твои и мы радостно поддадимся. Зато избавь нас от попечения Господнего. Аминь ». — Наступило тогда довольно долгое молчание. « О-о-о, — донесся до меня из совсем почти сгустившейся тьмы голос Шрекера. — « А дальше что было? » — спросил я, почувствовав, что подавляю что-то похожее на внутреннюю дрожь. — « Шел дождь, все кругом пили, о чем-то громко говорили, хохотали, музыка какая-то грамофонная играла. Воробьев взял меня под руку и вывел. Вам куда? — спросил. Мне до гостиницы не далеко было, я ему так и сказал : мне рядом. Больше всего от него отделаться хотелось. Он позвал такси и уехал. А я по-воровски к себе прошмыгнул. И голова кружилась, и слегка подташнивало. Так уж был в тот вечер слаб и несчастлив, что и сказать не могу! Залез под одеяло, думал, что завтра снова придется по ули-

цам бродить, работы искать, во все двери соваться. С боку на бок ворочался. А потом сдался! Ну вот повторяю: уступил, сдался! И прочел ту самую молитву, которой меня Воробьев научил, и так истово прочел, от всего сердца, от всей души...».

— Я молчал. Что, в самом деле, и сказать-то можно было? — « Можете верить или не верить, дело ваше », — проговорил Шрекер, — « но почти тотчас же чорт и явился ». — « А-а — промычал я, не то с недоверием, не то с насмешкой, — и какой же он был? » — « Вы думаете, может быть, что в шляпе с пером и при шпаге? — рывкнул Шрекер, — или в мантилье, или с козлиными ногами? Если так, то ошибаетесь, милостивый государь ». — « Ну всё-таки, каким он был? » — не сдавался я. Нездоровое во мне проснулось любопытство! — « Смеетесь надо мной? — продолжал он. — Думаете, с пьяных глаз приснилось? Так нет, не приснилось, всё наяву произошло. И был он, знаете каким? Точно таким как я; двойником моим: длинное туловище, короткие ноги, ступни непомерные. Притом, бесстыдно голый и зеленоватый. Сам видел, знаю, что как раз таким он тогда был, как я ». — И со злобой добавил: « а если вам явится, то таким же как вы будет! » Опять наступило молчанье. — « На утро я подумал, не сон ли? Но нет, мы же с ним говорили ». — « Бывают сны с разговорами », — прошептал я. — « Да, но не с такими точными, не с такими ясными, такими, что всё, что каждое слово запомнилось ». — « И что же он вам сказал? » — « Не он начал, а я. Сказал ему, что немногого прошу. Что ни вечной молодости мне не надо, ни богатства несметного, ни красавицы, ни славы, ни власти, что всего-на-все-го мне надо спокойной жизни, такой, чтобы о завтрашнем дне не думать. Что удачи мне немного нужно! А не то, что вот во всем всегда не везет ». — « Ну и что же? » — « А вот то, что он мне сказал, что я его не очень-то интересую. Что слишком малого прошу, и что, стало быть, у меня душа маленькая. А ему нужны большие души! И столько ему их нужно, чтобы большинство, да, да, большинство! так и сказал! — у него оказалось. А я что? Всё равно большим грешником: убийцей там, или насильником, или самоубийцей, или хулителем ведь не стану, не прошу о награде за такое. О малом прошу. Ну, о том, за что на некоторое время в чистилище отправляют, а не к нему ». — « Что-то вы такое понесли... » — « Не такое, а именно каким всё было. Я ему, что у православных чистилища нет. А он тогда стал смеяться ». — « Смеяться! Как? » — « Да так вот и стал смеяться. Вроде скрипа какого-то звук издавать, или посвистыванья. И еще добавил: а у католиков есть чистилище. Примите католичество, и всё устроится ». — « Так », — промолвил я, начиная думать, что правда он дурак, этот

Шрекер, или почти спятил — «Что так? — отозвался он. — Вас тогда со мной не было, вы не видели, не слышали. Чего же вы такаете? Знаете ли вы, что он, зеленый и голый, помолчал немного и смиренным, тихим таким голоском, точно сниходя, прибавил: всё-таки я вас трону. Лобзание мое, говорит, примите». — «И облобызал?» — «Нет, не облобызал. А только, приблизившись, щеку мою пальцем тронул. О-о-о!» — Тишина, после короткого его стога, длилась, я думаю, минуту или полторы, а потом он буквально взвыл и как ни было темно, я видел всё же, что его, под простыней, так и крючило, так и крючило. — «Тогда я его спросил, — продолжил он, — что мне делать надо? И он ответил, что ничего, что всё само собой устроится...» — «Ну и как же?» — «А вот так, как он сказал. Проснулся я, на другой день, расстроенным, чуть что не больным. И хотя и думал, внутренне, в самой глубине, что всё было по настоящему, всё-таки старался себя уверить, что только сон... И постарался не придать никакого значения тому, что в то же утро нашёл работу. И легкую, и не так плохо оплаченную. Именно, обратив внимание на мое уродство, меня нанял хозяин вновь открывшегося ресторана: кланяться, улыбаться и открывать посетителям двери. При этом он меня нарядил в какую-то ливрею всех цветов радуги, с огромными перламутровыми пуговицами, с золотыми позументами и пестрыми аксельбантами. Ещё я стал от этого уродливей, чем в моем пальтишке замызганном. На меня все смотрели. Так на странное какое нибудь насекомое смотрят... Перешептывались, хихикали, особенно дамы. Вышла у меня какая-то репутация, народу в ресторане прибавилось, чтобы на меня поглазеть приводили старые клиенты новых. А я всё кланялся да улыбался. И ел досыта! И за комнату мог платить...» — «Действительно ведь повезло», — пробормотал я. — «Подождите, куда вы торопитесь. Только начало такое было. А потом пришел в ресторан кинематографический антрепренер. Как меня увидал, так к хозяину и направился: уступите, мол, мне вашего швейцара, он мне для фильма нужен, я такого уroda всё ищу, а он даже лучше, чем я себе мог представить... Хозяин запросил отступного, антрепренер сейчас же чек выписал, да еще мне несколько сотенных отвалил. И начал я тогда сниматься...» — «Сон в руку...» — промямлил я. — «Да подождите вы, всё вы спешите. Не на этом кончилось. Это только присказка, а вот и самая сказка. Деньги-то, оказалось, не антрепренерские были, а ему какая-то старая дева на фильм кредит открыла. Сама она при секте какой-то состояла, Христиан Сиенс, или Мормонка, или хлыстовка, не помню, верней, не понял, когда объясняли. Так вот она почла, что уродство мое не может ничем

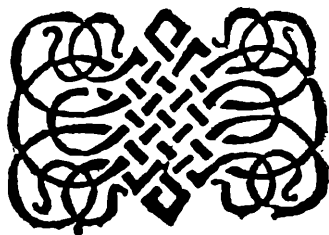
другим быть, как незаслуженным наказанием, и для облегчения моей участи определила мне пожизненную пенсию. И такую, что могу вот безбедно существовать. Об одном только просила: чтобы я молился, просил бы грехи мне отпустить, мне, а может даже и не мне, а моим предкам какимнибудь...» — «И вы молитесь?» — «Какой там! Только пробую. Как начну молиться, так вой из глотки идет. А если про себя, то судороги охватывают, ноги сводит, сердце биться перестает, или поносом прохватывает сутками, неделями, месяцами...» — «И что же вы собираетесь сделать?» — спросил я, не ожидая, в сущности, никакого ответа. Только так спросил, чтобы не было молчанье, чтобы он снова не начал выть. А он возьми да и ответь: — «Вот слушайте. Насчет чистилища. Ведь он мне сам тогда сказал: примите католичество. У католиков чистилище. И всё устроится. Отсидите там, что положено... но как? Как, скажите вы мне на милость, ну как мне к аббату пойти и всё рассказать, объяснить зачем и почему пришел? Ну как? Ведь ничего не смогу сказать, только завою, заору, закликую шествую...» — «Да! Хм!» — «И опять таки я не всё сказал. Везде мне теперь везет, во всем. Возьму лотерейный билет — выиграю. Поставлю на лошадь, на самую никому не ведомую — она первая приходит. На бирже: куплю акций захудалых — они в гору. Я — верьте, не верьте — с неудачниками ходил советоваться, с такими, о которых известно, что всегда они проигрывают. Так нет: и мне, и заодно им, всё в карманы валяло! Не миллиарды, конечно, и не миллионы, а вот как раз то, что нужно, ну больше, правда, чем на самое необходимое, но не огромные суммы. Но одно пропало! Пропало на совсем, без всякой надежды...» — «Что именно?» — «Беззаботность мою, веселость, характер мой уживчивый, добродушие, самую доброту мою как рукой сняло. И ничего не помогает. Правда...» — «Что правда?» — «Приходило мне на ум Воробьевскую молитву повторить. Чтобы попросить всё обратно взять. Но как подумаю, как только на мгновение себе представлю, что вот он, точно такой-же как я, да голый, да бесстыдный, да зеленый... о-о-о!» — И завыл, застонал несчастный Шрекер, засучил под простыней ногами. Видно мне было, как в почти уже полной темноте колыхались простыни, да глаза его, белесые, когда он в мою сторону оборачивался, как два бельма на самой темноте на мгновение выступали. — Через несколько дней после этого меня вызвал по телефону Николай Иванович Воробьев. Удачная биржевая операция принесла ему приличную пользу и, сверх того, он сделал открытие, которое нас обоих касалось: новый, небольшой ресторан в котором красивая хозяйка сама предлагала изысканные блюда, собственного изобретения.

Общий наш вкус к хорошей кухне, как я уже сказал, давно нас связывал и, несмотря на некоторое опасение, которое во мне, после исповеди Шрекера, вызвала личность Воробьева, я предложение принял. Когда мы оказались один против другого за небольшим столиком я, несколько раз, хотел — и не посмел — навести разговор на Шрекера. Конечно, ведь, Воробьеву упоминанье Шрекера приятным быть не могло, а мне и подавно. Так что слова как бы застревали у меня в горле. Однако ж к концу обеда Николай Иванович сам заговорил о своем неудачном визите к нему. — « Я вам уже рассказал, — начал он, — что ваш верхний сосед Шрекер просто дурень. И на днях было этому двойное доказательство. Не понимаю, признаюсь, что у него в голове? Почему он так со мной обошелся в тот день, помните? » — Я помнил и мотнул утвердительно головой. — « Так вот, я видел этого Шрекера в босяцком состоянии. А теперь он, как будто, вполне обеспечен ». — Я ожидал, что Николай Иванович мне расскажет про встречу в кабаке, о том, как он « подшутил над Шрекером » с молитвой. Но про это он не сказал ни слова. — « И, подумайте, придется мне снова к нему идти. Он, видите ли, на бирже играет при посредничестве одного моего знакомого маклера, который, как раз, в Лондон, на некоторое время, уехал, и, уезжая, поручил мне последить за его парижскими операциями. Небольшие, правда, операции, но всё-таки. И он для Шрекера тоже купил бумаги, которые, внезапно, очень поднялись. Вертикально поднялись, сверх всякого ожидания! Надо их продать. Для этого я и пошел к Шрекеру, чтобы его в курс поставить. А он, идиотина этакий, даже слушать ничего не стал и чуть меня с лестницы не спустил. Помните? » — Я помнил. — « Так вот я эти бумаги без всякого разрешения и продал. На свой риск. И должен был послать Шрекеру тридцать четыре тысячи. Сам-то я к нему появляться больше не собирался, это понятно... » « Понятно... » — « Но мне, как раз, предложили еще операцию, совсем верную и в тот же вечер тридцать четыре тысячи превратились в сорок. Везет этому дураку, так везет, что вот именно приходится сказать : дуракам счастье ». — « Да, — пробормотал я. — Это так. Ему везет. Удача на его стороне. И что вы теперь думаете делать? » — « Хочу с ним снестись, но не хочу его видеть. Не можете ли вы мне в этом помочь? Он ведь над вами живет, как раз ». — « О нет! О нет! — воскликнул я. — Я не знаком с вашим Шрекером ». И тут я сказал фразу, от которой меня и теперь, когда я ее вспоминаю, передергивает, а именно : — « Попробуйте купить еще какие нибудь бумаги. Так вы выиграете время и дождетесь возвращения вашего знакомого из Лондона ». — « Вы думаете? » — пробормотал Воробьев. — « Да, думаю », — про-

мямлил я и припомнил знаменитейшую из знаменитых строфу : пришел, и ослабел, и слег под сводом шалаша на лыки и умер бедный раб у ног непобедимого владыки. И спросил себя : какой какого человека послал? Я Воробьева или Воробьев меня или Воробьев Шрекера? Было мне, однако, утешение : я допускал, что деньги могут улетучиться и что тогда я явлюсь к Шрекеру, чтобы сообщить ему приятную новость. — Неделей позже еще звонок от Воробьева, который мне сказал, что сорок тысяч Шрекеровских превратились в пятьдесят! Опять он просил меня помочь ему в передаче этого барыша, ну хоть вместе к Шрекеру подняться. Я отказался наотрез. Я даже рассердился на Воробьева и говорил с некоторой резкостью, которая, конечно, осталась ему непонятной. — « Уверяю вас, настаивал он, — вы ровно ничем не рискуете. Если что выйдет, то удар весь приму я. Кроме того наш брат биржевик всегда суверен. И мне почему-то кажется, что вы удачливый. Вот я и хотел соединить, так сказать, наши линии ». — « Ради Бога! — воскликнул я, — ради всего святого! Не будем об этом говорить! Я тут не при чем, совсем, совсем не при чем. Мой совет купить еще акций был простой случайностью, болтовней глупой был. Не станем к этому возвращаться, хорошо? Вы меня слышите? Не надо... » — « Но я вас заинтересую, — не сдавался Николай Иванович, — вы только выиграть сможете, так как я у вас даже ничего не попрошу, чтобы вложить в операцию... Я вполне уверен... » — « Нет, нет, нет! Прошу вас, нет. Отказываюсь категорически! Понимаете? » — После еще нескольких минут спора он оставил меня в покое. Мне показалось, впрочем, что он на меня обиделся. Ну и пусть!

Я. Н. Горбов

«Второй звонок!»

(Рассказ из времен революционного 1918 года)

— Пойманная ящерица спасается оставляя в руке любопытного мальчишки долго еще дрыгающийся хвост, а половинки земляного червя, перерезанного лопатой, спокойно расползаются в разные стороны...

Поезда в России, после крушения государства, продолжали двигаться, но ни часа отправления и прибытия, ни станции назначения никто не знал, зато разорительная система оплаты проезда была отменена сознательным народом.

Мало того, гадательно было не только, посчастливится ли доехать куда нужно, но и какие республики, гетманства, атаманства или ханства возникли в местности, в которой ты «безмятежно проживал» прежде.

Зато техника государственных переворотов, благодаря скорострельным навыкам самоопределившегося воинства, достигла совершенства: они совершались перед рассветом, когда, измученный вконец ожиданием, обыватель забывался тревожным сном, а подлежащее смене правительство, упившись, сваливалось под стол.

Вторжение наследников способствовало тогда переходу тяжелых похмельных кошмаров в легкую «безболезненную» смерть...

Однако, эти мелкие неудобства только распаяли в жителях —

«весьма мучительное свойство :
охоту к перемене мест».

Вся Россия сорвалась с корней: солдаты, обнажая фронт, стихийно двигались домой, а тыловые обыватели покидали назначенные места.

Одни уходили потому, что даже незначительные ссоры с соседями грозили теперь доносами и самосудом и оставаться у себя казалось всего опаснее, другие срывались в поисках хлебных углов, третьи, потеряв службу или работу, в поисках нового устройства.

Котел революции кипел, летели брызги крови и грязи...

В это смутное время, покинув, быстрыми темпами разла-

гавшийся, гарнизон города Луги и семью в Петрограде, я с моим неразлучным другом устроили себе перевод в киевский Университет (оторванный хвост ящерицы всё еще продолжал двигаться!) и пробирались оттуда к дяде-провинциалу, в уездный городок екатеринославщины.

Места в поезде брались с боя, а тут еще в самую гущу затесались две, насмерть испуганные, институтки, которых мы немедленно взяли под свое покровительство.

Поработав дюжими локтями, мы усадили наших барышень и заняли рыцарские позиции у их ножек, на застланном семечками полу.

Наши подвиги были оценены: девичьи личики расцвели улыбками-обещаниями и мы отдали им сердца, хотя, — сдавленные толпой пропахшей махоркой, самогоном, селедкой, портянками, словом полным букетом «русского духа», — и продолжали не на шутку тревожиться...

Облаченные и сами в солдатскую форму вольноопределяющихся, мы оставались для фронтовиков чужими — «буржуями» и, не подоспей «свобода», будущими начальниками — «прапорами», а офицерская кровь была уже на солдатских руках, может быть, и у наших случайных спутников...

Поезд, наконец, двинулся. Вослед ему улюлюкали неудачники, с перрона раздавалось несколько выстрелов, на ступеньках гирляндами висели прицепившиеся, даже на крышах вагонов гремели подбитые гвоздями сапоги. Сколько искалеченных трупов валялось тогда вдоль железнодорожного полотна...

Рассказать дальнейшее? — Первоначальное взаимное озлобление, муку застывшего в изогнутой позе тела, зловоние из открытой, набитой людьми уборной, а затем постепенное умиротворение, совместную уже борьбу с новыми, осаждающими поезд на каждой станции толпами, нахождение лучших позиций, нарастающую снисходительность принявшего нос, словом, знакомое всем чудо обживания, в любых обстоятельствах?

Читатель, я готов, но мне жалко вашего времени...

Зато, мы, вместе с вами, с удовольствием припомним русский дорожный обычай: проследим, как нежные, но умелые девичьи пальчики извлекают из плетеной корзинки завернутую в салфетку, а затем и в восковую бумагу традиционную жареную курицу, не ту подозрительную, питающуюся рыбьей мукой и другими суррогатами, курообразную животину, с которой мы познакомились за границей, а нашу — выкормленную отборным зерном, копошившуюся под кустами малины и крыжовника, пеструю хлопотушку, а за нею котлеты, сочную

« чайную » колбасу, коржики — специальность тети Оли и « хворост » — творение бабушки, чай, да, горячий и сладкий чай в термосе, — верх роскоши и удобства, — знаменитое киевское варенье, пастилу, павидлу и тающие во рту груши...

А ведь я еще, наверно, запомнил многое...

Да, всё это еще не успело перевестись на нашем благодатном юге, при Раде и Гетмане, и было подчищено под гребенку только коммунистическими ордами. И если мы наслаждались этими домашними благами, то и солдаты не смотрели на наше пиршество голодными глазами, не говоря уже о том, что мы, в таком случае, поделились бы с соседями.

Из мешков появились бело-розовые пласты несравненно-го малороссийского сала, жирная вобла, огурцы, караваи « паланицы » и забулькала в широкие глотки, прямо из бутылок, водка и, на худой конец, самогон — « первач » — жидкое живительное пламя!

Я замечаю, вы — благополучный горожанин — морщитесь? — Напрасно, « всякому овощу свое время » и, в иных передрыгах, « первач » ободрит павшего духом человека, а затем и выльется в русской разудалой песне... За чаем, мы разговорились с нашими спутницами, но о многом, под тяжелым гнетом десятков, если не всегда и враждебных, то настороженных глаз, невольно умалчивалось...

Выяснилось, что барышни пробирались в Крым и вскоре после Лозовой, где предстояла общая пересадка на поезд большой магистрали Москва-Севастополь, мы должны были расстаться.

Увлеченные вновь возникшей, самой чистой, знакомой только первоначальной молодости дружбой-влюбленностью, мы едва замечали окружающее.

К тому же, после Полтавы, где схлынула большая часть толпы, атмосфера, физическая и моральная, значительно очистилась...

Там высадился и молодой развязный солдат, наглыми глазами ощупывавший наших спутниц. Чувствовалось, что этот солдат из фабричных сдерживается, не надеясь на поддержку солдат-крестьян, стремящихся забыть войну и поскорее войти в свою хату.

Уже сильно за вечерело. В купе, кроме нас, остались только два пожилых ополченца. Фонари едва теплились, из окна в коридоре, с разбитым еще в Киеве при посадке стеклом, несло холодом. Поезд нашей захудалой однокорейки полз неторопливо и бесконечно стоял на станциях, в ожидании встречных составов, и когда мы миновали последний разъезд Страст-

ной — какое многообещающее название! — наступила ночь.

Еще десять верст и Лозовая.

Мы притомились и молчали. « Крестники » — как прозывали пожилых солдат народного ополчения, последнего резерва России, носивших вместо кокарды большой крест на папахах, дядьки серьезные, заросшие седеющими бородами, тихо между собою переговаривались.

— Ну что-ж, пора! — потянулся Жорж и принялся за чемоданы институток. Собирался привстать и я, когда тяжелая закорузлая рука одного из бородачей ласково — осязание не обманывает — опустилась на мое плечо.

— Паныч! — не товарищ, не хлопец — « паныч ».... Мы все, как по команде, повернули головы.

— Паныч, а чи вы не знаете що Лозову увчера большевики узяли? — как громом поразил нас ополченец.

— Погончики, погончики-то, паночки, им спорите... Понадежнее буде...

Остановок до Лозовой больше не было, а поезд, как нарочно, разогнался и мчал нас на страшное свидание...

Галя нашлась первая, вынув из несесера маленькие кривые ножнички, она приказала, — мгновенно обратившись из девочки-подростка в женщину, — мне, порученному ей судьбой мужчине : — Петя, наклонитесь!

Я повиновался и мои погоны, со скрещенными пушками, шнуром вольноопределяющегося и первой лычкой — бомбардир-наводчика, которой я так гордился, уже лежали на чемодане.

Той же операции подвергся Жорж, но выбросить погоны в окно у нас не хватило сердца и мы засунули наше воинское достоинство в карманы шинелей.

Теперь, эта наивная спрятка кажется безумием, но тогда террор был еще внове, а всеобщее легкомыслие беспредельно...

Все стадно, нажимая друг на друга, сгрудились в коридоре.

— Прощевайте, панычи, паночки, — недоверчиво скосившись на земляка, как-то сдавлено, просипел наш добродетель. — Эх! Дожили... и он тяжело потащился за другими.

Состав, стуча на стрелках, замедлял ход и, наконец, замер у платформы. На ней бушевала, кипела водоворотами у островков семейных беженцев, как рифами защищенных мешками, сундуками и узлами, на которых спали или маялись дети, стоголовая, но безликая толпа...

Но вот и они : вооруженные винтовками, наганями, перепоясанные пулеметными лентами, матросы-балтийцы, страшная слава которых, принесенная беглецами с севера, их давно опередила.

И другие — красные «гайдамаки» — самостийники, все больше подростки, «ракло» харьковских базаров, в шинелях до пят, нахлобученных до бровей «капелюхах» поддельного барашка, из донушка которых свешивался красный шлык, а между ног путались шашки и сабли...

Это «воинство» — возмещало мелкорослость свирепостью безусых и грязных «сопатов».

Разнородность победителей сразу бросалась в глаза.

Подонки фабричных окраин города, воришки сбитые в банды и поднятые на грабеж и убийство, всё же выглядели только шакалами. Совсем иначе держались взводы матросов: это был народ смелый и, по-своему, дисциплинированный. Сотрудничество этих двух групп было явно случайным, обусловленным царившим в эти месяцы на просторах России хаосом.

Нагруженные вещами наших барышень, мы, незамеченные, замешались в толпу и пробились в громадный и еще недавно нарядный зал первого класса. Буфет, по инерции, еще действовал, но торговал только чаем без сахара. Лакеи-татары, артели которых обслуживали железнодорожные рестораны, во фраках с белыми пластронами, казавшихся теперь маскарадными, растерянно сновали в солдатско-беженской серой толпе...

Неужели же вправду эти рестораны, зачастую славившиеся какою-нибудь специальностью, как, например, отменным малороссийской борщом, пирожками и раками, усердно посещавшиеся, для деловых встреч и кугежей, заправилами заштатных городков и поселков, еще вчера жили полною жизнью? Еще вчера... или это шутка памяти?

Дух запустения веял в громадном зале...

В буфетной кипели многоведерные самовары совсем как тогда, но столы были покрыты несвежими, залитыми скатертями и пальмы в громадных кадучках посерели в облаках пыли и махорки.

Иконы в тяжких ризах еще освящали красный угол, но лампы уже не теплились...

Со стен неодобрительно взирали аляповатые, но внушительные портреты сановников железнодорожного ведомства и инженеров-строителей, в мундирах, при орденах и лентах.

Но надо было действовать: оставив, не без ревнивой досады, при институтках Жоржа, я направился наводить справки.

Мы устроили наших спутниц неплохо: в углу, за столом защищавшим их от непрерывного людского потока.

Но и у касс бивуаком расположились люди и закрытые их окошечки, казалось, говорили: оставь Надежду!

« Постой, постой » — осенило меня внезапно — « и как раньше не подумал! — справлюсь у Афанасия ».

Переступая через спящих, я выбрался на перрон, где, недалеко от службы движения, помещался сторож-глашатель : важный, обшитый галунами и украшенный орденами отставной фельдфебель, вооруженный громадным звонком и снабженный природою луженой глоткой, который, бывало, обходил залы ожиданий, провозглашая по протодьяконски : « Синельниково, Джанкой, Симферополь, Севастополь » или — « Харьков, Курск, Орел, Москва! Второй звонок! », после чего, не дожидаясь третьего — отправного, пассажиры срывались с мест и бежали на свои платформы.

И тут, на перроне, тоскливо слонялись ожидающие. Матери, кое-как прикрыв детей, скошенные усталостью, в тяжком забытии, лежали на своих узлах, а то и просто на грязном асфальте...

Я постучал в дверь сторожки. Никакого ответа. Вошел. Комнатушка была слабо и причудливо освещена сигнальным — красно-зеленым — фонарем. В глубине, привалившись к стене, мерещилась не то куча тряпок, не то человеческая, укрытая с головой, фигура.

Я с недоумением всматривался. Тюк зашевелился.

— Что нужно? — простуженым, но знакомым басом запросил Афанасий из под многочисленных покрывшек.

— Погодить, погодить — и рука, вынырнув из потемок, приподняла фонарь.

— Быдто и признаю... Паныч Петенька?

— Я, Афанасий Митрич. Вы больны, ранены?

Теперь я мог всмотреться, узнавал и не узнавал почтенное лицо старослуживого.

Оно осунулось, похудело, а главное утратило выражение скромного достоинства человека отслужившего « Царю и Отечеству » и доживающего свой век в почете и уважении.

Афанасий Димитриевич Качка, уже лет двадцать глашатель на Лозовой, из которой он был и родом, известный всем окрестным помещикам и купцам, человек добросовестный и дельный, был воистину незаменим на своем посту. Тысячи поручений, самого различного свойства, проходили через его руки и не было случая чтобы он что-нибудь позабыл или перепутал, но зато и его не забывали благодарностью.

Солидный, красного кирпича домик в станционном поселке, заслоненный от улицы густым палисадником, с неизбежной, в наших местах, оградой желтых акаций, выстроившимися, — как на параде в родном полку, — пирамидальными топольками, а за ними вишенником, грядками ягод и высокими

мальвами — « рожамы », под самыма окнами, красноречиво говорили о преуспевании Афанасия Митрича, а если хорошенько прислушаться, то с заднего двора доносилось и гоготанье, криканье, кудахтанье, хрюканье, мычанье и ржанье домашней живности...

Много поработал на своем веку Афанасий Митрич, ночи не досыпал на дежурствах, все бока отбил на ухабах, колеся по чужим делам в своей бричке, но зато и старость не пу-гала...

Хозяйство — полная чаша, да не пуста и заветная ку-бышка. Славно жил, а теперь...

Теперь передо мною стоял старик обросший седою щетиной, облаченный в невероятное тряпье, несомненно приобретенное на толкучке, аккуратнейший отставной фельдфебель таких вещей, даже для возни при свинушнике, не держал на-верно.

Очевидно, гайдамаки и матросы нагнали на сторожа тако-го страха, что он переиграл загримировавшись под гольша-пролетария...

— Нет, паньчу, не болен я и не ранен... Убит, убит... Ви-дали? — « Ракло » царствует, матросня оголтелая... Того и гля-ди... Да вы-то сами откуда, Петенька? — жалостливо протя-нул Афанасий. — Одни? А старая барыня, пан Павло Павло-вич?

Я поспешил удовлетворить его любопытство.

— Эх, неладно оно получается... — он внимательно осмо-трел мою, хотя и солдатскую, но собственную, сшитую у хоро-шего петроградского военного портного шинель, папаху отлич-ного каракуля, новенькие сапоги с « савельевскими » шпорами.

— Вы, Ваше Благородие, прапорщик будете? — просну-лась военная душа.

— Вольноопределяющийся. — Да, для них оно всё едино... Барчук! Выдает вас, Петенька, обличье. Я и то, видите, как обрядился, — бледная улыбка на минуту осветила его лицо, — вот всё мозгую — долго ли проклятые удержатся? Сказыва-ют, — он зашептал, что для баса дело трудное — в хрип пе-реходит, — сказывают, на Дону наши собираются... Да и не должно быть иначе : неужели так и отступимся от России? Не бывать тому! Корнилов, слышно... Эх, кабы Николай Никола-евич! Всё вынюхиваю : когда, хоть и стар, в поход подыматься. Машинисты у меня, почитай, все приятели — доставят! А под ними жить — лучше петля. Только еще не время. Не стари-ковское дело лезть в воду не спросивши броду.

Для меня стало ясно, что от затаившегося Митрича справ-ки о поездах не получишь, а его тревожные разговоры мутили

душу, что было уже совсем некстати, и я торопливо стал прощаться.

Но старик задерживал, с жадностью допытываясь о моих семейных, он искал опоры в счастливом прошлом.

— Меня ждут, — сказал я, наконец, решительно и тут произошла маленькая сценка, которую я, до сих пор, в тяжелые минуты, припоминаю с умилением. Не замечая моей протянутой руки, Афанасий Митрич порывисто прижал меня к своим лохмотьям и щетине, перекрестил, а затем заковывал в свой угол, где и растворился в полумраке.

У кого же справиться? — ломал я голову, когда сзади мальчишеский голос пропищал: « Стой!!! »

Я обернулся: банда « гайдамаков », — предводительствуемая пятнадцатилетним школьником, меня преследовала.

« Атаман », не успевший сменить на капелю фуражку харьковского реалиста, с тремя прописными буквами « Х.Р.У. », бежал за мною.

« Курень » по пятам следовал за малолетним Тарасом Бульбой, волоча винтовки и спотыкаясь о шашки...

Справиться с каждым из этих « запорожцев » было-бы нетрудно, но их было около тридцати и нырнуть в толпу было уже поздно.

— В чем дело? — с наигранным недоумением обратился я к реалисту.

— Офицер? — Документы! — истерически крикнул многообещающий сынок какогонибудь чиновника или учителя, тихого и исправного на службе, но любившего, за самоваром, потрясать государство и вызывать из праха « Украинску Державу »...

— Вольноопределяющийся? Это что же? Солдат говорите? Петрусь! — сзади высунулась лисья мордочка адъютанта — базарного воришки.

— Кто он? — растеряно спросил предводитель.

— Ахвицер! Фасонистый гадюка! — уверенно припечатал оракул и я почувствовал пробежавший по спине холодок, такой ненавистью пылали узкие гляделки и так очевидно было, что будь он на месте реалиста, расправа последовала-бы немедленно.

— Ванька, отведи его, со своим десятком, в арестантскую. Там разберут! Он хмурился и упорно смотрел в сторону.

Вероятно, « гайдамацкая » его карьера только и началась с моего случая и яд Петрусиной ненависти поразил его сознание.

В палачи малолетний « куреной » еще явно не годился, но

дорога Понтия Пилата уже лежала перед ним и он сделал по ней первый, неуверенный, шаг.

— Петя! Куда ты запропастился? А я ищу, ищу тебя! — кричал, пробиваясь ко мне, еще ничего не заметивший, Жорж.

— Глянь, Колька, да тут целая «контра» собралась! — злорадно взвизгнул Петрусь и (не начало ли Колиного заката?) распорядился самостоятельно: — Ванька! Прихвати и этого!!

Читатель, вероятно, заметил, а может быть и удивился, что мои «гайдамаки» изъясняются хотя и на плохом, но русском языке, но так оно и было.

Ведь харьковщина, екатеринославщина даже не Мало-, а Новороссия, со смешанным, в особенности в городах, населением, где велокорусская прослойка значительна и русский язык доминировал.

Арестантская находилась на втором этаже. Это была большая едва меблированная комната: несколько стульев, два, три стола, испещренных чернильными пятнами, за которыми сидели и что-то писали самые почтенные «арестанты», вот и всё ее убранство.

Снаружи, — в коридоре, у притворенных, но не запертых дверей, — сидело, — революционная вольность, — двое часовых от «гайдамаков», но зато внизу — возле лестницы — дежурили матросы, занимавшие все ключевые позиции и с мальчишками-самостийниками особенно не считавшиеся.

Впрочем, говорить о стройной организации, в те «взвихренные» месяцы, вообще не приходилось.

— Влопались!! А как там Галя и Маруся?

— Молодцами — крепятся. Сами меня за тобой послали... Вот так помогли... Да и сами унесем ли ноги?...

— Унесем! Только зевать нельзя... Первая-же суматоха — ноги на плечи! Чтобы два форварда нашей знаменитой футбольной команды не сумели оторваться от преследователей? — Шутишь!! — попытался я подавить позорную дрожь...

Человек тридцать толпилось в «арестантской». Все в военной форме, в которой ходила тогда почитай вся Россия, но без погон и орденов, следы которых виднелись на кителях и шинелях.

И без пронизательности Петруся, можно было признать в задержанных «гадюк-ахвицеров» или вольноопределяющихся, словом, тех, кого надлежало «ликвидировать как класс».

Здесь, на узловой станции, этапе к еще не занятым революцией областям России, мышеловка была поставлена удачно...

Ошеломленные неожиданностью и опасующиеся возможности нахождения среди нас «подсидок» — предателей, арес-

тованные молчали, но взаимопонимание сквозило в перекрещивавшихся взорах.

И помимо этого, как мы сразу почувствовали, привычка к субординации, ожидание приказа сверху, — красные лампы на галифе выдавали присутствие среди нас трех генералов, — приказа, с которым медлили, создавали гнетущую атмосферу обреченности...

Что изберут Их Превосходительства : мученическое исповедание верности или братоубийственное столкновение? Что они так усердно, не поднимая глаз, строчат : завещание или приказ? Всё это только смутно ощущалось, но молчание становилось невыносимым. Разговоры вполголоса между соседями, как в поезде, — недаром мы все были пассажирами, — наконец возникли.

— Вот что, вольноопределяющиеся, — обратился к нам стройный блондин с умопомрачительным пробором, прямым вызовом распущенности и неопрятности окружающего, с быстрыми отчетливыми движениями и такой счастливой и дружелюбной уверенностью во взоре, что тревога наша мгновенно растаяла : — я невольно подслушал вас — стоим тесно... Решили жить и будете. Будем! А наши генералы молчат... по видимому, выбрали « героическую » смерть от руки своих же... Но вам и мне такой некролог не подходит. Правда? Согласны?... — осветил он нас своей улыбкой, разрушив стены узилища горячей верою в удачу...

— Первое — выбраться отсюда, — и он показал, за окном, у которого мы стояли, на жестяной навес над перроном, — окно едва забрано сеткой, к счастью, « сознательные » не успели его лучше зарешетить, — выломаем! А затем по навесу спустимся и осторожно : видите, жель ржавая, надо швов держаться, к крайнему желобу и по столбам вниз. Сумеете?

— Мы — « сокола »! — с гордостью сказал Жорж.

— Вот и отлично! Единственный риск свалиться « товарищам » на головы. Но эффект неожиданности и темень за нас. На путях десятки составов — затеряемся. А потом в степь... Эх, если-бы знать местность!...

— Я из под Лозовой — знаю! — вырвалось у меня с облегчением.

— Вот это славно! Сразу почувствовал, что мы с вами не пропадем! — И он с порывистой, как и всё в нем, лаской потрепал меня по плечу.

Пресловутый « ку де фудр » всем набил оскомину. Да и в самом деле : исподволь подготовленный матерью-природой, созревший молодой человек встречает всего только не слишком золотушную девицу и тотчас же, не расслышав даже фамилии,

пожизненно предлагает ей руку и... кошелек. Любая лотерея надежнее... Но когда юноша, еще не имеющий большого опыта, сталкивается с посланным судьбой старшим товарищем, который зовет его за собою, то в появлении этого названного брата есть, воистину, нечто чудесное и тот, кто в юности не откликнулся на призыв дружбы, недостоин имени человека...

Проект был восторженно принят и скреплен решением пробиться или погибнуть вместе.

Инстинктивное доверие было тут-же оправдано: благородная натура нашего предводителя проявилась во всем блеске.

Несмотря на скептическую оценку настроения старших он, всё же, не считал возможным действовать самостоятельно, пока попытка побудить их к общему действию не была решительно отклонена. Ведь наш побег неизбежно вызвал бы быструю расправу с оставшимися.

— Ваше Высокопревосходительство, — обратился он к сучому, аскетической складки старику, в котором все заключенные, с первого взгляда, признали прославленного военачальника — командующего одной из самых чудесных наших Армий, — простите смелость моего обращения. Вам неужгодно было принять, до сих пор, командование над нами... Надо ли понимать, что вы от борьбы отказываетесь?

Что-то дрогнуло в суровом и спокойном лице генерала.

— С кем имею честь?

— Корнет Н-ого Гусарского Полка, Коростелев Александр, Ваше Высокопревосходительство.

— Борьба со злом, корнет, прекратиться не может. Формы же ее могут быть различны. Я верю в наш народ, хотя и охваченный сейчас безумием. Солдаты, не сразу, но лучше поймут и оценят жертву жизнью — христианский путь борьбы за души, чем братоубийство. Моя профессия — война и все знают, что крови я не боюсь. Будь перед нами просто бунт, я бы уже подавил его. Но после отречения Государя, крушения Государства, во имя чего подымать офицерство и лучших солдат? Все думают по разному, а, чтобы победить, надо быть не только против, но и за что-то... Гражданская война только утвердит в ненависти к нам обманутых...

— Стало быть, Ваше...

Сильный удар сапогом распахнул, чуть не сорвал с петель, дверь нашей тюрьмы.

— Комендант! — пискнул отброшенный в сторону часовой-гайдамак.

За « Комендантом » теснилось пять, шесть матросов.

— А, попался! Ваше Высокопревосходительство!! — остановившись у порога, крикнул он сильным и верным тенором.

— Запевало! — мелькнула у меня не к делу идущая мысль, но в этом открытии было что-то нелепо утешительное. Поет тюрьма, но тюремщики?

Матрос был складен и мускулист, русская удаль глядела из красивого лица этого, вновь воплотившегося, Разина...

Такой удалец в бою был бы страшен, но сердце отказывалось видеть в нем палача...

— Генерал Лазарев! Видал, видал твои палтреты! Герой прорыва! Сколько братвы уложил, Ваше Высокопревосходительство?!!

Генерал, не опуская глаз, молчал.

Тут только я заметил, что « комендант » и его команда явились к нам с попойки и хотя держались крепко, но были, под русским хмелем, ко всему способны.

— Но, однако-же, признаю : Егория тебе не здря дали... Впереди, неслыханное дело, шел. Сам — Командующий Армией!! Почему-же Егория не вижу? Спрятал! — и он, неожиданно, захохотал.

— Когда начнется, — шепнул мне Коростелев, — ты ближе стоишь, кидайся ему в ноги, а я сверху и наган слету выхвачу — кобура отстегнута... Жорж, а ты вали с ног того, что в дверях — парнишка пожиже. Проскочим!

— Понимаю, — хладнокровие, таявшее в ожидании, теперь вернулось к нам полностью...

— Спрятал? — проговорил генерал Лазарев, — пойми : нет больше Георгия, раз нет солдат. Ну, брат, довольно болтать. Тебя за мной прислали? Так кончай — исполняй приказ.

— Приказ! — задохнулся « комендант ». — Не родилась еще та сука чтобы мне приказывала! Думаешь — я вас тут — офицерье, как кур, душить стану? Нет! Матрос не баба — выходи в поле : посмотрим кто кого! Думаешь, не знаю куда подаетесь? На Дон — к Корнилову ! Ну и гонитесь за ним... Не поспеете. Бежит, домой бежит — сибирский казак! Да и там не спрячется — добьем!

Он остановился, видимо и сам не понимая своего порыва, а на лицах — окаменелых масках — его команды проступило тяжкое недоумение... Но заминка была мгновенна. « Разин » отступить не умел...

— А вам, матросы, — обратился он назад — одно скажу : не устоять офицерам « господам » перед нашей силой! Пусть пробираются. Еще встретимся. Наша возьмет! Пропускай робя... Катитесь... — проводил он нас крепким словом.

— Вот что, друзья, — сказал нам гусар, когда мы выбра-

лись на свежий воздух, — задерживаться нельзя... Геройский разбойник нас выпустил, чтобы было с кем драться... А молокосы — « гайдамаки » те прикончат, за милую душу, как котят и голубей на чердаках душили... Двигаем пешком — надежнее. Железная дорога сейчас — ловушка. По ней вся шатия движется.

— А наши барышни?

— Какие?

Мы, наскоро, посветили корнета в наши обстоятельства.

— Хорошо. Вместе и веселее будет. Только вы туда больше не суйтесь — не ровен час, снова на « гайдамаков » нарветесь. Хорошенькие? Не отвечайте, по глазам вижу — чудеснейшие!!! Русая и черненькая? Как одеты? Где сидят? А вы идите до конца перрона — там всё пустые составы, — я почувствовал неладное и проверил — караулов там нет. Перейдите три пути, на четвертом стоит один только вагон четвертого класса — высокий, серый с мелкими окнами. Забирайтесь в него и ждите. Барышень я приведу. А вещи, кроме ручных, бросить придется... Жизнь дороже...

К рассвету, усталые, продрогшие, добрались мы до Пянутино, где знакомый мещанин, уложив нас под брезент груженой сеном телеги и, рискуя жизнью, пересекши в степи еще один фронт неведомых сил, возникавших и исчезающих как грибы, доставил нашу сборную команду в Павлоград, в дядину усадьбу, которая, как Ноев ковчег, сохранила жизни ей доверившиеся.

Галя заглядывает мне через плечо и не соглашается с последней фразой. Она напоминает...

Галя? Какая Галя? Киевская институтка, подруга Маруси и моя жена. И действительно... но это совсем другая история.

Николай Вл. Станюкович

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЗЕРКАЛО

Русская девушка-студентка вывезена из южного города на работу в Германию. Говорит хорошо по-немецки и поэтому живет у старой состоятельной немки, как Лизавета Ивановна у старой графини в «Пиковой даме»: и воспитанница, и компаньонка.

Дом-усадьба в Предгорьях Альп, в стороне от всего — и от войны тоже.

В доме кухарка, горничная, и работы у девушки почти нет, но ей трудно, невыносимо трудно целый день слушать хозяйку.

Настоящего у старухи нет, настоящее ей чуждо, непонятно, и она говорит и говорит о прошлом: о Германии кайзера, о своей молодости, о женихе из известной аристократической семьи, так и не ставшем ее мужем.

Вечер, полутемная гостиная. В старинных подсвечниках зажжены свечи.

Безжизненное, как вода в стоячем пруде, большое зеркало в тусклой золотой раме.

Из глубокого бархатного кресла старческий голос, без пауз, без остановок.

Девушка не выдерживает:

— Фрау Йонг, прошу вас, фрау Йонг, помолчите!

— Вы в своем уме? Как вы смеете?

Обхватив голову руками, уткнувшись в подушку старинного дивана, девушка рыдает.

Старуха смотрит молча, пытается подняться из глубокого кресла.

И в тусклом зеркале видно: по сморщенным, старческим щекам ее катятся слезы.

ПРУТИК

Большой немецкий портовый город. Могучая река оттеснила к берегам, придавила к причалам суда, что шли по ней вверх и вниз по течению, дни и ночи. Сотни судов застыли у берегов, и широко несет река свои воды к Северному морю.

Порт мертв, только проедет иногда английская военная машина с патрулем.

Половины города как и не было. Сгорел центр, и всё еще курят в развалинах тонкие дымки. Сожжены жилые районы, населенные рабочими.

Улицы не очищены от битого кирпича, желтой пыли, и на пыли следы автомобильных шин, как на пожелтевшем снегу.

По обеим сторонам улицы, как остатки древних поселений, — развалины.

Завалы из кирпича, перемешанного с известью и цементом, исковерканные бетонные перекрытия, кое-где уцелели стены, арки дверей, проломы окон.

Трамваев нет, и в центр нужно идти пешком.

На самой людной когда-то улице, теперь вымершей, у развалин многоэтажного универмага, сидит однорукий молодой солдат, играет на губной гармонике — тоскливое, тоскливое.

Пилотка перед ним вверх подкладкой, разорванной и аккуратно заштопанной.

Редкие прохожие кладут фениги.

Английский унтер — оккупант, выютюженный, выглаженный, в берете, надвинутом на правый глаз, задрав красный, облупленный нос, прошагал мимо, разбрасывая тупые носки расчищенных ботинок — вправо — влево, вправо — влево.

Девка, покрашенная, намалеванная, из тех, что к победителям бегут, всё равно, к каким, своим или чужим, обогнала унтера, задом покачивает, оглядывается.

В развалины, в пролом стены, солнце опускается, и на груде кирпичного щебня, пылью припорошенного, прутик-деревцо зеленеет.

А гармоника всё тоскует, тоскует.

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ее профиль — чуть вздернутый носик, синеватый белок глаза, прядка черных волос над ухом — справа от меня.

Я не слушаю нашего математика — я смотрю на нее.

— Сорокин, к доске!

Вскакиваю от неожиданности, иду между партами с красными ушами.

Математика я терпеть не мог и прозвал Иваном Грозным. А звали его прозаически: Иваном Гавриловичем Морковкиным.

С большим удовольствием, с едва скрываемой радостью,

как это делают только очень плохие учителя, он мучил меня у доски.

В те далекие годы, когда учился я в единой трудовой школе, не было ни единиц, ни пятерок, ни экзаменов, ни мятых гимнастерок мальчишек, ни мещанских передничков девочек. В школе было всё проще, но и учение шло никудышное: комплексный метод никаких знаний не давал.

Только Иван Грозный лютовал на своих уроках, требуя знания математики, науки, положенной — он грозно поднимал сжатый кулак, точно угрожая им нам, несмысленным — в основу всех наук.

Он жестоко преследовал тех, кто математики не любил, а я математику ненавидел.

В этот день, удивив Грозного и самого себя, а заодно и весь класс, я возвратился от доски выдержавшим все ниспосланные мне коварным врагом испытания.

В этот день она первый раз заметила меня.

На большой перемене гуляла по коридору с двумя девочками. Я ходил позади них и думал, что нет лучше ее не только в нашем классе, не только во всей школе и во всем нашем городе, — наверно нет лучше ее на всем свете.

Географию я любил, знал хорошо и потому мог с уверенностью думать: нет лучше ее на всей Земле.

Год кончался, и в конце года я получил по математике «неуд», что значило неудовлетворительно, то есть плохо, и что грозило мне, даже в те анархические в школе времена, большими бедами: Иван Грозный к противнику был беспощаден.

Беда грозила, и я чувствовал себя так, будто на лыжах под гору несусь. Ничего впереди не видно, а знаю: там, впереди, — обрыв.

В субботу вечером мы играли на улице, проносились га-лопом и рысью, с криком и гиком: я — наездник, Колька, за-кадычный друг мой, — призовой рысак.

Дома я вел дневник, записывал почти каждый день то несколько слов, которые сказала она мне, выходя из класса или в школьном саду, то те возвышенные слова, которые должен я сказать ей, но всё не решался.

Дневник — и вдруг лошадки, гиканье наездника и ржанье рысака.

Поворачивая за угол, мы чуть не сшибли даму в старомодном платье. И девочку, что шла с нею.

Рысак мой ускакал, а я, растерянный, стоял в ожидании неминуемого суда.

— Я не знала, что ты еще в лошадки играешь, — сказала она.

— И невежливый к тому же мальчик, — сказала дама. — Надо извиниться, а не стоять с открытым ртом.

— Извините, — пролепетал я едва слышно.

Они завернули за угол.

В понедельник я сосредоточенно смотрел на доску, ничего не понимая из того, что говорил Грозный, а на большой перемене видел, как она, смеясь, показывала на меня подругам.

В дневнике записал :

« Мне ничего не остается другого, как покончить жизнь самоубийством ».

На этом дневник обрывался.

Оборвалась и первая любовь моя.

Владимир Самарин

Мой сын

Моему сыну 18 лет. Он продукт нашего столетия. С того момента, когда он окончил американскую « хайскул », он стал себя считать авторитетным и совершенным взрослым. Он может разобрать мотор автомобиля и потом собрать его. Он танцует современные танцы так хорошо, что может вызвать зависть у любого исполнителя ритуальных танцев в африканских джунглях. Он моего, среднего, роста, строен и красив, у него сплошные мускулы, которые, увы, развивались у него в ущерб его интеллектуальным способностям. Он твердо уверен, что Наполеон Бонапарт фабрикант заграничного брэнди, что Фридрих Барбаросса чемпион бокса, и что Юлий Цезарь бывший муж киноартистки Элизабет Тэйлор.

Уже в 16 лет, у него было четыре подружки — « герл-фрэнд ». С каждой из них он гулял поочередно, в разные дни.

— Почему у тебя столько девушек? — как-то спросила его жена.

— Для удобства, — ответил сын. — Поссорившись с одной, всегда найдешь утешение с другой.

— Какую же ты любишь больше всего? — поинтересовалась жена.

— Ни одну в особенности, а всех понемножку!

— Несчастный, в отца пошел! — патетически воскликнула моя благоверная.

Совершить путешествие из Сан Франциско в Нью-Йорк было наше с ним давнишнее желание. Не поездом или автобусом, а на собственном автомобиле, конечно.

У нас был автомобиль, который я давно купил по случаю, недорого, но он был настолько старый и дряхлый, что даже тогда, когда я отправлялся на работу, у меня никогда не было уверенности в том, что я на нем доеду к цели. Он вечно портился, и когда останавливался перед сигнальным красным светом, он засыпал. Приходилось мне его толкать, раскачивать и сквернословить, чтобы заставить снова тронуться вперед. Из него вечно что нибудь текло, то масло, то вода, то бензин.

И вот я, наконец, купил, на мой взгляд хорошую, красивую, большую, мощную машину, у которой мотор работал гладко и тихо, точно мурлыканье котика.

— Это не автомобиль, а целый пароход, — сказал мне

служащий газолинки, куда я первым делом заехал, чтобы набрать бензина.

— Автобус, — сказал с пренебрежением мой сын, рассматривая в первый раз мое приобретение. Его мечтой был маленький, двухместный, полугоночный автомобиль, и огромный Линкольн-Капри восторга в нем не вызвал.

В один прекрасный, солнечный, июньский день, я и мой сын торжественно тронулись в путь. Жена еще раньше заявила, что с нами на машине не поедет ни за какие коврижки, и в Нью-Йорк она вылетала несколькими днями позже, на джете.

Было решено, что мы будем управлять автомобилем очереди, сменяясь каждые 300 миль. Я ехал с быстротой, которую знаки на дороге указывали максимальной, и к неудовольствию сына нас перегоняли все, кому было не лень: грузовики, автобусы, и все автомобили, даже тараканоподобные фольксвагены. Небо было синее, кругом золотились холмы и горы Калифорнии. Машина просто плыла по прекрасной шоссе-ной дороге. В 55-ти милях от Рено у нас случилась первая авария. Сперва мы почувствовали едкий запах, от которого стало щипать в носу и стали слезиться глаза. Затем я в зеркале заметил, что наш автомобиль начал дымить так сильно, что не видно было машины, ехавшей следом за нами. Потом мотор стал замирать, и я поторопился остановиться на краешке дороги. Когда мы подняли крышку над мотором, оттуда повалил густой и темный дым, как из кратера Везувия во время извержения.

— Трансмиссия испорчена, — категорически сказал мой сын.

— Что, плохо дело? — спрашиваю.

— Надо вести машину в гараж, — он отвечает, — в трансмиссии нет больше масла, оно сторело, то, что осталось, вытекло.

— Доедем ли мы до гаража?

Мой сын посмотрел на меня с сожалением, пожал плечами и не удостоил ответом.

Мимо нас автомобили продолжали мчаться, один за другим.

Я стал любоваться ландшафтом, обнаружил, что мы находимся на шесть тысяч футов высоты над уровнем моря, потом я достал фотографический аппарат и стал снимать наш дымящийся Линкольн, а мой сын лазил под автомобиль и испачкался, как трубочист.

Через час около нас остановилась машина с подъемным краном, я ей очень обрадовался и воспрянул духом. Ближай-

шая мастерская, где можно было бы сделать починку, оказалась в Рено. Наш автомобиль взяли на буксир, его передняя часть висела на цепях в воздухе, и только задние колеса касались земли. Мы сидели на передних сидениях, нам казалось, что мы летим, это было очень интересно, в этом была прелесть новизны. В Рено мы приехали ночью, раньше следующего дня починить трансмиссию было нельзя. Мы оставили машину в гараже, сняли комнату в отеле и отправились осматривать достопримечательности города, игорные заведения. Я опасался, что сына не впустят туда из-за возраста, но его внушительная наружность, вероятно, выглядела старше его лет. Мы наблюдали, как мужчины и женщины всех сортов бросали монетки в игорные машины и как быстро опорожнялись у них бумажные чашечки, в которых большинство из них держало мелочь. Потом мы поднялись на верхний этаж, где был бар, чтобы выпить что нибудь прохладительное. В баре было полно людей, сильно накурено.

Пока мы освежались напитками, на небольшую эстраду вышла молодая женщина и под звуки оркестра стала исполнять немудреный танец. Потом ей, вероятно, стало очень жарко, она начала с себя снимать платье и осталась в комбинезоне. Протанцевав еще немного, она стала снимать с себя и его. Мне показалось, что теперь в баре уже слишком жарко, и, вытирая со лба пот, я встал и сказал сыну, что нам пора уходить, что здесь слишком душно. Когда мы направлялись к выходу из бара, танцовщица уже снимала с себя лифчик.

— Здесь так жарко, — сказал я сыну, — что эта бедная балерина от жары принуждена раздеваться в присутствии посторонних мужчин.

— Я поражен твоим невежеством, папа, — сказал мне сын, подражая моему голосу, и повторяя фразу, которую ему приходится слушать от меня по несколько раз в день. — Эта танцовщица раздевалась не потому, что ей жарко, а потому, что она исполняла танец, который называется Стриптиз, — объяснил он мне.

На следующий день, мы уже мчались по штату Невада среди причудливой формы гор, голых и суровых, и я обратил внимание не только на безлюдье, но и на полное отсутствие птиц. Управлял автомобилем сын, перегоняя все машины на пути. Завидев издали фолксваген, он как коршун кидался за ним, и, перегоняя, гудел что было мочи.

В штате Юта мы проехали мимо унылого Соленого озера. В штате Уайоминг автомобильного движения почти не было, мы ехали по долинам, окруженным горами. Мой сын нашел эту дорогу скучной, так как перегонять ему было некого.

Мы заехали в Йелоустонский Национальный парк любоваться гейзерами и иными достопримечательностями. Там оказалось много туристов. Их пестрая, ярких цветов, одежда напомнила мне балет Стравинского «Петрушка». Туристы бродили маленькими группами, точно неприкаянные, вид у всех был унылый и скучающий. На молодых дамах мало что было надето.

— Счастливые люди, не знающие ложного стыда, — думал я. Ведь телу тоже нужен воздух, оно страдает без него, когда оно покрыто лишней одеждой в знойный день. Впрочем, именно в этот день было пасмурно, прохладно, и с гор дул пронизывающий, холодный ветер.

На пустынной шоссеиной дороге, где-то в том же Уайоминге, у нас перегрелся мотор.

— Есть ли у нас запас воды? — спросил мой сын.

У нас оказался запас всего, кроме воды.

— Нельзя ли вместо воды налить в радиатор апельсинового сока, или пива? — нерешительно спросил я его.

Сын только пожал плечами.

Солнце пекло во-всю, нигде не было тени. Мы выпили несколько баночек теплого пива и стали ждать пока остынет мотор.

— Здесь как в пустыне, — сказал мой сын, — кругом всё выжжено солнцем, нет тени. Ты никогда не видел в пустыне миража, папа, далекие озера, оазисы, караван с верблюдами?...

— Не пришлось, — отвечаю ему, хотя я вспомнил, что мне действительно мерещились озера, караваны и всякая чертовщина, но это происходило не в пустыне, а в домашней обстановке и с перепоя.

В штате Небраска стали исчезать горы, украшавшие горизонт. Под вечер у нас перегорело динамо, и часть ночи мы ехали без света, пока не добрались до местечка, где газолинка была уже закрыта; около нее мы остановились, переспали ночь в автомобиле, утром запаслись бензином, зарядили батарею и двинулись дальше. Только в Омахе мы смогли починить генератор.

Приятно было ехать среди зеленеющих полей и пастбищ, от них веяло чем-то далеким, родным. Наслаждались мы природой до Чикаго. Там мы въехали в автостраду, Торнпайк, длиной более тысячи миль; при выезде из одного штата в другой надо платить мзду за пользование этой дорогой, то четыре, то пять долларов.

— Так в феодальное время стоящие на дорогах посты драли с проезжих дань, — объяснял я сыну.

— Это при Гитлере? — переспросил он. Для него и его

сверстников история человечества, как видно, начинается с атомной эры.

Остаток пути мы проделали благополучно, если не считать, что я на быстроте в 70 миль в час почувствовал сильную усталость и стал мечтать о мягкой кровати, и на самом деле заснул, правда, на несколько секунд, и мой сын с ужасом стал замечать, что машина теряет свой курс, а я сплю; он схватил руль и вернул машину на правильный путь, я проснулся и стал покрываться холодным потом.

В Пенсильвании, на том же Торнпайке, машина, ехавшая впереди нас, вдруг врезалась в зад машины, ехавшей впереди ее. Я услышал сильный треск ломающегося железа и схватился за голову. Ловким и быстрым маневром мой сын объехал ставшие теперь поперек дороги обе машины, проскочив на какой-нибудь фут впереди шедшего параллельно с нами автомобиля. Если бы за рулем сидел я, я бы затормозил...

После шести дней в дороге, наконец, мы увидели лес небоскребов, Нью-Йорк. Стояла дикая жара, пот лил градом со лба прямо в глаза, одежда прилипала к телу. Было 102 градуса по Фаренгейту.

Подъезжая к дому друзей в Лонг-Айланде, я вспомнил, что забыл исполнить просьбу жены, звонить ей по телефону с дороги, после Чикаго.

Когда мы прибыли к цели, жена бросилась нас обнимать, а потом сквозь слезы сказала :

— Никогда больше вас обоих бегемотов, старого и молодого, не пущу одних! Как я волновалась!

Через три недели за Линкольном приехало лицо, которому я машину продал.

— Прощай, дружище! — грустно сказал сын, глядя кузов автомобиля, точно расставаясь с живым существом...

Возвращались мы с Сан-Франциско втроем. Сидели в удобных креслах пульмана скорого поезда, беззаботно глядели на мелькавшие в окне вагона пейзажи и, можно сказать, наслаждались жизнью.

В. Ланков

Свечка и кочерга

Народная пословица гласит : Богу свечка, а чорту кочерга. Всего сказано лишь несколько слов, но сколько в них иронии, сколько глубины и мудрости!

Перед образом, в полумраке храма, теплется кроткая свечка. Ее сияние рождает в смятенной душе тишину и доброжелательное отношение ко всем людям, напоминая о милосердном Свете, щедро изливаемом на всякого человека, рожденного в мир.

А кочерга, как известно, служит, чтобы разгрести угли в печи. Символической же кочергой ворошат раскаленные угли в преисподней, где поджаривают грешников, чтобы они мучились еще неистовей, чтобы никогда не забывали за какие хорошие дела их сюда упекли. Ведь муки совести — те же раскаленные угли, огонь неугасимый!

Кочергу я неоднократно видел в руках личности побойчей всякого беса. У нас, на Украине, в ясные ночи, когда подвыпивший мужик колесил по селу, горланя пьяные песни, в это время, на пороге его хаты, озаренной колдовским сиянием месяца, поджидала своего «человика» жинка, вооруженная кочергой и готовая всыпать «горячих» нераскаянному грешнику... Согласитесь, что самый злой чорт перед решительной женщиной лишь мелкая сошка! Темпераментно об этом повествует Рудый Панько у Гоголя.

Да простит мне читатель отступления, не имеющие отношения к сути дела!

В этой поговорке — Богу свечка, а чорту кочерга — таится и глубокий философский смысл — напоминание о незаживающей ране души, об утраченной райской чистоте.

Английский поэт восемнадцатого века — Томас Воган — сожалеет о днях «когда моя телесная одежда еще была пронизана яркими вспышками вечности, когда я еще не научился черному искусству наделять каждое из своих пяти чувств разнородным грехом».

Трагедия падшего человека в том, что, хотя он весь еще во власти чортовой кочерги, однако мысль его пытается воспарить в «горние», воображая себя той голубиной свечечкой, теплящейся перед святой иконой.

Но эти два начала не могут ужиться вместе : между ними нет ничего общего! Между Правдой вечной и временным злом не может быть ни войны, ни соглашения. Та правда, которая

пользуется для борьбы со злом его оружием, не есть Правда вечная. Бог не борется с дьяволом. Но когда приходит Любовь, ненависть исчезает.

Корешок буйства глубоко заложен в человеке. Если же скрывать его от дневного света, он становится еще более живучим.

Это не значит, что не бывает никогда чистых бескорыстных поступков, но они редки.

«Цель оправдывает средства», говорят политики. На что народная мудрость отвечает :

Богу свечка, а чорту кочерга.

Скорпион

МОЛИТВА

Знаю, — бывает тяжко,
страшно за каждый шаг...
А вот, одна монашка
мне говорила так :
« Надо молиться Богу,
чтобы рассеять страх...
С Богом найдешь дорогу,
что с фонарем впотьмах.
Надо молиться много,
долго и не спеша,
чтоб добралась до Бога,
как ручеек, душа...
Надо молиться часто,
чтоб не нарушить связь,
чтоб ручеек, несчастный,
не превратился в грязь...
Надо молиться сильно, —
вырваться из тисков,
чтоб он, рекой обильной,
вышел из берегов...
Надо молиться страстно,
а не зевать кругом,
не бормотать напрасно,
думая о другом.
Надо молиться строго, —
не потакать себе,
не торговаться с Богом
лишь о своей судьбе...
Надо молиться чисто,
радуясь и любя,
так, чтобы круг лучистый
вырос вокруг тебя...
чтобы такой кольчугой
сердце облечь ты смог...
Вот... И тогда, как чудо
в нем засияет Бог ».

Николай СТАНЮКОВИЧ

ЦАРИЦА НОЧИ

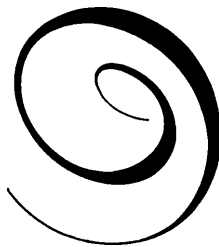
Пусть мистер Смит, товарищ Иванов
Дробят луны бесплодные камни,
Она — как встарь — маяк ночных миров,
Путеводитель вдохновенья...

И серебро бросая сквозь листву
На пестрый плат извилистой аллеи,
Она любовь дарует естеству,
Магнит глазам прелестной Феи...

Ты возроптал, безумный человек...
Но вот сова заухала протяжно,
Собака взвыла и костер поблек...
Луна зовет — целуй отважно!

Свершенное в лучах твоих, луна,
Дневными нам не передать словами.
« Мертва, черна »? Она любви полна,
Знак обрученья с небесами!

Николай Станюкович

Зинаида Гиппиус: «ВЫБОР?»

К. М. Вендзягольский, знавший Зинаиду Николаевну Гиппиус в Варшаве в 1920 г., в своем письме от 16 декабря 1969 г. к автору данного предисловия пишет о «поэтическом, почти на границе фантазии, идеализме» писательницы. «Мне уже и тогда... было ясным, что З. Н. является человеческим феноменом, одаренным нечеловеческой способностью воспринимать явления вне трехстепенного статута... Меня она удивляла... искусством оригинальной версификации и глубоким талантом поэтического синтеза. Теперь я понимаю ее величие, как поэта... ее избранность как поэта». Молодого Вендзягольского Гиппиус поразила также тем, что всё исходящее из ее личности, включая ее отношения с Д. В. Философовым, было «на очень возвышенном интеллектуально-мистическом уровне».

Дневник З. Н. Гиппиус *Выбор?* вскрывает глубоко интеллектуальный мистический взгляд поэтессы, в сочетании с истинным, живым чувством, на Церковь, христианство, Царство Божие на земле, свободу. *Выбор?* был начат в Cannes в 1929 г., но писался он в течение нескольких лет. Последняя в нем запись была сделана в 1942 г., после смерти Д. С. Мережковского. Перечитывая свой дневник, Гиппиус делала свои пометки и поправки на его полях. В нем много цитат из Библии. При аннотации текста автор этого предисловия ограничился указанием на источники ссылок Гиппиус только в тех случаях, когда ее мысль соприкасается более или менее непосредственно со Священным Писанием.

Гиппиус очень ценила *Выбор?* как один из самых ее сокровенных дневников и настаивала на том, чтобы самые ее близкие друзья ознакомились с изложенными в нем мыслями. Ее глубоко огорчало, что шведская художница Greta Gerell, самый верный друг Зинаиды Николаевны в период 1931-1945, не могла прочесть его в подлиннике. Задумала она его только «для самой себя», для уяснения самой себе, «объясняя себе» свои же религиозно-метафизические мысли. Но позже, намереваясь переписать и «разработать» основные его положения, она хотела напечатать его отдельным изданием.

Одна из главных тем *Выбора?* это мысль о необходимости и непреложности человеческого страдания, а также идея о двух мирах — «этом» и «том» 1), двух бытиях, двух плоско-

---

1) Примечания см. стр. 57.

стях, которые — одновременно сосуществуя друг с другом и друг в друге — образуют и органическое единство, одно целое. « При одинаково-реальном их существовании в человеке, человек всегда ощущает различие между обоими, разность, несмотря на их единство (в нем) », пишет Гиппиус, « и вот, отсюда-то, из всего этого вкупе, т. е. из *разности* двух миров, из реального бытия обоих и *сосуществования*, в непонятном единстве, в человеке — и происходит человеческая трагедия, "действие мира" ». И дальше по этому же поводу : « Находясь в этом бытии, мы не можем иметь никаких представлений, никаких образов *вне пространства и времени*; таинственное соприкосновение, или единение, или связь и сосуществование двух различных миров нам всё равно непонятно... Надо понять, что "здесь" и "там" понятия "пространственные". Надо усилие, чтобы от него отказаться хоть на секунду. Тогда стройнее видишь... А "та реальность" не может быть втянута в эту, ибо она уже в этой, но наши глаза должны открыться (или сердце, или вся наша внутренность) на их неразделимость и неслиянность во всем ». По мнению Гиппиус, « до » и « после » (смерти человека), « теперь » и « потом » не существуют, и « соединение, соприкосновенные двух миров, быть может, находится *вне* этих категорий. "Тот" мир, может быть, и "здесь"... И даже по всем вероятностям здесь : мы воочию видим, что избравшие путь, святые христианства... *уже* были там, будучи здесь. *Здесь* дается им всё, на *здесь* пролегающем пути ». Несколькими годами позже Гиппиус помещает на полях *Выбора?* запись о Тройственности в мироздании : « Трагедия — и еще одно указание на *Тройственную* структуру всего мирового построения. Один человек и два мира — неслиянны и нераздельны » 2).

Мысль о Тройственности мироздания занимала Гиппиус уже с конца девятнадцатого века 3), как она сама сообщает в своей автобиографической справке : « Схематически, отчасти символически, сущность эта [« сущность коренного мироздания »] представляется в виде всеобъемлющего Треугольника, в виде постоянного соприсутствия трех начал, неразделимых и неслиянных, всегда трех — и всегда составляющих одно » 4). Присутствие в человеке чего-то от второго мира, второй реальности, не только заставляет его « признать бытие этого мира, но еще и какую-то связанность этих двух миров между собою, какое-то их взаимоотношение », поясняет Гиппиус. Таинственная между ними связь, их мистическое соприкосновение « *через существующего человека* », приводит к человеческой трагедии, ибо человек всегда ощущает различие между двумя мирами, их « разность, несмотря на их единство (в нем) ». Дру-

гими словами, трагедия происходит « из разности двух миров, из реальности *бытия* обоих и *существования* в непонятном [мистическом] единстве в человеке ».

Иисус Христос, а через Него вопрос христианства и христианского спасения 5), неразрывно связан со страданием и с человеческой трагедией. Всякая дорога, утверждает Гиппиус, и всякий путь без Христа ведут к поражению и гибели. Путь же через Христа всегда ведет к победе и спасению. Путь этот существовал и без Христа, он « есть и без Христа, но Христос как бы открывает завесу с Него; не указывает на Него, а заливают таким сияньем от всего своего существа, что уже никто, имеющий глаза, не мог его не *увидеть* ». « Христос пришел дать именно тот путь спасения, который через Него люди *увидели*, который действительно есть путь спасения, и к которому люди с начала мира слепо тянулись ». Человек, увидев через Христа именно этот путь, должен принять его как истину. Он должен принять самого Христа как этот « Путь » и эту « Истину ». Первое условие именно такого отношения к Иисусу Христу заключается в изменении человеком своего взгляда на страдание. Человек не должен бежать от страдания, а « повернуться лицом к нему ». « А повернувшись — двинуться к нему; а подойдя — прикоснуться к нему; а прикоснувшись — проникнуть в него, в самую глубь или толщу, чтобы пройти, сквозь и через, туда, где находится победное оружие ».

К этой мысли Достоевского 6), усвоенной и включенной в религиозно-этическую систему Гиппиус, она прибавляет мысль Бергсона о времени и о пространстве 7). Отрицая представление о времени и о пространстве (в « физическом » их преломлении) в сознании человека и утверждая их метафизическую сущность, Гиппиус связывает « этот » и « тот » миры в одно целое в пространственном и временном отношениях. Поскольку эти реальности « непостижимым образом одна в другой », говорит Гиппиус, « то и *путь* свой новый (к страданию и сквозь) человек уже совершил тогда, когда в жизненной реальности он его только, может быть, начинает ».

Как и у Достоевского, в *Выборе?* тема страдания тесно связана с концепцией счастья: « страдание усиливает счастье любви ». Любовь непобедима, т. к. она уже победила страдание 8). Любовь, как проявление высшей реальности, нетленна, неуязвима. Любовь — это « свет немеркнущий, перед которым свет солнца — не естественный, а темный ». Люди в страдании близки к спасению, « т. е. они скорее могут увидеть путь спасения от страдания, победы над ним верной и окончательной ». Царство Божие близко, оно находится в самом человеке, как утверждают и « смиренные » герои Достоевского по контрасту

с его « бунтовщиками ». Людям нужно лишь обернуться, « измениться (покаяться) — и увидите его », обещает поэтесса, « а увидите — захотите *сами* отдать за него всё, что имели, а захотев — получите его : непременно почувствуете, что оно — ваше ». Христианство дает человеку высочайшую свободу : « Христос не зовет на свой "путь" — Он его открывает. Открытый — он не может, он должен *пленять*. Основное начало христианства и есть свободное пленение, иначе — любовь ».

Страдание, любовь, свобода примыкают к понятию вечности. « Полнота победы над страданием и смертью — это и есть *вечное* воскресенье... Не так ли воскрес Спаситель, не так ли, следуя по пути спасения, воскреснем и мы? » На открытый Христом путь спасения указывают все христианские Церкви. Неся образ Иисуса Христа, все они говорят о пути спасения « едином верном, все указывают на выбор, все зовут обратиться (лицом к страданию). В церкви открывается *каждому* этот путь и свобода подхождения к счастью ». Церкви зовут на этот путь каждого человека в отдельности, но они не представляют возможности спасения всему миру в целом, ибо они еще не раскрыли принятого ими от Христа сокровища — « Божественную Троичность ». Великая миссия открытия этой истины принадлежит Единой Церкви будущего. Христианские Церкви, утверждает Гиппиус, проповедуют лишь учение Иисуса Христа, упоминая Бога Отца и Святого Духа только в обрядах. Все молитвы, весь религиозный восторг и любовь всех православных обращены только к Христу. Но Иисус Христос « лишь правда, жизнь и путь к Церкви » 9). Индивидуальная вера в Христа является лишь необходимым условием для всеобщей веры в Бога Отца и Святого Духа. Поскольку Христос может быть только с Богом Отцом и Святым Духом в едином завершении, только апокалиптическая Церковь оказывается истинной Церковью, Церковью такого завершения. Апокалиптическая Церковь — это союз всех отдельных верующих, и союз этот может претвориться в реальность только через « Пришествие Святого Духа, Который будет послан нам Сыном, и Который откроет нам наше будущее » 10). В духовной эволюции человечества наступит такое время, когда возникнет апокалиптическая, истинная, единая Церковь как новое переживание Бога в человеческих сознании и сердце. Во имя осуществления этого переживания Церковь трех Апостолов — Петра, Павла и Иоанна — должна соединиться для « оживления » уже существующей Церкви. Новая, живая, апокалиптическая Церковь, основанием которой будут не « безжизненные догмы » исторической Церкви, а живое, непосредственное, внутреннее ощущение человеком Иисуса Христа в своем сердце и

в сознании, станет единственной, истинной, всеобщей Церковью 11). « Путь христианства, таким образом, это не путь отказа от чего бы то ни было, а путь получения положительных ценностей, путь, обещающий огромное, новое счастье » Любви — не в загробной жизни, а на земле. Гиппиус видит доказательство тому, что это счастье дается не « потом », а « теперь », в жизни святых, в частности св. Терезы Лизьёзской, которые « уже были там, будучи здесь ». « Здесь дается им всё, на здесь пролегающем пути : победа над всяким страданием, — новое, несравнимое счастье любви и света ». Путь к этому счастью открыт для каждого, и первая обязанность Церкви, по мнению Гиппиус, это — открытие человеку глаз на этот путь, « чтобы каждый услышал, увидел, что путь открыт, обратился — и спасся ». « Вот дело Церкви и ее святых в мире, дело, которое они и делают ».

С концепцией Гиппиус будущей, единой Церкви связано ее понятие о мере 12) как гармонии, отсутствующей в т. н. « реальном », данном мире. Мера (гармония) может быть « только у Бога ». Реализация ее в « реальной » жизни необычайно трудна, т. к. человек, не достигнув « меры », ограничивается « умеренностью, серединой, теплотой ». Поэтому, заключает Гиппиус, « реальному миру из реального мира надо подняться на какие-то высоты безмерности [предвосхищение вечности, гармонии], чтобы оттуда доплеснуться до меры ». Приближение к « мере » (гармонии) дается человеку так же « изнутри, сразу », как и понимание того, что « Иисус Христос, и Отец, и Дух — Одно ». Такое прозрение необходимо для пути выбора, спасения и движения к истине, к апокалиптической Церкви.

Воля, связанная с общечеловеческим « не хочу! », также входит органическим компонентом в путь выбора. Человек всегда носит в себе « волевое отношение ко всей совокупности бытия : хочу, чтоб было так, не хочу, чтоб было вот так », пишет Гиппиус в своем *Выборе?* Как и Подпольный человек Достоевского, Гиппиус также утверждает, что проявление индивидуального человеческого « не хочу! » выше всех соображений выгоды, покоя и довольства. У Гиппиус « не хочу! » имеет и другой, чисто религиозный смысл : отрицая принятие Христа и Его учения, Святой Троицы, Гармонии, Вечности, Единой Церкви будущего и пути к Истине, человек не хочет признать все эти высшие нравственные ценности за Истину. Его отказ поверить в нее объясняется следующей аргументацией : если он примет Истину, то он осудит « мир сей », т. к. при таком принятии Истины и пути к Христу наш мир « тут » « остается, отставляется, обрекается, как безнадежно-непоправимо-

мый», сознательно или бессознательно : « Под выбором всегда лежит проклятие этому миру ». Проклятие « мира сего » означает, таким образом, его волевое, преждевременное уничтожение, что, в свою очередь, нарушает таинственную связь между « тем » и « этим » мирами — « одного в одном ». Человеческая мысль не может мириться с таким ходом вещей, как она не может согласиться и с тем, что при выборе пути спасения от страданий спасаются лишь отдельные индивидуумы. Все же остальные, не услышав зова Христа и не сумев поэтому сделать выбора, отставляются вместе с « миром сим » и там обрекаются « на уже безысходные (проклятые) страдания ». Лучшая часть в человеческом существе не хочет и не может примириться с этой несомненной гибелью всего и всех, кто « не имеет ушей, чтобы слышать », и « очей, чтобы видеть » путь, открытый для спасения. Тут мысль Гиппиус соприкасается с мыслью Ивана Карамазова о его почтительном возвращении « билета » к гармонии, если она приобретается страданием, слезинкой даже одного невинного ребенка. Но и опять Гиппиус идет дальше « мыслящих » героев Достоевского : она не хочет, чтобы Иисус Христос страдал за человека во имя его спасения. « Мы в нашем последнем ничтожестве и недостоинстве, Он в своем несказанном величии, — тут как бы одно. В любви мы приникаем к Нему ». Ради уяснения « коренной сущности » христианского учения Гиппиус, отказываясь от привычных концепций и « от всего, незаметно внедренного и усвоенного », отрицает вечную идею жертвы за другого для его спасения. « Да, я не хочу, чтоб за меня кто-нибудь страдал, а любимый — совсем не хочу, не могу вытерпеть. Чем совершеннее любовь — тем это невыносимее. Уж лучше самому страдать за ». Из глубины этого « лучше » появляется « страсть ко кресту », « если не за Него, то хоть ради Него, ради приближения, уподобления Ему ». Таковы постулаты Любви и выбора пути к Истине. Путь лежит через страдание ко Христу, к уподоблению Ему в любви и в « страсти к страданию ». По определению Гиппиус, человеческое « не хочу! » это « вечный, неразумный бунт против Истины... Бунт вспыхнет, а затем явится мудрость, с нею покорность и — счастье спасенья. Опять и опять великий опыт христианства, пути Христова ».

Гиппиус тревожит мысль, что в ослепительном блеске и сиянии Иисуса Христа человек может не увидеть тайну Троицы, связь Сына-Христа с Богом-Отцом. На пути к Единой Церкви Третьего Завета, однако, человек должен постигнуть всем своим существом, что Бог это Отец и Мать, что Богоматерь это Святой Дух и Святая Плоть, что Христос это одновременно Отец и Святой Дух, Трое в Одном. Человек должен услышать

своим сердцем, что « Я и Отец — Одно » 13). В данный момент человеческой истории он еще не видит живой связи между Ними, поэтому он еще не постигает тайны Троицы, *новое* в Христовом пути еще сокрыто от его взора: « А если тот же Христос и Сын, в непостижимом единстве с Отцом и в таком же единстве с Духом, — то это совсем другое, и тот же путь Христов (тот же!) становится *другим*. *Всё то же — и всё другое*. Как Тело Христово другое по воскресении... Воскресенье — это разорвавшаяся завеса на тайной связи первой реальности и второй. Разорванная Любовью на мгновенье (вечность) ». Троичность христианства, которую человечество прожило во времени, должна открыться во Христе еще закрытом от человеческого взора; она должна переживаться с той же глубиной и силой реального, жизненного опыта, с которой человек проник в сущность Христа, проповедуемого исторической Церковью. « Это дается само », обещает Гиппиус, « хотя и неизвестно, когда и как ». Живая Церковь, Церковь Третьего Завета на земле, откроет человеку и сокровище, находящееся в исторической Церкви пока еще за семью замками — тайну Святой Троицы, Трех в Одним. В выборе пути к Истине человек, всем своим жизненным опытом, должен осознать полноту того, что ему дается « взамен » при выборе. Человеческое « не хочу! » только « доказательство слепоты, неведения и недостаточного пленения » светом и любовью в сиянии Христа, как Трех в Одним.

Выбор? как и другие религиозно-философские дневники З. Н. Гиппиус, проливает яркий свет на ее глубокий идеализм и христианское чувство. Дневник также вскрывает противоречия, лежащие по мнению поэтессы в основе исторического христианства, и указывает читателю на путь, который может привести человечество к Царству Третьего Завета на земле. Эта мысль может звучать почти историческим анахронизмом в перспективе нашего мира экзистенциализма. Тем не менее, *Выбор?* имеет большую внутреннюю ценность, как и религиозная система Достоевского, для современной западной « теологии кризиса », в частности швейцарских протестантских мыслителей Karl Barth 14) и Eduard Thurneysen 15). Вместе с ними Гиппиус отдает должное религиозной философии Достоевского в интерпретации Нового Завета, христианской эсхатологии, веры, свободы и дальнейшей эволюции исторического христианства. Как и Достоевский, Гиппиус твердо верит в единство « того » и « сего » миров и в потенциальную возможность Царства Божия на земле. Если ее, как человека, и можно было порою упрекнуть, по воспоминаниям Вендзягольского, в несвободе « от великодержавной русской мании величия », ее

религиозная философия основана на учении Христа о всеобъемлющей любви, на стремлении к гармонии, мере, Истине.

Темира Пахмусс
University of Illinois

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) См. Т. Pachmuss, *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile* (Carbondale, 1970), стр. 98-102.
- 2) Там же, стр. 103-108.
- 3) См. З. Н. Гиппиус, *Contes d'amour*, с предисловием и аннотацией Т. Пахмусс, « **Возрождение** » (Париж, 1969), №№ 210 (стр. 57-76), 211 (стр. 25-47) и 212 (стр. 39-54).
- 4) **Русская литература XX века : 1890-1910**, под ред. С. А. Венгерова (Москва : « Мир », 1914), 1, 177.
- 5) Т. Pachmuss, *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile*, *op. cit.*, p. 104-111.
- 6) См. например, « **Братья Карамазовы** ».
- 7) Т. Pachmuss, *Zinaida Hippus: An Intellectual Profile*, *op. cit.*, p. 77-82.
- 8) *Ibid.*, стр. 61-69.
- 9) З. Гиппиус, « **Вопросы жизни**. Сборник ». М. 1906; « **Весы** » (Москва, 1907), № 1, стр. 64.
- 10) Там же.
- 11) См. статью Т. Пахмусс, « Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус « **О Бывшем** », « **Возрождение** » (Париж, 1970, № 217, стр. 56-78.
- 12) См. стихотворение З. Н. Гиппиус « Мера », « **Сияния** » (Париж, 1938), стр. 7, и ее поэму « Последний круг », подготовленную к печати Т. Пахмусс, « **Возрождение** » (Париж, 1968), № 198, стр. 7-51, и № 199, стр. 7-47.
- 13) См. от Иоанна 10, 30 — « Я и Отец — Одно ».
- 14) Ср. его произведения « *Evangelische Theologie im 19. Jahrhundert* » (Zürich, 1957) и « *Die Menschlichkeit Gottes* » (Zürich, 1956).
- 15) Ср. его монографию о Достоевском, *Dostojewski* (Zürich, 1921).

В ы б о р ?

1929, Cannes

Это всего только логическая схема. Вероятность, предположение, что *оно так*. Исключать возможность, что оно так, обойти эту мысль, или взять ее поверхностно, не до дна и конца — невозможно. Я, по крайней мере, не могу. Да и никто, если понять ее действительно изнутри.

Для других она только « общее место », вещь, о которой говорят и пишут уже две тысячи лет (с определенностью, а менее определенно она жила в человечестве всегда). Неисчислимое количество слов о ней сказано, главным образом — теми, кто не только понял ее изнутри, но, поняв, и решил, что она не вероятность истины, а сама истина. И решил это для себя жизненно, реально.

Если это истина, то она для всех. Так и думают, и надеются, и верят решившие для себя. Оттого они (их миллионы) и не устают веками говорить о ней, рассказывать, пояснять, звать к ней, жизнью и примером доказывать. Оттого и неисчислимое количество слов о ней сказано, и еще будет сказано, хотя она так проста, что может быть формулирована в трех строках.

И еще : если это истина, то она и для всех времен, навсегда, т. е. пока есть мир и в нем *страдание*.

Я возьму всё как можно проще, как можно уже (*при том как можно ОБЪЕКТИВНЕЕ*), схема — пунктиром. Перед ней ставлю знак вопроса, или « *быть может* ». Почему я не говорю « это так », но лишь « а если так...? » — потом. Надо начать сначала, с исходных точек. И никакой волей не мешать логическому течению мысли.

Конечно, сами исходные точки могут быть неверными. Чтож, поставим и перед ними « если » и « по всей вероятности... »

Представим себе, что сумма *страдания* (беру en bloc все, что может быть названо Страданием) при самом начале жизни мира выражается числом X. История (тоже беру en bloc) — это

растянутая по времени борьба со страданием *). Во всех формах, со всеми формами, — борьба непрестанная, неусыпная. Ну, а что если и теперь, после веков и веков этой борьбы, проверить в какой-нибудь момент снова общую сумму страдания в мире? По всем вероятностям, она оказалась бы выраженной тем же X-ом, определенным числом не больше и *НЕ МЕНЬШЕ*. Это не всё. Насколько нам доступно — мы можем вообразить, в очень далекой проекции, и продолжение борьбы, не остановимся даже перед фантазией. Вот, люди устроили себе идеальные формы жизни, или почти идеальные (мир без « почти » невообразим, так как его первая база — относительность). Но побеждены опасности, побеждены болезни и почти побеждена смерть. Осталась где-то какая-то одна миллиардная ее возможность, только. Что же? Логика говорит нам, что, вероятно, если проверить в этом бесконечно-улучшенном мире сумму страдания новых людей в новых условиях — это будет в любой момент опять всё тот же X. Время (история, борьба) лишь перемещают его, *видо-изменяют*, но не изменяют. Будущие, иные, чем мы, люди, в своем образе и в *своих* условиях, будут страдать столько же, так же, как мы, теперешние, в наших, и в нашем состоянии. И так же, по силе, как страдали наши далекие праотцы — в условиях *своей* жизни. Столько же. Не больше — не меньше. Страдание — неподвижная, неразбиваемая чаша, в которой кипит мир. (Можно, как нередко делают, заменить « страдание » словом « зло »; но это будет и шире, и уже, а, главное, сразу предполагает известную *оценку* предмета, — отрицательную. Останемся при достаточном для нас понятии « страдания »).

[Примечание]: Часто, у святых: « J'aime la souffrance ». Но нигде (и не представимо) — « J'aime le mal » **).

Если всё так, и прямая борьба со страданием не приносит спасения от него, не следует ли подумать, что дело не в

---

*) (Приписка на полях). Не думаю, чтобы страдание изменилось « в качестве ». Т. е., если люди изменятся к худшему, то будут страдать по пустякам но так же остро. А если к лучшему, то еще острее, хотя м. б. поводов будет меньше. Всё дело в « почти », а « почти » есть смерть.

**) (Приписка на полях). Это правда.

самом страдании, а в нашем отношении к нему? Может быть, здесь-то и лежит центр тяжести, как всякий центр — единственный. И единственное спасение.

Мир сросся со страданием, страдание с миром. Они нерасцепимы. Но — два ли мира, или один? Если судить без человека, то, конечно, один. А если принять, как видимую, подлинную несомненность, существование человека, то, конечно, два *). Потому что совершенно так же несомненно и реально, как существование человека — существование в нем, в человеке, понятия (или чего-то вроде, но незыблемого) и о втором мире, о другой плоскости, где находится столь же действительная, другая реальность. Неважно, всякий ли человек знает о том, что в нем это находится (имеет бытие). Важно, что оно *бытие имеет*. Но мы должны признать, ибо о неимеющем бытия (полный nihil, абсолютный нуль) мы бы даже не могли, находясь в бытии, сказать, что оно *не имеет бытия*; совсем *ничего* не могли бы ни сказать, ни подумать: его не было бы *нигде*.

Присутствие в человеке чего-то от второго мира, второй реальности (со знанием, понятием, ощущением, или без них — все равно) не только заставляет нас признать бытие этого мира, но еще и какую-то связанность двух миров между собою, какое-то их взаимоотношение. Вторая реальность существует, через *существующего человека*, и в первой. На этой таинственной связи их бытия я не буду останавливаться. Мне только, для ясности последующего, надо утвердить *бытие* второго мира, а также соприкосновение двух бытий — второго и первого. Из этого следует, что я, в дальнейшем, не буду стоять на почве отрицания того, что ограниченного мышления люди называют «мистикой». Или «воображением»... как будто можно «воображать» что-либо, для чего нет ни воображения, ни вообще — *ничего*. При том еще не было никогда, и не будет.

«Мистика» — это слово можно принять, как пытающееся — не определить, но всё же *установить* несомненную разницу между двумя мирами, двумя плоскостями, двумя бытиями. При одинаково-реальном их существовании в человеке, человек всегда ощущает различие между обоими, разность, несмотря

---

*) (Приписка на полях). Два мира — это две реальности, одна в одной, поэтому сказать, что вторая — «без человека» — нельзя. Она так же «с человеком», вернее — она в человеке и человек в ней. Их связь — X (не в пространстве во всяком случае).

на их единство (в нем); и вот, отсюда-то, из всего этого вкупе, т. е. из *разности* двух миров, из реального *бытия* обоих и *существования*, в непонятном единстве, в человеке — и происходит человеческая *трагедия*, « действие мира » *). И мое дальнейшее « а если так...? »

Замечательно, что всё это — испокон веков. С тех пор, как люди себя помнят. Было, конечно, и раньше памяти. Формы, в каких оно выражалось (и выражается) бесчисленны и безразличны, — раз одно и то же. Я возьму наивысшую точку: Христа, христианство, христианское *спасение*.

Возвратимся к началу. К неподвижной сумме *страданья* мира — Христу. К истории, — растянутой по времени борьбе со страданьем. А что, если всякая борьба напрасна, всякий путь — к поражению и гибели, и только один, один единственный, — к победе и спасению? Что, если его-то и пришел нам дать (не указать, прямо дать) Христос? Что, если о нем-то, вот об этом, говорил Он: « Я есмь путь, истина... Верующий в Меня не погибнет... »?

Так про Себя Он мог говорить (предположив, что именно этот путь, только этот, и пришел дать людям), ибо, хоть и был он (путь) до Христа, есть и без Христа, но Христос как бы срывает завесу с него; не указывает на него, а заливают таким сияньем от всего своего существа, что уже никто, имеющий глаза, не мог его не *увидеть*.

(Может быть, конечно, и так, что сила сияния слишком ослепительна для глаз человеческих... Но я это оставляю. Я хочу *предположить* сейчас, что Христос пришел дать именно тот путь спасения, который через Него люди *увидели*, который действительно есть путь спасения, и к которому люди с начала мира слепо тянулись).

Чтобы понять, — до дна, изнутри, — этот путь, надо обра-

---

*) (Приписка на полях). Трагедия — и еще одно указание на **тройственную** структуру всего мирового построения. Один человек и два мира — неслиянны и нераздельны.

титься к тем, которые его « увидели », — к христианским святым, к близким следующим за Христом.

Увидели они, через Христа, именно этот путь, и приняли, как истину. И самого Христа приняли как этот « Путь и истину ». Но что же это за путь?

Человеческая борьба со страданием (незрячая и напрасная) была, главным образом (и в известном смысле), « отрицательной »; центр тяжести и прямая, наиболее ясная, цель ее — уничтожение, устранение врага. Христианство совершенно преображает эту борьбу *). Оно вносит в нее элемент положительный. И такой силы, что самого врага своего превращает если не в союзника, то в средство, в оружие для победы над ним же.

Первый шаг — конечно, измененное отношение к страданию. Человек уже не стремится уничтожить или устранить страдание, не бежит от него, но оборачивается к нему лицом. Он, прежде всего, уже решил : в этом, первом, мире, пространственно-временном, нет места (и не будет, как не было), где бы от страдания можно было укрыться, и нельзя найти (тоже нет), для борьбы с ним, никакого оружия, ни малейшего щита. Всё, что мы искали, ищем и находим, в смысле ли убежища, или оружия, оказывается негодным и недейственным. Надо, значит, отказаться от напрасных поисков в первом мире; нет ли оружия для победы над страданием — во втором? Не там ли надо искать его?

Находясь в этом бытии, мы не можем иметь никаких представлений, никаких образов ВНЕ ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ **); таинственное соприкосновение, или единение, или связь и сосуществование двух различных миров нам все равно непонятно. Воспринимаем мы это лишь в отдаленном примере, хотя бы в таком : чаша, в которой кипит мир ***); и чаша эта — страдание. Чтобы искать победы над ним, — оружия для победы, — и при том искать не там, где его нет (в кипящем мире) — уж для одного этого надо повернуться лицом к страданию,

---

*) (Приписка на полях). Нет, не « к Христу лицом », а ко всякому вообще страданию в мире. Изменение направления поисков, изменение отношения к страданию, перемена пути, на который укажет Христос.

**) (Приписка на полях). Это очень важно.

***) (Приписка на полях). Страдание в кипящей чаше. Поиски спасения от него там же — еще не говорит нам о падших силах. Это лишь просто-человеческое.

— к стенкам чаши. А повернувшись — двинуться к нему; а подойдя — прикоснуться к нему; а прикоснувшись — проникнуть в него, в самую глубину или толщу, чтобы пройти, сквозь и через, туда, где находится победное оружие.

Для всего этого человеку *не нужно никакого времени*, это лишь в представлении нашем (и в словах, в рассказе) происходит как бы во времени и пространстве; в воображаемом примере. А так как на деле нет ни чаши, ни стенок ее, отделяющих пространственно один мир от другого, первую реальность от второй, — но обе они непостижимым образом одна в одной, — то и *путь* свой новый (к страданию и сквозь) человек уже совершил тогда, когда в жизненной реальности он его только, может быть, начинает.

Дело не во времени. Дело *В ВЫБОРЕ* средства (или, иначе, пути). Во сколько времени, кем, какими людьми путь проходит и даже сам выбор делается, — это сейчас посторонний вопрос. Это относится к чистой реализации и, как всякая реализация, — многообразно. Утвердить надо главное: в человеческом понимании, среди бесчисленных напрасных путей к победе страдания, уже находится и этот путь; человеческому пониманию предлагается и — теми, кем он *выбирается*, он заверен *опытно*, как единый верный и действительный, как единый вечный и истинный.

Опять суживая, сведем это к христианству. И будем кратки.

« Говорят, что от благ мира нужно отказываться, потому что они кратки, временны и преходящи, — пишет св. Тереза 1). — Но если бы даже я представила себе их вечными, и тогда я не променяла бы их на то несказанное счастье, которое посылает мне Господь. Он восхищает душу мою в края блаженства, о них нет земных слов, но меня поймут те, кто сам испытал это блаженство ».

Исполняя « послушание », св. Тереза всё-таки пытается рассказать нам о « свете », который ей посылается, свете, перед которым свет солнца кажется темным и даже « неестественным ». И она действительно *видит* этот свет, сомневаться нельзя.

Нет никого, говорит Христос, кто бы оставил или дом, или жену, или детей ради Меня и Евангелия (благой вести) — и не получил бы больше (взамен) и *в сем веке* и *в будущем* 2).

---

*) Примечания см. стр. 76-77.

А юноше, которого « Он полюбил », сказал : « Оставь всё и следуй за Мной ». Но юноша « отошел *опечаленный* »; перед ним был выбор, но минута сделать его еще не наступила; чего-то было еще недостаточно : веры, или, может быть, любви к Учителю. И владел еще страх. Оттого полюбивший его Учитель — вздохнул.

« Я заметила », пишет еще св. Тереза, что « каждый раз, когда я прохожу большое страдание, в душе моей безмерно усиливается любовь к моему Спасителю. Страдание усиливает счастье любви. Оттого я и люблю страдания ».

Любовь, конечно, великий и первый источник счастья. Ничто не может сравниться со счастьем любви самой высокой : она непобедима, она уже победила страдание. Не она ли, по слову любимого ученика Христа, « изгоняет страх », который есть « мучение? »

« В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь : Я (Путь, Истина и Жизнь) победил мир » 3).

Почему несчастны почитающие себя счастливыми, богатыми, думающие о том, куда сложить собранный хлеб, собирающиеся « есть, пить и веселиться »? Да потому, что не понимают, как неудачно поместили они свое « сокровище »*), свою привязанность, и как, потеряв сокровище (неприменно), погружаются они в страдания, уже беспросветные. « Собирайте себе сокровища нетленные, которые червь не поедает... ». И где сокровища ваше — там и сердце ваше будет. Нетленная любовь. Неуязвимое счастье любви. Свет немеркнущий, перед которым свет солнца — « не естественный », темный.

Но счастье только тем, кто « не берегает душу (жизнь) свою ». А берегающий ее, — бегущий от страдания, в страхе хватаясь за ненадежные щиты мира сего, — все равно, не уберезет ничего, все потеряет и сам погибнет *бессмысленно*, беспросветно, как те 16 человек, на которых упала башня.

Но все плачущие, алчущие и жаждущие, все сейчас терпящие страдания, — блаженны; *могут* стать блаженными, утешенными, насыщенными; именно потому, что они уже приблизились к страданию, уже находятся в нем, — они ближе к « спасению », т. е. они скорее могут увидеть путь спасения от страданий, победы над ним, верной и окончательной.

---

*) (Приписка на полях). Потеря.

Самая загадочная из притч — «приобретайте себе друзей...» и т. д. хотя бы путем «неправедным» — разгадывается именно под данным углом зрения. Она, при некоторой внешней сложности, прямее других, однако, подходит к «выбору». Выбор приходится делать (как управителю пришлось), и недаром Господин похвалил его: чем ни чем, а сделал он выбор *мудрый*. А так как это лишь подобие (притча), управитель, «сын века сего», действуя в соответствующих обстоятельствах, поступил в них *мудро*, то и «сыны света», в своей линии, не окажутся ли менее мудрыми, чем догадливый управитель, если не будут поступать, подобно ему?

Уже совсем проста притча о купце, продавшем все свое имение, чтобы купить одну драгоценную жемчужину.

Можно бы без конца продолжать, выписывая евангельские слова: они становятся стройно-ясны под этим лучом. Они все лишь об одном; как будто, только об одном. Царство Божие... да ведь оно тут же, близко, оно в вас же самих *). Но надо обернуться, измениться (покаяться) — и увидите его, а увидев — захотите *сами* отдать за него всё, что имели, а захотев — получите его: «неприметно» почувствуете, что оно — ваше.

Выбор — не торг. И меньше всего в Христе и в христианстве есть какое-либо подобие торга. В христианстве дана человеку высочайшая свобода — каждому учение Христа дает ее, свободу, в той полноте (и так), в какой данный человек ее может вместить. Нет в «учении» ни посулов, ни даже зазывов: Христос не зовет на свой «путь» — Он его открывает. Открытый — он не может, он должен *пленять*. Основное начало христианства и есть свободное *пленение*, иначе — любовь.

Всё, что здесь говорилось раньше о человеческой постоянной (и бесплодной) борьбе со страданием, и о том пути, где страдание действительно побеждается, скрытом (почти) до Христа и Христом с такой божественной силой и осиянием открытым, о постоянном *выборе* этого пути, — всё остается, хотя миллионы ближайших последователей Христа ни о каких «выборах», конечно, и не думали, ни о чем не рассуждали: шли кратчайшим и вернейшим путем свободного пленения, за-

---

*) (Приписка на полях). Тут я взяла слишком узко (ибо я здесь говорю узко об одном только христианстве). Но это «в вас же самих» имеет и это, и **второе** значение, т. е. здесь и о «второй реальности», которая тут же.

хваченные *счастьем любви*. Любви ко Христу? Да, но Он же есть « Путь, Истина и Жизнь », Путь, который « победил мир ».

Победа над миром страдания, над страданьем, действительно совершилась во Христе. Побеждающее оружие найдено и всякий может, если захочет (полюбить — поверить) взять его в руки и, « обратившись » (лицом к страданию) — спастись. Оружие найдено не в этом мире, не здесь : здесь его нет. Оно принесено из второго мира. Однако, сейчас же вспомним *), что говорим мы « здесь », « там », « первый » мир, « второй », — только потому, что говорить и мыслить можем лишь в *представлениях пространства и времени*; если же соединение обоих миров лежит вне этих категорий, то все « здесь » и « там », « теперь » и потом » — отпадают; и понятным делается, что миллионы последователей Христа, наиболее близких, как св. Тереза, Серафим Саровский 4), Jean de la Croix 5) и др., все разные и все схожие, воистину находились уже « там », будучи еще « здесь ». Они уже вкусили райское вечное блаженство.

(Что мы знаем о вечности? Ничего. Что-то в нас есть, что мы носим в себе, никакому « знанию » не подклонное... может быть оно и есть « вечность »? Вот, например :

Воскресение Спасителя — победа над страданьем, которому он пошел навстречу, над смертью, — а что, если это мы опять, по невозможности понимать что-либо иначе, — поместили его *во времени*? Что, если воскресение — истина, но прикоснуться к ней, воспринять ее, мы-то можем — только в *подобии*? Мы правы, создавая подобия, чтобы хоть как-нибудь приблизиться к *Действительности*, на которую взглянуть прямо мы не можем, так светла она для наших глаз.

Замыкается круг, полнота победы над страданьем и смертью, — это и есть *вечное* воскресенье. Не « момент » (время кончилось), а *вечность*.

Не так ли воскрес Спаситель, не так ли, следуя по пути спасения, воскресаем и мы?).

Очень неясно сказано! З. Г.

Но это сторонний вопрос. Я почти кончаю. Прибавлю еще : вот этот « путь спасения », раскрытый Христом, и есть храни-

---

*) (Приписка на полях). Это надо всегда помнить.

мый завет, нерушимое сокровище, которое несут через мир все христианские церкви. Потому они и святые. Все разделения их — от человеческого, от «мира сего». А главное сокровище у всех одно. Все несут *один* образ Христа, все говорят о пути спасения, едином верном, все указывают на выбор, все зовут «обратиться» (лицом к страданию). В церкви открывается *каждому* этот путь и свобода подхожденья к счастью. При этом каждому дается всё это в той степени и так, чтоб он мог взять их. По его силе. Но такова «пленительность» этого Пути (Христа), что ни один бессильный, вступив на путь, не знает, как могут возрасти его силы. И какой степени может достигнуть его свобода, его вера, его любовь (т. е. счастье *).

Церковь христианская (всякая) продолжает, по ее разумению, дело Христа, или как бы поддерживает его в мире; открытый Христом путь «истины» она держит открытым для *каждого*. Именно для спасения *каждого*, кто вольно путь изберет... а не для спасения *мира* (тут внутренняя, и глубокая, разница), — мир, всё равно, спасти нельзя.

Очень важно помнить, что христианство, учение Христа, — как мы сейчас его берем и как оно взято в христианских церквях, — самым существенным образом, в самом корне своем, отличается от дохристианских, восточных религий (вроде буддизма и т. д.). Христос действительно *открыл* путь, существование которого люди лишь чувствовали и искали *вслепую*. Чисто внешние сходства, хотя бы с буддизмом, не должны вводить нас в заблуждение. Сближают христианских столпников, мучеников, пустынников, отшельников с подвижниками Востока. Судить и сравнивать надо, конечно, по высшим точкам, по «святым». Так вот, взяв первых и вторых «святых» не внешне, а исходно, мы эту разницу и увидим. Вот она.

У тех и у других, говорят, — отречение, отказ, *отрыв*, уход (от мира и жизни) в чистое созерцание. Да, слово «*détache-*

---

*) (Приписка на полях). Конечно, это так (о церквях). Они несут и хранят, и дают именно «каждому», зовут на этот путь каждого, и каждый один, принимая, спасается. Каждых и одних может быть много или очень много, но это не спасение «мира». Потому что церкви восприняли от Христа же и другое сокровище, но оно лежит запечатанное до времени, м. б. долженствующее быть открытым только Единой Церковью будущего. Это — БОЖЕСТВЕННАЯ ТРОИЧНОСТЬ. Это Утешитель, который должен прийти, чтоб открыть всякую истину, ее же мы до времени не можем вместить.

Вот это я теперь знаю. (1942).

ment» и «le néant du monde» — обычное слово в устах христианских святых. Но звучит оно не совсем так, как для каких бы то ни было нехристиан. Ибо для христиан этот всяческий «отрыв» есть только естественное следствие их выбора*). Купец, чтобы приобрести драгоценную жемчужину, продал все, что имел. Он свободно отказался от своего имения, выбрал между этим имением и жемчужиной. Перед ней все прежнее стало для него «néant».

Двигала им вовсе не ненависть к имению, а любовь к жемчужине. Она ему стала дорожке. Стала единым сокровищем. А «где сокровище ваше, там и сердце ваше...»**).

Таким образом, не для отказа от чего бы то ни было выбирается путь христианства, а для получения чего-то, что тебе дорожке всего, от чего приходится попутно отказаться. Вопрос выбора — вопрос положительных ценностей.

Всякому «выбору», чего бы он ни касался, сопутствует отказ... хотя бы уж просто от того, что мы не выбираем, оставляем.

Выбирающего путь Христа, путь спасения (от страданий) — какие отказы, отрывы останоят? Чем больше его любовь, тем безболезненнее, незаметнее, все отрывы. Тогда, в самом деле, дается такое огромное, новое счастье, что всякое иго — уже благо, всякое бремя — легко.

Я скажу теперь, почему выше была у меня речь о вопросе, действительно, *стороннем*: о вечности, о том, что мы о ней ничего не знаем, ибо иначе, как пространственно-временных представлений не имеем. И даже слов у нас для иных каких-нибудь — нет.

Это надо помнить, когда мы начинаем судить о христианстве, или об учении Христа, как о пути, ведущем к смерти; вся, мол, награда — в загробной жизни; все святые, отвернувшись от жизни, только и мечтали, как бы скорее «перейти в лучший мир». Вот и Тереза повторяла: «Je meurs de ne pas mourir!»

Тут снова мы впадаем в свое: «до» и «после», «теперь»

*) (Приписка на полях). Надо помнить, что «здесь» и «там» понятия «пространственные». Надо усилие, чтобы от него отказаться хоть на секунду. Тогда стройнее видишь. (См. стр. 17). С точки зрения одной этой реальности — конечно выходит «отказ от мира».

**) (Приписка на полях). А «та реальность» не может быть втянута в эту, ибо она уже в этой, но наши глаза должны открыться (или сердце, или вся наша внутренность) на их неразделимость и неслиянность во всем. И это открывает Утешитель.

и « потом ». Ведь мы уж условились, что соединение-то, соприкосновение двух миров, быть может, находится *вне* этих категорий. « Тот » мир, быть может, и « здесь »... И даже по всем вероятностям здесь : мы воочию видим, что избравшие путь, святые христианства, та же св. Тереза, — *уже* были там, будучи здесь. *Здесь* дается им всё, на *здесь* пролегающем пути : победа над всяким страданием, — новое, несравнимое счастье любви и света.

Правда, рассказать о нем другому — нельзя, как признается Тереза, — надо самому испытать. Но испытать же можно? Путь к этому счастью открыт... для каждого. Вот дело церкви и ее святых в мире, дело, которое они и делают : чтобы каждый услышал, увидел, что путь открыт, обратился — и спасся.

Сделаю маленькое примечание, предвидя одно из тех общих возражений, которые часто делаются : « В голую схему всего этого уложить нельзя. И почему брать крайние точки? Святые — это, конечно, отдельные, исключительные личности, никто не претендует, что каждый будет свят. Да и сами святые, в делах и в учении, весьма многообразны; примеров сколько угодно, но вот один : жизнь и проповедь святого Jean de la Croix, жизнь и проповедь святого François de Sales 6), — схожи ли они, близки ли? Аскетический "отрыв" первого, — даже Терезу однажды ужаснувший, — суровая проповедь его (и осиянное счастье) — разве это то же самое, что мягкая, нежная, снисходительная любовь, с которой к каждому обращался св. François, ценя и утверждая всякий малый порыв, как бы благословляя *меру* в Христианстве?... »

Примечание мое и будет, главным образом, о *мере*. Если оно покажется парадоксальным, — чтож делать!

Но, во-первых, кроме « голой схемы » я и не хочу ничего дать (не могу). В схему, если она верно построена, укладывается все. Затем : схематично ли построение, или нет, при всяком рассмотрении дела в его *сути*, или в его *идее*, мы должны брать именно крайние точки ее воплощения. Поэтому мне и нужны были святые. Jean de la Croix и François de Sales, конечно, различествуют; но оба они — святые, соединенные одной и той же христианской идеей христианской *церкви*. Если в словах и жизни François de Sales *умерял* христианство, в идее он его не умерял, и *не мог* умерить, изменить идею.

О « мере »... Мера — это, в настоящем смысле, — *гармо-*

ния. Как раз то, чего лишен первый мир (который мы зовем «реальным») и к чему он стремится, стремясь к миру второму, как бы слепо ощущая, что там она есть. Проще — «мера только у Бога» 7), и всегда, в чувстве Божества, есть тоска по гармонии. Но если мы пытаемся реализовать «меру» в реальном мире — в его круге — у нас выходит только «умеренность», середина, теплота. Должно быть, не средством нашего «умеренья» достигается «мера». Должно быть, реальному миру из реального мира надо подняться на какие-то высоты безмерности, чтобы оттуда доплеснуться до «меры» (гармонии).

Так или иначе, но раз мы находимся в области религии, то «меру» мы должны понимать в этом ее, настоящем, смысле. И тут уж, в конце концов, все религии равны. Поэтому «о мере» я и пишу, как примечание: к частному вопросу о христианстве и о той мысли о нем, о которой здесь идет речь, — это прямого отношения не имеет.

Речь же здесь шла о моем начальном вопросе: Христос, Его учение и Он Сам, как путь выбора (отказа) и спасения, — истина ли это? *Так ли оно? **

(Не понятая *изнутри* — мысль не имеет значения).

— X —

А теперь я хочу сказать, каково мое отношение к этой схеме, изложенной со всей объективностью, мне доступной.

Я НЕ ХОЧУ, чтобы оно было так.

Не то, что я не хочу истины: я не хочу, чтобы всё это была истина.

Если такое «не хочу» — просто мое, случайное, индивидуальное, — мало ли какие есть «не хочу!» — то грош ему цена, говорить не стоит. Но я думаю, что в данном случае, к данной схеме, «не хочу» мое — не мое, а общечеловеческое. Среди других, первичных, изначальных, неразложимых и ма-

---

*) (Приписка на полях). Конечно так, если взять только Христа, Одного, не поняв, что Он, и Отец, и Дух — Одно. Но понимание этого *изнутри* может быть только дано, сразу.

лоизъяснимых вещей (как « вечность », как бытие « второго » мира) — носит в себе человек и *волево* отношение ко всей совокупности бытия: хочу, чтоб было так, не хочу, чтоб было вот так.

ПОЧЕМУ хочу или не хочу, — да, неизъяснимо до конца; но ведь в концах — всё неизъяснимо; нерасказуемо, по свидетельству святых, и то предельное счастье, которое даруется им взамен малого, при выборе оставляемого. Но и о нерасказуемом они пытаются, всё-таки, говорить. Попытаюсь и я сказать, *почему* не хочу я, чтобы всё *было* так. Сказать как бы за всех, ото всех, кто разбирается и видит, что в нем тоже есть такое же *не хочу*.

Нет, слишком трудно (если как следует), а потому скажу только о самых первых « почему »; и самым кратким образом. В сущности, всё уже сказано (в примечаниях моих).

Будь *оно так* — оно значило бы суд « миру сему »; суд — и осуждение; ибо мир первой реальности, наш мир, при этом *выборе*, оставляется *); *отставляется*, обрекается, как безнадежно-непоправимый. Сознательно или несознательно, под выбором лежит проклятие этому миру. Если Христос пришел для того, чтобы указать каждому путь, каким можно выбраться из проклятого места, — я этого *не хочу*.

Не будем углубляться в рассуждения, в то, например, что при выборе, при неизбежном « отставлении » этого, первого, мира, его волево, преждевременном, уничтожении (*néant*), как бы нарушается сразу их, двух, таинственная связь (один в одном). С этим тоже не мирится — мысль; но вот с чем не мирится лучшая часть человеческого существа: пусть *каждому*, « имеющему уши, чтобы слышать », и очи, чтобы видеть, открыт путь спасения от страданий, путь самый верный, самый необманный; и пускай даже каждый из этих *каждых*, если не захочет выбрать путь, не « обратится » (лицом к страданию) — погибнет бессмысленно и страшно под упавшей на него башней; но разве « мир » и есть лишь сумма *этих* « *каждых* »? А

---

*) (Приписка на полях). Конечно.

другие? Другие и всё другое, кто и что *не могут*, наверно, совсем и никак, услышать зова, вообще никак сделать выбора, до такой степени, — что этот выбор им как бы даже и не предлагается? Это «*всё*» (живое), наполняющее и составляющее «мир сей», — с ним вместе отставляется; оно-то и обрекается на уже безысходные (проклятые) страдания. Этого «живого» обреченного куда больше, чем всех «каждых»; — дети, да вся «тварь стенающая»... нет, она «каждыми» не спасается; каждый, спасаясь, обрекает ее на «néant», иначе нельзя, этого требует его спасение. Он может, шествуя к спасению, попутно «жалеть» то или другое живое мира, но любовь его (главное) лежит за гранью, и в мире для себя не имеет ничего.

Так вот, какая-то, очень глубокая, часть нашего человеческого существа *не хочет*, чтобы *так было*, не может примириться с этой наверной гибелью всего, что не «каждый».

«Билет» Достоевского 8) — это и есть отречение одного из «каждых» от своих преимуществ, если «спасутся только некоторые» (каждые).

Но этого мало... Впрочем, нет, в этом уже всё; уже ясно, почему я *не хочу* верить, что именно этот Христос указывал нам именно на этот путь; чтобы Истина и Путь (Христос) были именно таковы.

Никакие возможные пояснения, оговорки, развитие теорий, ни философия, ни метафизика, ни указание на «опыт», — ничто тут не может изменить божественно-человеческое «не хочу». Не хочу страдания для себя, *ни за что*, как не хочу для всего страдающего мира. И еще, дальше: не хочу, чтоб Христос страдал за меня. (Или я, или другие за Него, после Него). Мы, в нашем последнем ничтожестве и недостоинстве, Он в своем несказанном величии, — тут, как бы одно. В любви мы приникаем к Нему.

Д. говорит: Христос тоже «*не хотел*». Но тогда...

(Продолжение следует ли?)

Нет, следует.

Но спрашиваю себя: зачем я это «ни для кого» пишу с таким стремлением к ясности, с необходимыми оговорками, как нужно подходить к этой мысли, чтобы она могла быть понята в ее значении? И отвечаю: затем, что я тоже «кто-то»; я пишу, объясняя себе, затем и стараюсь, чтобы этот «кто-то» меня понял, не уклоняясь ни во что свое, даже в «*не хочу*».

И твержу: надо подойти узко и «свежо», т. е. заранее, усилием воли, отказавшись от всех привычных концепций, от

всего, незаметно внедренного или усвоенного, и от всех возражений, отсюда идущих.

Этих возражений, усложнений, утверждений и объяснений и у меня не мало, и я кое-что «знаю»; но я намеренно беру так, будто ничего не знаю, впервые подхожу к этой линии, впервые мне открывшейся. Я беру одну глубину и ее охраняю. Подхожу к тайне, не считаясь, в это мгновение, ни с чьими (ни с моими) бывшими попытками ее раскрыть. Не оглядываясь ни назад, ни по сторонам. Почти как умный дикарь.

Что-то мне говорит, что иначе нельзя. Если «отсюда» возникнет возражение, явится ко мне, я его приму и, приняв, позволю себе вспомнить, что оно уже есть, было в мире. Учту это и, вероятно, обрадуюсь. Но пока — забываю всё, хотя и знаю: а «грех», — первородный и личный? А идея «искупления», как таковая, *idée-mère* христианства? Вечная идея *жертвы за...* за другого или даже за «мир», — за «спасение» их? И т. д., и т. д.

Всё это вкладывается в мою схему. И не нарушает ее. И человеческое «не хочу» (если оно есть и человеческое) остается, на своей бездонной глубине, не затронутым.

С самим собой надо быть смелым: да, *я не хочу*, чтоб за меня кто-нибудь страдал, а любимый — совсем не хочу, не могу вытерпеть. Чем совершеннее любовь — тем это невыносимее. Уже лучше самому страдать *за*. Отсюда, из глубин этого «лучше», является, кажется (этим отчасти окрашенная) *страсть* к страданью, подобному Христову (и больше, если можно) *у святых*, с их великой любовью ко Христу. Страсть ко кресту. Если не за Него, то хоть ради Него, ради приближения, уподобления Ему.

(Это, как элемент, входит в первичный всеобъемлющий выбор «пути» — пути по моей схеме).

Да, «лучше» самому страдать *за*, и это просто говорит Любовь, ни в какие даже рассуждения не входя, ни о спасении, ни о путях, ни о грехах. Тем невыносимее, чем больше любишь Христа (говорю сейчас о Нем), смотреть на Его Страдание, да еще знать, что оно было (значит, и есть) *за* тебя. Нисколько не утешает, что страдания эти — не *вместо* меня, т. е. в сущности, в точности, не *за* меня, а *ради* моего спасения: это лишь толкает меня на путь этого спасения (через страданье), попутно увеличивая мою *страсть* страдать. Да, «лучше», говорит Любовь, но она же говорит (не будем себя обманывать и, для ясности, опять возьмен «крайние точки»), — дальше, — значит, ты выбираешь «лучше» для себя и «хуже» — для другого? Она ничего этого не хочет, ни счастья страданья за дру-

гого, ни муки сознания, что за тебя страдает другой. — Тут есть и еще сложности (в отдаче себя на вольное страдание: гибель некоторых ради спасения других) — но я уж оставлю, это завело бы меня далеко. А я не хочу идти далеко.

Да, я сильно отклоняюсь в сторону*). Очевидно, настоящие слова еще не созданы для продолжения.

Вот — не « настоящие », конечно, а что-то « около », что я не вижу « лицом к лицу » (м. б. никто еще ни видит?).

Если « христианство », т. е. один ослепительный блеск Христа, такой ослепительный, что в этом сиянии до сих пор погасало и теперь погасает всё, что не Он (Альфа и Омега), то всё, что здесь сначала сказано, — так, и не может быть иначе. А человеческое « не хочу » — вечный, неразумный бунт против Истины. И не стоит говорить. Бунт вспыхнет, а затем явится мудрость, с нею покорность и — счастье спасенья. Опять и опять великий опыт христианства, пути Христова.

Но если по слабости глаз наших так ослепляет нас сияние Христа? Так ослепляет, что мы не различаем даже и в Нем чего-то, с Ним не отдельного и не слиянного, что — Он же, а мы не видим и не понимаем? Не понимаем до того, что и слыша — не слышим? А если бы услышали...

Перед этой тайной, о которой едва могу знать лишь, что она есть, чем-то вроде шестого чувства о ней догадываться, — я останавливаюсь. Ни глаз, ни ушей, ни языка для нее у меня нет. (У кого есть?)

По условному, отдаленно, могу сказать, что это тайна Троицы**).

Мы не понимаем (все говорю о понимании *изнутри*, пронзительном и опытном, каково понимание « христианства ») — не понимаем связи Христа-Сына с Богом-Отцом. Не слышим « Я и Отец — одно » 9). Все слова наши об этом, какие были, только доказывают наше а-понимание. Мы, пожалуй, скажем, что связь эта — Дух, но тогда уж сугубо ясно, что не понимая

---

*) (Приписка на полях). Конечно.

**) (Приписка на полях). Вплотную подход.

связи, мы не больше понимаем и Духа *). Единственно, что у нас есть — догмат. Это сокровище. Но иметь сокровище, которого не видишь, не осязаешь, за семью замками запертое, — почти все равно, что не иметь.

Дано миру — и как бы не дано.

Может быть — надо было, чтобы сиянье Христа на долгое время и заслоняло от слабых человеческих глаз то, что во Христе же есть (вечно есть). Надо было *войти* в это сиянье, внутрь его, как люди и вошли — прошли до дна? Вот этого не знаю. Но если бы прошли, дошли, то, верно, и перестало бы сиянье (не уменьшившись) ослеплять. И восприняли бы глаза...

Нет, лишь как сквозь сон, как сквозь воду мерещится мне (уж не «воображается» ли?), что если Христос только Христос — это одно; и путь им для нас открытый — таков, как мы его увидели и познали. А если *тот же* Христос и *Сын*, в неопостижимом единстве с Отцом и в таком же единстве с Духом **), — то это совсем другое, и *тот же* путь Христов (тот же!) становится *другим*.

Всё то же — и всё другое. Как Тело Христово *другое* по воскресении.

(Но последнее — только пример. Воскресенье — это разорвавшаяся завеса над тайной связи первой реальности и второй. Разорванная Любовью на мгновение [вечность]. А то, о чем говорю, — **ТРОИЧНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА** ***), — должно прожитья нами во времени, открыться в Христе закрытое, нечувствованное прочувствоваться и перечувствоваться так, с той же силой и глубиной реального опыта, с какой прошли в Христа доселе чувствуемого).

Нет, это дается само
неизвестно как и когда.

Не могу, путаюсь. Может быть, нельзя...

---

*) (Приписка на полях). Как это сказано слепо. А между тем это одно и важно.

**) (Приписка на полях). Только это и важно, на этом остановиться или с этого начинать.

***) (Приписка на полях). Но м. б., нужны были и все другие подходы.

Через год (1930)

Теперь думаю, что тут много верного (о двух реальностях, о прорыве *между* ними), и сама постановка вопроса верная. Только куда оно потом всё заскользило! — «Нельзя» — уж конечно; мне — во всяком случае. А вот что именно «христианство» именно так, не иначе, до сих пор принято и понято, — (выбор) — это да, так. От «не хочу» я не отрекаюсь. Но, ради полнейшей объективности, укажем, что еще такое может быть возражение: «не хочу» — ничего не стоит в устах всякого, кто опытно не знает полноты того, что дается «взамен», кто не нашел, не увидел «жемчужины», ради которой всё остальное сделалось ему действительным néant. Самое вот это «не хочу», — тем более, что так неясны и рассуждения, «почему» не хочу, — только доказательство слепоты, неведения и недостаточного пленения.

Испытай, тогда посмотри, скажешь ли «не хочу».

Может быть, и не скажу. Наверно не скажу. Я, другой, третий, *каждый* плененный*). Но это ничего не меняет, ничего! До такой степени не меняет, что я, может быть, и пленяться не хочу, *если оно так*. Всякому «хочется» вырваться из «проклятого» места, самому-одному. Но «не хочу» больше, глубже, первее, важнее, человечнее «хочется-не хочется».

Словом, вот резюме из всех этих беспомощных намеков-рассуждений о самом важном (не для меня важном, а для всякого, для каждого): не хочу, чтоб оно было так;

не хочу потерять Христа; а потому
хочу, надеюсь, думаю, ощущаю, что
оно всё не так.

(Т. е. так, но оно же другое).

Зинаида Гиппиус

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ste. Thérèse de l'Enfant-Jésus. См. *Novissima verba — Derniers entretiens de Ste Thérèse de l'Enfant-Jésus* (1926).

2) См. от. Матфея 10, 35-42, а также слова Никодима в рассказе Гиппиус «Святая кровь», **Третья книга рассказов**, 2 тома (СПб., 1902), стр. 442.

*) (Приписка на полях). И новый святой.

3) Ср. от Иоанна 14 : 6 — « Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня ».

4) О преп. Серафиме Саровском (1760-1833) см. « Сказания о жизни и подвигах блаженной памяти о. Серафима » (Москва, 1837) и « Сказания о подвигах о. Серафима », **Маяк** (1845), XVI.

5) St. Jean de la Croix (1542-1591), создатель (вместе со св. Терезой Авильской) Кармелитского Ордена Босой Ноги, прославившийся также своими поэмами и писаниями на темы аскето-мистического богословия. См. *Complete Works*, tr. D. Lewis, 2nd ed. (London, 1889), 2 vols.; E. W. T. Dicken, *The Crucible of Love* (New York, 1963).

6) St. François de Sales (1567-1622), епископ Женевский, доктор гражданского права, знаменитый писатель на религиозно-этические темы. См. *Œuvres*, 26 vol., éd. complète, Annecy 1892-1932, C. A. de Sales, *Histoire du Bien-Heureux François de Sales*, 2 vol. (Paris, 1857), *The Life of St. Francis de Sales*, adapted by H. Burton, 2 vols. (New York, 1926-1929); F. Trochu, *Saint François de Sales*, 2 vol. (Paris, 1941-1942); H. Brémond, *Histoire littéraire du sentiment religieux en France depuis les Guerres de religion jusqu'à nos jours*, 12 vols. (Paris, 1916-1933).

7) З. Гиппиус, « Мера », « Сияния » (Париж, 1938), стр. 7.

8) См. Ф. М. Достоевский, « **Братья Карамазовы** » (« билет » Ивана Карамазова).

9) См. От Иоанна 10 : 30 — « Я и Отец — Одно ».

Второе Свидание

Несколько дней в Москве... Как всегда — слишком мало, как всегда — в спешке. Уже знакомая гостиница, далеко от центра, и меня там узнают. Это через два-то года!

Конец июня. В воздухе белесый пух тополей. По адресу двадцатилетней давности идём разыскивать родственников одной знакомой. Суббота после обеда. У пивных киосков — длинные очереди: рабочий люд «перехватывает» по дороге домой. На метро доезжаем до указанной нам площади и идём дальше пешком. Вокруг — глухая провинция. Дома, домики, домишки, деревянные, покосившиеся, явно перестоявшие революцию. Кудрявые задворки Москвы, зеленые ветки густыми волнами перехлестывают через досчатые заборы. Иногда через густую поросль садов едва угадываются очертания низеньких бревенчатых домишек. Буйствует над оградами неумная зелень, вскипают сады густой листвой...

Рядом с тротуарами бежит пыльная обочина, незасаженная травой полоска. Сидят на обочинах с кружками (а дома-то их может уж заждались), пивные ларьки тут густо посеяны и торгуют бойко, очереди около них всё длиннее, и сколько же тут толпится народу — всё мужчины.

Иногда деревянные домики подступают к самой улице, сидят на лавочках около дверей их обитатели и обсуждают какие-то свои, волнующие их вопросы. Обжитым теплом веет от этих уютных домиков, от этих лавочек, от женщин, судачащих на них. А мы всё идём и идём. И не находим нужного дома. Тут две улицы слились в одну и нумерация пошла вверх тормашками. Спрашиваем у старожилков. Да, все помнят прежнее название, говорят, что всего несколько лет, как переименовали, а точнее немера указать не могут. На самой улице почти нет новых построек, но за рядами старых деревянных исконных здешних обиталищ нет-нет да и мелькнет новая коробка, конченная или только строящаяся. Мы забредаем даже в какой-то огородик, на откосе, у самой улицы и спрашиваем двух старушек на скамеечке, но и они не помнят. Советуют: «Вон зайдите в милицию». Мы уже несколько раз миновали уютный, двухэтажный особнячок, где помещается это учреждение, и не очень-то нам хотелось туда заходить. Но наконец заходим. Нас не очень внимательно выслушивают и говорят то же, что и другие: «Да, это где-то тут, рядом». Это мы

и сами знали. Пришлось отказаться от дальнейших поисков. Время приближалось к 6 часам, и мы стали подумывать куда бы поехать в церковь. И совершенно неожиданно для себя явно слышали колокольный звон. Церковь была тут же, чуть вбок от главной улицы, но так, что с неё были видны купола. Под стать местному колориту церковь оказалась низкой, деревянной, так — коровайчик какой-то за деревянным забором. Во дворе сидели и стояли уже богомольцы и нищие. Мы и тут попытались справиться об интересующем нас номере, но тоже ничего не узнали. Тут же во дворе стояла машина и за рулем сидел солдат в форме. По нашим догадкам, это приехал священник, но почему за рулем солдат, мы так и не узнали. В самой церкви полно, начинается всенощная. Внутри церковь кажется гораздо больше и насколько убого она выглядела снаружи, настолько поражает богатством внутреннего убранства. Чудесный иконостас, в 2^{1/2} яруса, тонет в золотых резных украшениях. Об иконе, у которой стоит длинная очередь прикладывающихся, узнаю, что это «Тихвинская». Хор, он на клиросе и виден в прорехи между иконами, небольшой, но ладный. Голоса прекрасные, есть и молодые совсем люди. Регент, видимо, энтузиаст и знаток своего дела, на цыпочках закликает своих певцов, осаживает гулкие басы, делает над головами как бы пассы... Молящихся много, и мужчин порядочно, и молодежь есть. Служат долго, истово, и никто не уходит.

На обратном пути в метро попадаетесь очень забавный подвыпивший молодой человек. Он сидит напротив нас и усиленно заговаривает с двумя хорошенькими девушками, своими соседками. Девушки не очень-то обращают на него внимание. Тогда он начинает уверять во всеуслышание присутствующих, что это девушки к нему привязываются, что у него прямо отбоя от них нет, что они ему прохода не дают... Девушки, наконец, уходят, а предприимчивый молодой человек пересаживается на нашу сторону и подбирается ко мне. Хочет, даже, представиться. Потом галантно уступает место бабке явно колхозных кровей и начинает говорить ей, что землю-то следовало бы отдать крестьянам, а колхозы — похерить. Меня даже оторопь берет от таких крамольных речей. Сидящие вокруг ухмыляются: «Чего с пьяного возьмёшь!» А колхозная бабка едва ли понимает смысл его заплетающихся речей, во всяком случае никак не реагирует. Интересно было бы поговорить с ним подробнее и узнать, что он, собственно, думает, но, увы, лучше этого не делать в самой свободной из стран...

Пьяных сейчас вообще всё больше и больше на улицах и когда маленькая девочка спрашивает об этом свою маму, та

терпеливо и привычно-равнодушно объясняет : « Суббота нынче, доченька ».

На следующий день нас влекут на обязательное поклонение « красным мощам » заживо-сгнившего пророка революции. И я с тоской думаю, что сколько бы раз я ни приехала сюда, каждый раз меня будут угощать этим паломничеством. Впрочем, на этот раз интереснее : я наблюдаю кое-какие перемены. Во-первых нас предупреждают, что с сумочками (обыкновенными дамскими, ручными) в святое святых больше не пускают. Их остается охранять одна участница поездки, которая не слишком любопытствует. А в самом мавзолее один из стражей жестом приказывает одной моей студентке вынуть руки из карманов брезентовой куртки. Это крохотные треугольные углубления, в которых с трудом помещаются кончики её пальцев. Видимо, здесь опасаются, что в кармане может быть адская машина или, по меньшей мере, бомба. По-видимому любовь народная к своему « благодетелю » так сильна, что власть принуждена прибегать всё к новым строгостям и усиливать меры охраны отца революции. Пока мы медленно дефилируем мимо раскрашенной куклы, я думаю о взрыве около мавзолея кустарной адской машины, слухи о которой просочились за границу. Возможно, были и другие попытки в этом роде, о которых, понятно, самая свободная в мире печать не станет распространяться...

Зато истинное удовольствие мне доставляет посещение Исторического музея. Москвичи, наверно, без труда вспомнят солидное кирпичное здание на Красной площади, где он помещается. Гид попадаетесь чудесный — деловая, интересующаяся своим делом, знающая дама. И чего тут только нет! Солонки, разные деревянные сосуды для кваса; круглые, керамические с отверстием посередине для льда. Много экспонатов из Великого Устюга, украшенных чернью. За стеклом — костюмы, кокошники, одной формы для замужних женщин, другой для девушек. И тут оказывается, что и крестьянские костюмы были богатые, — собственно говоря, мало разнятся в смысле отделки народные одеяния простых людей от знатных. И никакой пропаганды, видна законная гордость прекрасными изделиями старины, добротные знания, уменье и желание показать. Побольше бы таких гидов! Вообще же в залах музея собраны и расположены в известном порядке предметы культуры главным образом древней Руси. Из старого моего верного путеводителя узнаю, что в свое время вход в музей был бесплатным. Теперь, хоть и немного, но берут за вход.

Как всегда, на рысках приходится покинуть интереснейший музей, едва увидев кое-что, и бежать в Кремль. Тут смотрим

Патриарший дом, соборы, теперь и Архангельский открыт, а прежде были там работы. Бродим между соборами, заходим в них, любуемся видами. Увы, на обед надо возвращаться в отель; мы долго ждём свой автобус, долго едем, а после обеда — снова в город: осмотр Третьяковской галереи. Но тут меня ждёт огромное разочарование: старушка-гид и говорит, и ходит очень медленно и до икон (с которых следовало начать) так и не доходим.

Вечером едем в «Большой» на «Золушку» Россини. Но так как это гастроль Болгарской оперы, то название превращается в «Пепеляшку». Странно как-то слушать о принцах и принцессах в исполнении «пролетарской» труппы с подмостков «Большого». В зале много туристов, главным образом из социалистических стран.

Это был очень насыщенный день, так что вечером мы рады добраться до гостиницы и до своих кроватей.

На другой день едем в Оружейную палату. Кстати, автобус так часто возит нас теми же улицами от гостиницы в центр, что я скоро начинаю ориентироваться (тем более, что у меня и план, и путеводитель в руках). Так мы постоянно проезжали по «Угольной площади» и, по странному стечению обстоятельств, на ней действительно виднелась куча угля. Потом едем по Петровке мимо Высоко-Петровского монастыря (теперь, конечно, закрытого), что на углу Петровки и Петровского бульвара. Что осталось от монастырских построек, трудно сказать; видны только стены, да те фасады, которые выходили на улицу, вдоль которых мы едем. А ведь это один из древнейших монастырей Москвы, существовавший уже в XIV в. По преданию монастырь находится на том месте, где когда-то было сельцо Высокое боярина Кучки. Монастырь связан с историческим прошлым: был основан в 1380 году Дмитрием Донским после Куликовской битвы. Мой старый путеводитель указывает, что монастырь служил кладбищем для знатных родов и упоминает кн. Долгоруковых, кн. Мещерских, кн. Друцких, кн. Путятиных, Отчевых, Бутурлиных и др.

Хотя я не в первый раз в «Оружейной палате», однако, смотрится всё с тем же интересом, как и в первый раз. Да и сколько здесь надо провести времени, чтобы хоть сколько-нибудь изучить всё. После обеда мне надо в Американское посольство. Помимо официального визита, я хочу добраться до телефонной книги Москвы и узнать там телефон по поручению одной знакомой. Увы, хотя в посольстве мне и приносят три жидких книги, ни одна из них не список частных абонентов города. Это, во-первых, список дипломатических пред-

ставителей, затем, партийных организаций, и наконец, предприятий. Вот так незадача! Я иду в справочное бюро, но тут мне говорят, что справки о телефонных номерах даются по телефону, надо звонить в справочное бюро. Возможно, что в какой-то промежуток времени, так часов с 3 до 5 утра, до него и можно дозвониться, но так как я из гостиницы звонить не могу, то приходится и это предприятие оставить. Одна из моих спутниц намеревалась между прочим позвонить из самого посольства, но там ей дали понять, что лучше этого не делать, так как уж их-то разговоры во всяком случае все подслушиваются.

На обратном пути я тороплюсь использовать драгоценное московское время и еду осматривать церковку, которую видела недалеко от станции (конечной) метро. В конце поездки натыкаюсь на двух дам из своей же группы и мы идём все вместе. Как обычно там с церквями, издали их лучше видно и кажется, что подойти к ним очень просто — совсем рядом. На самом же деле мы долго бродим по каким-то задворкам, мимо ларьков, новостроек, неудобных, с остатками строительных материалов перед дверьми и наконец по немощеной, пыльной улице между преждевременно состарившимися новыми домами, выходим к кладбищу, которое примыкает к церкви. Кое как находим щель в заборе, карабкаемся в гору по песчаной дорожке между могилками (тут я набираю песочка для одной моей «Москвички»). Снимаем церковь сначала с кладбища, потом обходим её и оказывается, что она открыта. Служба ещё не началась, но молящиеся уже собираются. Покупая свечки у свечного ящика узнаю, что это Тихвинская церковь и, конечно, и тут есть чудотворный образ Тихвинской Божией Матери. Милые женщины расспрашивают нас о том, откуда мы узнав, о жите-бытье в Америке, опасливо жалуются. За рубль покупаю иконку Тихвинской Божией Матери — это бумажное изображение, наклеенное на дощечку, икона не богатая, но сделана с любовью.

Сама церковь одна из тех очаровательных московских церквушек — розовая, с густым, стройным лесом синих луков, усеянных золотыми звездами.

На следующее утро, когда группа отправляется смотреть Выставку Достижений Народного Хозяйства (ВДНХ), мне удастся улизнуть в Андрониевский монастырь, в котором теперь Музей Древне-Русского искусства, имени Андрея Рублева. Я уже наметила маршрут и, никого не спрашивая, еду по схеме. Вылезаю из метро на Таганской площади, оглядываюсь хорошенько и решаю, в какую сторону идти. Мне надо на площадь Прямикова и я иду по какой-то Б. Коммунистической

(кажется, она называлась прежде Б. Алексеевской). Дохожу довольно быстро до какой-то церкви, справляюсь по плану, это оказывается церковь Мартина-Исповедника, построенная архитектором Р. Казаковым в 1782-93 годах и не очень-то она похожа на православный храм. Чуть ли она не напоминает собор св. Павла в Лондоне. В церкви теперь помещается какое-то учебное заведение.

Иду дальше. Улицы скорее провинциальные, дома невысокие, веет чем-то шмелевским от самих названий, да и вообще пейзаж подходящий. На площади Прямикова снова церковь — Сергия Радонежского, по-видимому, тоже не действующая. А на обратном пути, около метро «Таганская площадь» вижу ещё одну церковь, по дороге туда я её и не заприметила. Кажется, это Успенье в Гончарах, похожа она на Тихвинскую, которую я видела вчера и обидно до слёз, что нет времени её посмотреть ближе.

Да, шмелевская Москва, жило здесь именитое купечество и, судя по количеству церквей, благочестивое.

На площади Прямикова я оглядываюсь. По плану монастырь тут же, на самом деле его ещё и не видно. Начинается тут, правда, какая-то аллея или сквер, а за ним видна белая зубчатая стена. Иду по аллее, сидят на лавочках разные, играют в шашки, шахматы. Подхожу к воротам и читаю; да, это музей имени Андрея Рублева. Вот как Бог привел, мимо трех церквей, никого ни разу не спросив, разыскала. Вхожу за ограду, внутри пустынно, посередине большой храм. Иду к нему и по дороге вижу надпись, что музей открыт с одиннадцати часов, а сейчас едва 10 минуло. А я так торопилась, ведь времени у меня мало. Употребляю невольный досуг на осмотр остального монастыря. По словам советской схемы, постройки монастыря относятся к XV, XVI, XVII и XVIII вв. А в старом моем путеводителе сказано: «В конце Бол. Алексеевской расположен Андрониевский монастырь, основанный в 1360 году одним из учеников Сергия Радонежского — митрополитом Алексеем, на том месте, где принял благословение Дмитрий Донской, возвращавшийся с Куликовой битвы. Интересно монастырское кладбище с многочисленными памятниками и эпитафиями». Увы, могил теперь нет, за исключением одной за центральным Спасским собором, — это могила Федора Волкова, основателя русского театра. Вы думаете, Волкова хоронили по-православному? Ничуть не бывало, на его могиле нет креста, — лежит гранитная плита с барельефом лаврового венка, по-видимому, новая. А где остальные? Медленно обхожу по внутреннему окаему стен и около дирекции музея (помещается в углу, в низком, белом здании) вижу сваленные старые

могильные плиты в узорочье славянской вязи. Да, похозяичили тут отечественные варвары, пустынно в монастыре, многое здесь, видимо, не сохранилось, не уцелело. А всё-таки хорошо тут, особенно сейчас, когда я брожу одна, всюду тишина, и ласковое солнышко пригревает. Красиво выделяются белые постройки на фоне зеленой травки. А главный храм в середине, древний, кажется, он и есть XV века, Спасский собор, стройный, неуловимо и очаровательно асимметричный (как зачастую древние постройки), венчан одиноким куполом. Главка синяя, не золотая, и крест на ней пересекает полумесяц. Долго смотрю на храм в тишине, люблюсь белой стройностью его, внизу зелень подступает к нему, а выше — синь небесная. Так и стоит он, нерушимый, в покое, стройная, вдохновенная молитва зодчих. Сам монастырь небольшой, а формой как бы повторяет Кремлевский треугольник. Опоян зубчатой стеной; главные ворота, святые, как явствует из надписи, сооружены в XVII веке. Рядом с ними, в бывших покоях настоятеля — центральные научно-реставрационные мастерские. Всё это здание, кирпичное, низкое, опоясано лентой украшений, тут и «херувимы», и кресты.

Тут же рядом церковь Михаила Архангела XVII-XVIII в.

Пока жду открытия музея, захожу в дирекцию справиться, нет ли путеводителя по музею или вообще какой-нибудь книги о нём. Симпатичные служащие смущенно жмутся. «Было, — говорят, — только всё раскуплено». И советуют мне попытаться достать в книжном магазине поблизости, на Тулинской улице, а если там нет, — тогда ехать в Манеж, где сейчас выставка «Культура древней Руси», авось там найдется. Забегая вперед, скажу, что в магазине на Тулинской улице на меня посмотрели с опаской и даже не были уверены, что такая книга у них когда либо водилась. За книгой этой я долго охотилась, справлялась о ней в книжных ларьках музеев, и всюду реакция была как в дирекции музея: да, была, но теперь нет. У знакомых её тоже не оказалось. А теперь она лежит передо мной, полученная без больших хлопот от В. Камкина в Вашингтоне. Читатель, может быть, думает, что книга давно издана, старая. Ни чуть не бывало, она вышла в свет во второй половине 1968 года, подписана к печати 21 июня 1968 года. Разгадка, как всегда, в тираже: 25.000. Это ничто на одну Москву, а уж где там на всю Россию. Интересные книги там раскупаются на корню, сразу после появления, иногда в один день. Вот выдержки из талантливого рассказа Евг. Лина «Все сто процентов» («Нева», № 7, 1969 г.) — дело идёт об устройстве книжного «ларька-шатра» для привлечения народа на выборы местного комитета: «Она бегала по книжным ларькам,

издательствам, библиотечным коллекторам, требовала, умоляла, улыбалась призывной улыбкой, плакала чистыми детскими слезами, выпрашивая книги и журналы, которые исчезают прежде, чем выйти на свет.

« Олю встречали приветливо, предлагали ей неограниченное количество брошюр « Электрострижка овец в Новой Зеландии », дважды уцененный сборник стихов « Родная околица » поэта Егора Закадычного с поясным портретом автора, « Инструкцию по страхованию имущества от пожара, наводнений и др. стихийных бедствий ».

Этот рассказ я ещё не раз вспоминала, например, когда увидела в Ленинградском Доме Литераторов воззвание жертвовать книги с автографами для « наших героических бойцов, грядущь защищающих родину на Дальнем Востоке ».

Конечно, малоопытный читатель может задаться вопросом : а почему, собственно, издавать брошюру о стрижке овец в Новой Зеландии или инструкцию по страхованию, или, наконец, вирши по-видимому совершенно бесталанного поэта, даже и с поясным портретом автора? И тут, конечно, есть объяснение, но настолько нелепое, что на Западе в него трудно поверить. Дело в том, что планы издательств (кто их составляет, тоже, конечно, государственная тайна, но у меня есть подозрение, что дело тут не обходится без вредителей) предусматривают не общий тираж всех изданных книг, а количество отдельных книг. Таким образом, чтобы перевыполнить план (и получить соответственные материальные блага в виде премий) издательство должно увеличить количество отдельных изданий, а нужны ли они, интересны ли комунибудь, найдутся ли у них читатели, это всё второстепенные вопросы. Ясно, что в капиталистическом мире издательство, занявшее такое положение, неминуемо прогорело бы или работало бы себе в убыток. В более совершенном социалистическом хозяйстве такая возможность исключена : все издательства принадлежат государству и, даже если они работают с дефицитом, им не грозит закрытие или реорганизация.

Укажу ещё на случай с книгой маршала Жукова. На Западе, кажется, думают, что книгу эту можно было получить в продаже непосредственно после её появления, хотя бы в Москве. Я в этом далеко не уверена. Летом книга эта продавалась за инвалюту в « Березке » на ул. Герцена (кажется, это бывшая Гороховая). Местное население, видя книгу в витрине, только зубами пощелкивало и сулило за неё золотые горы. По моим сведениям, книгу эту не имели даже выдающиеся советские ученые и литературоведы. Заграницей её можно получить без всяких затруднений.

Возвращаясь, однако, к книге о Рублевском музее, должна отметить, что издана она заботливо, любовно, с прекрасными иллюстрациями и с переводом сжатого, но дельного текста на английский, французский и немецкий языки. Я рада, что могу по этой книге проверить и уточнить мои карандашные (уже стирающиеся) поспешные и налезавшие друг на друга строчки, набросанные там же, в музее. Из этой книги, во-первых, явствует, что музей основан в 1960 году; открытие было приурочено к 600-летию со дня рождения Андрея Рублева. На первой же странице указывается, что: « Расположен музей в бывшем Андрониковом монастыре, в центре которого стоит здание Спасского собора — древнейшего здания Москвы с фрагментами росписей Андрея Рублева. Значительную часть своей жизни Андрей Рублев был связан с Андрониковым монастырем, здесь закончился его жизненный путь ». Не с его ли могилы те обломки плит, которые валяются в углу, куда их бросили почтительные потомки? Вероятнее всего, точное нахождение могилы Андрея Рублева неизвестно, однако вполне возможно, что похоронен он был именно тут и что, действительно, эти могильные плиты покрывали и его могилу. Далее говорится о собирании икон: « Коллекция икон музея собиралась более 15 лет. Это были годы упорных поисков и радостных находок в древних городах, в Подмосковье, в деревнях и селах Калининской, Кировской, Ярославской областей ». Указывается также, почему изучение древнего искусства важно и теперь: « Древнерусская живопись с тончайшим мастерством запечатлела историю народа в образах и сюжетах. Вот почему дорого для нас это искусство, вот почему мы обязаны хранить его и изучать ». Конечно, значение древнерусского искусства иконы в этом понимании очень сужено; всё же и такое понимание ценно, так как оно может помочь сохранению древних святынь, уберечь их от варварского уничтожения.

Приглядываясь к именам реставраторов, замечаешь, что это как бы семейное предприятие. В самом деле, указаны отец и сын Кириковы, В. Е. Брягин и Н. Е. Брягина (по-видимому брат и сестра), С. С. Чураков и И. В. Ватагина.

Но пора вернуться в монастырь; кажется, нехватает ещё несколько минут до одиннадцати, когда я опять подхожу к дверям. Сторожиха впускает меня: « Чего уж там, идите ». И вот я в полном одиночестве, если не считать сторожиху, хожу по комнатам. Конечно, нет никакой возможности описать все иконы этого богатейшего собрания (не описаны и не сняты все они и в книге), а потому я остановлюсь только на тех, которые особенно меня поразили.

Вот « О Тебе радуется... » (XVI в.); в центре Божия Матерь

с младенцем на коленях, они в круге, и круг этот образуется из ангелов, а сзади — церкви с главками и деревья. Некоторые из деревьев скорее напоминают ананасы и как бы плавают в воздухе. На первом же плане густо толпятся святые и святители, море голов.

«Св. Георгий с житием», икона относится к концу XV — началу XVI века, Московской школы, из Пятницкой церкви г. Дмитрова. В центре её изображен св. Георгий, стройный юноша в одежде красноватых и золотистых тонов. А вот удивительное «клеймо» — «Беседа св. Георгия с царицей Александрой». Необычайно изящен силуэт царицы и индивидуальность и жизненность приданы стилизированной фигуре каким-то особенным наклоном маленькой головки с высокой короной и, в особенности, смуглыми, длинноперстыми руками, которыми царица как бы что-то показывает, отмеряя. Другие клейма изображают мучения, например, св. Георгий во рву с львами. Тут фон составляют фантастические, какие-то обветренные скалы в острых уступах, громоздящиеся к небу. Такие они необитаемые, неприветливые, только в двух местах корявые, заскорузные, тёмные растения пробиваются с трудом из расщелин. Тут на св. Георгии нет более богатых одеяний; расплавленное олово — похожее на оранжевое облако — вплотную укутывает ноги святого, а руки его сложены на груди, как будто он идёт к причастию.

Замечательна икона «Троица» (XV в.), она, как и некоторые другие, из села Бородавы, из Ферапонтова монастыря.

Ещё поражает меня редкая по теме икона «Приведение к Пилату», конца XV в.

Удивителен «Иоанн Предтеча крылатый» (середина XVI в.), Московской школы, из Троицкого Махрицкого монастыря близ г. Александрова. Тонкий, скорбный лик с морщинами — косыми на лбу, вся фигура во весь рост, с босыми ногами, держит в руках свою главу в сосуде, вроде чаши, от дна её вьется белый свиток и почти касается крохотного, фантастического деревца, растущего у босых ног Крестителя, достигает до его колен, и в нем, в развилке — совсем уж игрушечный топорик, прямо умилительный. Это им была усечена глава; если же смотреть на него холодным, оценивающим взором, то им и пальца не усечь. Но ведь это всё — символ, и наши житейские мерки и пропорции и перспективы здесь ничего не добавили бы. А за плечами у Крестителя крылья — троекратные, сначала сероватые, потом розовато-оранжевые, и самые большие — тёмно-оранжевые с красноватостью и на одном явственно проступают отдельные перья.

Другой Предтеча — «Иоанн Предтеча оглавный» (среди-

на XVI в.) из Деисусного чина Успенского собора г. Дмитрова совсем иной. Копна тёмных волос вокруг смуглого лица, тонкий, чуть загнутый нос и скорбные, глубокие глаза. А фон какой-то зеленоватый и одеяние на Крестителе — виден только самый верх — тёмно-зеленое.

И — «Сергий Радонежский» (вторая половина XVI в.) из того же Дмитрова. Совсем необыкновенный лик, есть в нём что-то наше, русское, неуловимо свое. Лицо более широкое, власы как-то по-другому убраны, тонко наведена проседь в бороду лопатой, и усы, и в обе стороны от едва заметного ряда на голове. И особенно глаза другие: не такие узкие и удлиненные, как у византийских святых или восточных.

И ещё совсем особенная тоже «Богоматерь Тихвинская» со сказаниями о чудесах иконы. Эта икона из церкви Одигрии Смоленской в Калуге, написана в 1680 году, Тихвинскими мастерами. Одно клеймо тут изображает Никольский Беседный монастырь. Умилительное отсутствие перспективы, клеймо изображает красноватую деревянную изгородь, ворота, слева бревенчатая постройка с крутой тёмной крышей (братский корпус, покои настоятеля, странноприимный дом?), а больше всего похоже на сказочную русскую избушку на курьих ножках и вместо окон — крошечные круглые дырки. В центре — белоснежный храм о двух главках, около него ещё какое-то здание намечается, срезано по самой середине купола, и справа тоже часть какой-то избушки с отвесной, тёмной кровлей. А вокруг монастыря, подступив вплотную к самой бревенчатой стене — цветочный лес, густой, лазорево-зеленоватый. Потом вроде рва, а в крайнем левом углу, тоже срезанный, но по горизонтали, таинственный, тоже белый храм. Теснятся на нём купола как чешуйчатые шлемы. И непонятно, что это за храм за стенами обители. Вероятнее всего — нездешний, потусторонний, перед которым бледнеет всякое земное строительство, и видимый вполне только духовными очами.

Другое клеймо изображает осаду монастыря шведами в 1613 году. Тут и бревенчатый забор с вышками, за которым виднеется икона, и часть белого храма со звонницей, и святители вплотную около храма, на самом верху поодаль от них — сама Богоматерь. А у стен-то что, — во-первых, пушки, целых три, во-вторых, отступающие шведы, скачут во весь опор прочь от монастыря, один на первом плане на белой лошади. Высятся над ними пики и знамена, а на самом первом плане — поверженный всадник; топчут его свои же лошади. Тут же и павшие кони, бурый какой-то и белый, на спине, задние ноги вытянуты, а передние как-то просительно подогнуты и попе-

рек его брюха растянулся тоже поверженный швед. У шведов какие-то забавные белые шейные платочки и смятение их передано очень наглядно, в то время как туловища их, удаляясь от стен, повернуты в одну сторону, головы переданы в повороте к монастырю, как будто они не могут глаз оторвать от иконы и хотя бы осмыслить, что же случилось. Пушки их тоже умилительны: огромные, таких же размеров как башни, против которых они стоят, жерла наставлены прямо на стену и башни, и до того они примитивны, что только по колесам и можно догадаться, что это военное орудие.

И ещё много, много других чудесных икон. И какое тут разнообразие в кажущемся единообразии, какая смелость, какие краски, какие нежнейшие оттенки. Какой секрет приготовления их знала древняя Русь? Даже названия их звучат таинственно и ярко: празелень, голубец, охра. А киноварь, оказывается, бывает разная: в Новгородских иконах киноварь красная, в Псковских она имеет малиновый оттенок, а в Москве XVI века киноварь «алая и звучащая».

Музей фактически занимает три помещения. В одном расположены фрески Андрея Рублева и Даниила Черного из Успенского собора во Владимире. Это поражающе грандиозное творение, краски теперь, конечно, слегка поблекшие, но зато какой композиционный размах, какой рисунок, какая величавость! А темы-то какие! Одна меня особенно поразила, называется она — «Земля и вода отдадут мёртвых».

Я обхожу все три отделения, люблюсь на иконостас Преображенского собора Спасо-Ефимовского монастыря города Суздаля (XVII в.), монументальное творение, в котором гигантские святые двумя встречными потоками низвергаются к Царским вратам.

Тут же «Борис и Глеб» (XIII в.) из Савво-Вышерского монастыря. И Богоматерь — Одигитрия (XV в.) из Николо-Клобукова монастыря в г. Кашине. Выписываю все эти названия, сохраняющие и возрождающие для нас все эти отдаленные и недоступные теперь для нас святые места нашей родины.

Подхожу я и к реставрационным мастерским, но не решаюсь заглянуть. А жаль. Но у меня и времени мало. С сожалением покидаю этот тихий оазис и спешу сперва на Тулинскую улицу, а затем в Манеж. Увы — тут меня ждёт полное разочарование, выставка в Манеже именно сегодня закрыта — выходной день. А толкучка в центре невероятная, около Кремля не протолкаться по тротуару, всё запружено экскурсиями. Идут братья-славяне, слышу сербский и ещё какие-то славянские наречия. Да оно и понятно, это своих туристов гоняют пешком, иностранцев из капиталистических стран возят.

А у меня времени в обрез, в 2 часа мы выезжаем на аэропорт, чтоб лететь дальше. Несусь сломя голову, хорошо, что я изучила сообщение в гостиницу уже в прошлый раз. Прибегаю в последний момент, в $1/2$ второго. Вся группа уже в сборе, и в панике. Хорошо, что у меня всё уже сложено. От обеда я отказываюсь, не много и потеряла. Немедленно приступаем к погрузке на автобус, чтоб ехать на Шереметево. На западе, я, конечно, наверстала бы свое на самолете, где всегда кормят как на убой, но не на советских аэропланах. По крайней мере, сколько я ни летала, кроме плохоньких конфет ничего не видела.

Летим на Ригу — следующий этап нашего путешествия и прибываем на аэродром Рундули через полтора часа. Ужинаем в ресторане «Астория», в универмаге (бывший «Армейский Экономический»). Магазин этот когда-то, в тридцатых годах, был последним словом такого рода предприятий, построен чуть ли не по американским образцам, но с «восточными» добавлениями. Так, например, в рыбном отделении рыба плавала в бассейне и вы могли указать, какую именно вы хотите. Всего этого теперь, понятно, и след простыл. Магазин, как и всё прочее, «опролетарился». Всюду заметны следы бесхозяйственности и развала: в полу нехватает квадратиков, лифт работает кое-как. Всё же выставки здесь сделаны с большим вкусом и более на западный лад, что заставляет западных посетителей думать, что в Риге больше товаров и что они лучшего качества. На самом же деле, за исключением некоторых электрических приборов и «техники» (радио, транзисторы, утюги), которая вырабатывается на местных заводах, товаров здесь, вероятно, меньше, чем, например, в Москве. Но... умеют товар лицом показать. Одет народ тоже лучше, хотя несравнимо с прежними временами. Тут отчасти сказывается «помощь» из капиталистических стран, которую в изобилии посылают заграничные балтийцы своим родственникам и знакомым домой.

Поселяют нас в лучшей гостинице города, в теперешней «Риге» (бывший «Рим»), построенной ещё в тридцатые годы. Это в самом центре города, напротив оперы, на скрещении бульвара и одной из главных улиц. Прежде на этом перекрестке всегда стоял полицейский, регулировавший движение. Потом появился светофор. Полицейского теперь нет, а светофор действует только в определенные часы. Вечером его выключают, да, действительно, он и не нужен вовсе: после шести вечера улицу можно переходить не оглядываясь. Мой балкон выходит на оперу и единственное движение, которое мешает мне вечером заснуть, это ржавое скрежетанье трамваев.

Перед сном мы идём немного прогуляться по старой Риге, тут же под боком. Я сейчас же нахожу студенческую корпорацию своего брата на М. Песочной — « Арктику ». В здании теперь балетная школа. Чуть дальше « Пороховая башня », с шведскими ядрами в крепких кирпичачах. Потом идём по теперешнему Ленинскому бульвару (бывший Александровский). О, многострадальная улица, сколько раз ещё придется тебе менять название! Была ты и бульваром Свободы и бульваром Гитлера. Тут и хорошо мне знакомый собор: увы, теперь в нём планетарий. А ведь в свое время, перед его закрытием, ездили « ходоки » в Москву, просить, чтобы собор не закрывали. Во время первой мировой войны, когда немцы занимали Ригу, собор был превращен в немецкую гарнизонную церковь, но всё-таки не закрыт. Во время второй войны, опять-таки в оккупированной немцами Риге, собор беспрепятственно работал, и вот теперь, совсем недавно, его отняли у верующих. Там, где бульвар сужается и переходит в улицу, на пересечении с бывшей Елизаветинской, стоит неизбежное добавление — чучело Ленина. Увы, все здания кажутся обшарпанными, потрепанными, нет в них прежней нарядности и франтоватости. Здание на углу Елизаветинской — тут был прежде « Молочный ресторан » — сорвано, строится новая гостиница. Посмотрим, сможет ли она конкурировать с « Римом », построенным во времена упадочной, буржуазной Латвии. Едва ли.

На следующий день, после завтрака, который, кстати, лучше московских, как и вообще еда, да и сервировка здесь несравнимо лучше, чем в других местах Союза, мы едем в экскурсию по городу. Старая Рига. Увы, старина-то как раз сильно пострадала в последнюю войну, особенно самое интересное здание — так называемый « Дом Черноголовых ». Показывают уцелевшие « Шведские ворота », остатки старинной городской стены и три самых старых дома. На стене одного из них два барельефа, изображающие львов. Назначение этих изображений неизвестно; то ли это своего рода номера, то ли львы должны были отгонять злых духов... Остановливаемся у старинной соборной церкви (« Дом »), но внутрь теперь не водят. Правда, это тоже давно уже не церковь, а концертный зал.

Потом нас тащат в концентрационный лагерь « Саласпилс ». Тут, собственно, смотреть нечего, — памятник погибшим, трава. Звуковое оформление оказывается записью пулеметных очередей. Но кого тут расстреливали и кто расстреливал? Известно, что латыши были на стороне немцев в подавляющем большинстве, местное население, за исключением евреев, встречало немцев как освободителей. Ехавший с нами помимо гида молчаливый тип простецкого вида, о котором мы сна-

чала думали, что он приставлен к нам в целях слежки, оказывается бывшим « сидельцем » этого лагеря. Происхождения он смешанного, кажется, больше всего в нём польского, что и понятно, — ведь он из Двинска. После всех « официальных » описаний немецких зверств, он, как очевидец, должен добавить свои воспоминания. Студенты его обступают и у них завязывается оживлённый разговор. Я в это время развлекаю « начальство ». Студенты мне потом рассказывали, совершенно сбивые с толку, что очевидец им сообщил, что расстреливали, собственно говоря, в лагере латыши. Где уж тут разобраться с американцам.

После обеда нас везут на выставку « Достижений народного хозяйства ». Да, и тут есть такая. Это в б. Лесном парке. Назначение этих выставок мне, в сущности, непонятно : чтоб показать, что можно было бы вырабатывать (и что в минимальных количествах и выпускается) — затрата на эти выставки не стоит результатов. После спутников никто не сомневается, что в Советском Союзе могли бы выпускать что угодно. Другое дело, выпускают ли. Но ведь товаров, которые показывают на этих выставках, в открытой продаже нет, это принуждены признать и гиды, которых практичные американцы сейчас же начинают расспрашивать, где всё это можно видеть в магазинах. Ведь не для иностранцев же только городится весь этот огород, для втирания очков. И сколько уж тут бывает иностранцев? А между тем каждый уважающий себя край считает своим долгом обзавестись вот такой « показушной » выставкой. Свои сюда если пойдут, то, наверно, плевать будут от неизбежных сравнений с теми низкопробными товарами, которые продаются в магазинах. Тут, кстати, можно сделать несколько замечаний о советской системе распределения благ вообще. Уже в прошлый мой приезд меня очень поразила одна особенность : часть людей на улице (а также и в театрах, на выставках и т. д.) была одета несравнимо лучше того убожества, которое продавалось в магазинах. Откуда это? Ведь не могли же все эти люди приобрести эти вещи за границей? Я поделилась своими недоумениями с одной своей знакомой там, и тут выяснилась совсем другая картина. На деле привилегированные классы населения снабжаются совсем другим способом. Существуют закрытые распределители трех родов : высший, для партийной головки, средний, для основной прослойки, и низший, для низов партии. Намеки на это « справедливое » разрешение проблемы снабжения можно иногда почерпнуть из советской литературы. Так, например, сатирик Ал. Рохович, высмеивая советских подхалимов в « Чего изволите! » пишет :

Покровского кладбища. Деревья сильно разрослись и с улицы много не увидишь. Потом идут другие кладбища.

Вечером того же дня нас принимало одно предприятие города. Это обычное явление: советское понятие о гостеприимстве. Я вообще принципиально против таких приемов, и на Западе они, конечно, совершенно невозможны. Дело в том, что деньги на подобные затеи идут в конце концов из кармана рабочих. И бедные рабочие, право, нашли бы для них другое применение. А тут особенно нас принимают с потугами на роскошь. И всё это пускание пыли в глаза — пустое хвастовство. Уж не думают ли наши хозяева, что кто-нибудь примет это за чистую монету и решит, что так едят и веселятся рабочие и без нас? Нет, подобная мысль, вероятно, не придёт в голову и самому наивному иностранцу. Правда, нет предела доверчивости приезжих, если вспомнить хотя бы эпизод с г-жей Р. (Рузвельт) из «В круге первом» Солженицына. Но даже наш гид ошарашен видом стола и сознается, что такого он не видел. Дирекция, как говорится, не поскупилась на затраты, и стол, действительно, был богатый и сервирован лучше, чем где-либо в другом месте в Советском Союзе, где нас принимали. Кроме всяких яств (особенно много было рыбы) был тут и оркестр, игравший сравнительно модные вещи. По крайней мере мои ребята потом говорили, что это единственное место, где играет настоящий джаз. Не было только рабочих. Были всякие видные зубры из руководства этого, для меня несколько загадочного предприятия, ещё более низкопробные типы по партийной линии и известное количество смазливых секретарш. Насколько я заметила, высшее начальство с восторгом принимает участие во всяких таких забавах, больше всего, по-видимому, из-за возможности вволю пожрать и попить на казенный счет. О том, куда пойдут объедки пиршества, можно только гадать: вероятнее всего, в те же ненасытные утробы того же начальства. Вот таким образом расходуются трудовые денежные народы, достающиеся ему, право, не легко.

На следующий день нас везут на знаменитое Рижское взморье. Погода с утра ненадежная: одно время даже накрапывает легкий дождичек, но потом разгулялось. Вода довольно холодная, но смелые из моего молодняка купаются. Понемногу народа на пляже прибывает. Сразу видно приезжих, так как они, особенно дети, укутаны чуть ни по уши. В чулках и чуть ли не калошах, в тёплых вязанках они фланируют по единственному в мире песку, не крупнее сахарного, и такому мягкому, что на него хоть голого грудного младенца клади. С другой же стороны часть местного населения (или уже обжившихся здесь приезжих) щеголяют в таких «бикини», что

и на Западе поискать. Фигуры, конечно, в среднем не «бикинистые». На взморье мало что изменилось, больше всего, пожалуй, именно публика. Она, без сомнения, «пролетаризировалась». Я прохожу от Эдинбурга до Мариенгофа и чуть не бегом возвращаюсь, боясь опоздать.

После обеда меня (и ещё несколько жертв из моей группы, впрочем, малочисленных) влекут на пропагандный фильм в Министерстве Культуры (да, есть и такое...). Фильм — совершенно непонятен для людей, которые незнакомы с историей местного края. Из группы поэтому никто ничего не понял, а я с трудом удерживалась от смеха, глядя на латышских стрелков первой мировой войны, маршировавших под знакомые с детства звуки «Оружьём на солнце сверкая...»

Прощальный ужин в той же «Астории» совсем не дурен, а на утро мы вылетаем с того же аэропорта в Ленинград. При отлете я замечаю, что кое-кто из студентов делает снимки и в ужасе останавливаю их. Подготавливая их к поездке, я писала о запрещенных объектах, но кто уследит за американцами! Оказывается, когда нас встречали на аэропорте с цветами девушки в латышских костюмах, студенты их начали снимать и решили, что тут уже «Запад» и можно действовать по соответственным законам. С трудом разуверяю их в этом и прошу быть осторожней. Мне очень памятен эпизод из нашей прошлой поездки, когда один мой студент вынул аппарат в Восточном Берлине, на станции Фридрихштрассе, и навел его. Контролёрша бросилась на него чуть ли не с кулаками и мне долго пришлось её успокаивать и отговаривать от уничтожения фильма. (Снять мой дурачёк ничего не успел).

И вот я снова в Ленинграде, теперь не только милом, но уже и знакомом. Случайно, так как выпадает свободная минутка, попадаем в первый же день к «Спасу на крови». Тут у меня несколько необыкновенных встреч с очень интересными последствиями.

Какое это ни с чем не сравнимое наслаждение очутиться в конце июня, в ясный, солнечный, но не жаркий день на Невском, имея в своем распоряжении несколько часов свободного времени! Удовольствие совсем не меньше оттого, что теперь я — гид. Я веду своих спутников на Дворцовую набережную и мы любуемся панорамой Невы и единственной в мире стрелкой Васильевского острова, и Адмиралтейством. Потом спешим к «Медному Всаднику» и в конце концов попадаем к «Спасу на крови». Сначала делаем несколько снимков через канал, потом переходим на другую сторону, идём вдоль безобразного досчатого забора, построенного якобы в целях ремонта. Знаем мы этот ремонт: точно в таком же положении всё здесь было

и два года тому назад. Просто не хотят, чтобы народ имел доступ к священным для него камням. Потом мне рассказывали, что какие-то смельчаки, во время недавних «слобод», обращались к соответствующим инстанциям с просьбой передать церковь верующим для богослужений, но, конечно, получили отказ. Всё же даже попытка характерна.

Так вот, обойдя по забору вокруг церкви, мы вновь очутились у канала. Тут трепыхалась стая голубей, которых прикармливала бедно одетая старушка. Мы отошли в сторону, полюбовались, сняли и голубей, и старушку, и вдруг старушка у нас на глазах пропала. Она подошла к досчатому забору, отвела одну доску, перелезла через изгородь за забором и ушла. Мы подождали и последовали за ней. Внутри валялись кое-какие строительные материалы, побуревшие от времени и непогод. Мы обогнули церковь, теперь уже в обратном направлении, под покровом забора, и очутились около очередного препятствия: чугунной решетки. Впрочем, сразу же открылось в ней узкое отверстие, как раз достаточно широкое для того, чтобы боком мог протиснуться человек. Мы поочередно потеснились через эту щель и оказались у канала. Здесь распятие и около него живые цветы, которыми мы уже любовались с той стороны. Здесь же оказалась и голубиная кормилица, и ещё несколько старушек, да и не таких уж старушек. Сначала они опасливо жались к стенке при нашем появлении, но увидев, что мы крестимся, стали общительнее. Ах, чего только я тут не узнала! Лед был окончательно сломан тем, что я раздала несколько иконок, бывших со мной. По большей части это были иконки святого Иоанна Кронштадтского. Вот о нем-то мы и разговорились. Я знала, что св. Иоанн был похоронен в монастыре на Карповке, но где это, благодаря очень поверхностным советским схемам города, до сих пор не могла установить. Советских гидов об этом лучше было не спрашивать. Старушки мне всё объяснили: и каким трамваем ехать, и где слезать. И когда я спросила: а где же сами мощи? — они ответили, что мощи там, под спудом, что доступа к ним нет, а можно подойти к стенке и постоять. Так они и делают, и молятся там. Да и многие другие. Сейчас, чтобы не прерывать рассказа, не буду объяснять, какую роль тут играет стенка; это можно понять только, побывав на месте. К моему удивлению старушки были прекрасно осведомлены, когда и кем был канонизирован св. Иоанн. Вообще там известно многое о наших церковных делах, а уж разбираются в них эти «тёмные» старушки так, как дай Бог многим образованным эмигрантам. Главная моя собеседница (голубиная старушка), в частности, сначала досконально расспросила меня о том, к какой я при-

надлежу юрисдикции, и когда я ответила, что к Синодальной, она просияла и у неё вырвалось : « А ведь и мы за митрополита Филарета молимся! » Предоставляю читателям догадываться самим, кто это « мы »; во всяком случае — не официальная Патриаршая церковь.

Две из присутствующих оказались из Печёр (городок в Эстонии, славившийся своим монастырем); одна из них, помоложе, была послушницей. Милые, сердечные печерянки! Не зная как меня отблагодарить за иконки, насыпали они мне пригоршню грецких орехов, случайно оказавшихся у них в карманах! Одна из старушек очень убивалась, что на неё не хватило иконки и мы ей обещали, что поищем дома и, если найдется, принесём. Это удалось нам исполнить.

Из дальнейшего разговора я узнала ещё несколько любопытных вещей. Во-первых, память убиенного здесь государя свято чтится этими простыми душами. Они его почитают святым, мучеником. Интересно, что одна из старушек так выразилась о виновниках преступления : их-де наняли. Во-вторых, не старушки, а какие-то сравнительно хорошо устроенные люди снабжают это место постоянно свежими цветами и, наконец, старушки с торжеством объяснили мне, что прореху в чугунной изгороди пропилила какая-то Ксюша (имя я изменяю) : « принесла с фабрики пилу и пропилила ».

Нехотя расстаюсь я и со старушками, и с самим местом. Опять проходим все мытарства в обратном порядке и выбираемся наружу, стараясь не спугнуть голубей. Кормит их добрая старушка из своего скудного достатка, на гроши. Сказала на прощанье : « Голубь птица священная, её кормить надо ».

А сама церковь вблизи только выигрывает, несмотря на полную запущенность. Это такое произведение искусства, которое и в пыли и в соре сияет как алмаз.

Шелестят деревья на обратном пути, всё такое свое, до боли знакомое, и почему мы лишены всего этого? Вот так бы, кажется, и поселиться тут и каждый день ходить бы любоваться и никогда не наскучило бы!

Недели через две, в сопровождении местной жительницы из провинции, отправляемся на поиски Карповки. Едем на указанном трамвае, едем долго (надо ехать до Песочной улицы) и наконец обе одновременно видим здание, за узенькой водой — не то канал, не то речушка, — которое, должно быть, и есть монастырь. В узорах видны кресты, да и заканчивается верх куполом, без креста, конечно. И как тяжело видеть эти купола без привычных крестов! Вот из-за этого-то отсутствия крестов и не живёшь там.

Слезаем на следующей остановке и возвращаемся. Да, это

то, что мы ищем, так как поперечная улица — Карповка. И чего только не помещается в бывшем монастыре : тут и Доосаф (Добровольное общество поддержки советской армии, авиации и флота), о котором моя спутница поясняет, что ничего добровольного в нём нет — кто постарше, у того вычитают на него из жалованья, кто помоложе — проходит там квази-военную подготовку. Ещё тут какая-то фабрика, швейный цех, радиотехническая школа, подготовительные технические курсы — вообще помещенье густо набито, как соты в улье. Перед зданием — сад, впрочем, довольно вытоптанный, деревьев в нём мало. Но из-за досчатого забора в этом саду (и тут забор!) выглядывает что-то похожее на часовенку. За домом — более приветливый палисадник, есть даже скамейки под деревьями. Мы садимся на одну из них и завязываем при помощи тут же трущегося котяги разговор с человеком в форме. Это местный швейцар. Мы прикидываемся наивными провинциалками и спрашиваем разгалуненное важное лицо о том, что это за здание. Он рассказывает охотно про монастырь, говорит, что та часть где мы сидим — кладовые были. Упоминает и о Иоанна. Я заикаюсь о часовенке перед домом; в ответ слышу : « Да это у них там этот самый Кронштадтский захоронен был ».

— А сейчас? — прерывающимся голосом спрашиваю я.

— Да там же, поди, и лежит, — отвечает он, — в точности, конечно, неизвестно, а должен там быть.

Потом его призывает служебный долг, а я иду ещё раз на рекогносцировку. Прохожу мимо избеображенной часовенки — забор скрывает её с трех сторон, с четвертой стена часовенки. Я заглядываю в прореху между досками, да, это похоже на усыпальницу, а вон и вход, только тут у этих нехристей что-то вроде свалки устроено, — наверно, чтоб уж совсем отвадить верующих. Мерзость запустения, и всё-таки святое место. Теперь я понимаю, о какой стене говорили старушки. Вот около неё-то и молятся благочестивые почитательницы св. Иоанна. И я молюсь, кратко, но с невольными слезами. Ах, как всё сложно в этом « свободном » коммунистическом мире! И всё-таки, вот хоть у стенки можно помолиться.

А через несколько дней мы снова едем к бывшей обители, теперь чтобы снять её. Снимаем с улицы, вернее, с двух улиц, отходим, чтобы всё здание вышло. Со стороны Карповки удастся снять без всяких затруднений, а вот с поперечной, кажется, это Вяземский проспект — не так-то легко. Как раз на углу стоит целая компания разудалых подростков хулиганского вида и вызывающе посматривает на прохожих. Мы отходим чуть подалее и наблюдаем за ними. Вот один из них, докурив папиросу, махнул другим, и вся ватага двинулась че-

рез улицу, прямо в интересующий нас двор. «Радиошкольники», подумала я; мы облегченно вздохнули и сделали снимок.

А недавно, совсем случайно, я наткнулась на рассказ Нины Петролли «Завтра работаем в Кронштадте» (в сборнике «Молодой Ленинград», 1968). В рассказе описывается поездка из Ленинграда, уже находящегося на полу-осадном положении, в Кронштадт. Едет цирк на баржах, которые тянет катер. Там везут и реквизиты, и ещё что-то, о чём автор замечает: «чем даже и интересоваться не положено». Ночь тёмная, дорога длинная (и опасная) и молодой девушке всякие мысли приходят в голову. Она уже бывала в Кронштадте, знает и собор. Дальше выписываю то, что может нас заинтересовать:

«В Кронштадте опять, значит, будем в соборе работать. Это хорошо. Сцена там хорошая. Высота большая — акробатам и эквилибристам удобно, и для воздушных гимнастов есть куда аппаратуру подвесить. Это не то что работать на «катушках» или выстраивать наш манеж со сборным из досок и холста форгангом где-нибудь под елочкой в лесу. Здесь даже и гардеробные настоящие есть, с зеркалами.

«А какой резонанс в соборе! Если всё будет благополучно, надо опять пойти пораньше, когда никого там еще не будет, — костюмы гладить. Ох же, там и поорать можно! Что-нибудь такое, по стилю подходящее — хотя бы Фибиха «Мадонну». Как начнешь на авансцене в полный голос — звук так и летит к самому куполу, наполняя весь собор. Лучше, чем в парадной. Даже и голоса-то своего не узнаёшь, будто и действительно петь умеешь...

«Когда-то там Иоанн Кронштадтский заправлял, сколько бабушка всяких небылиц о нем рассказывала! Тоже всякие репризы делал... Например, бесов изгонял из прихожан. А что — с таким резонансом если на нервного больного хорошо рявкнуть, так, может, и действительно в себя придет... Еще он для убедительности ложкой от причастия в лоб бил. Тоже неплохо придумано. Чего бы врачам его метод не использовать?»*).

Это — очень ценные показания. Дело в том, что Кронштадт — закрытый город, даже, можно сказать, герметически закупоренный город. Уж не говоря об иностранцах, и своим туда въезд закрыт. Два раза я проезжала мимо на пароходе. Собор стоит, а что внутри — неизвестно. Может, и до сих пор он служит театром, и даже не знаешь — радоваться этому или печалиться. Радоваться тому, что он всё-таки уцелел и, со временем, может быть опять освящен, или печалиться такому поруганию святыни?

---

*) Стр. 230-31, 232.

Тут, кстати, могут отметить, что в Ленинграде, на Васильевском острове, недалеко от бывшего Морского корпуса, церковь (я так и не узнала, в честь кого она) превращена в каток. Зато на том же Васильевском острове Андреевский собор находится по-видимому под охраной государства, так как на нём красуется доска: «Памятник архитектуры XVIII в., б. Андреевский собор, построен в 1764-86 гг., архитектор Вист».

Мы живём на этот раз совсем в другом месте, гораздо дальше от центра. И мне жаль старого, неудобного, неуютного помещения — ведь из его окон видно было «А над Невой — посольства полумира». Наше теперешнее помещение гораздо новее, а вот лучше не намного. Снаружи даже не скажешь, что дом новый, такой он обшарпанный и неказистый и так вокруг всё неубрано. Внутри всюду царит красноватый паркет в плохом состоянии, унылые коридоры, огромные, пустоватые комнаты (это при нас, мы живём по-двое и по-трое, а воображаю, сколько сюда набивают других). Хорошо, что в Ленинграде всё ещё светло по вечерам, можно около окна вечером читать, так как лампочка только одна, над столом в середине комнаты. Ещё в комнате две койки (свою я скоро окрестила «Коньком-горбунком»), шкаф с плохо открывающимися дверцами (к одной мы приспособливаем веревку, за которую надо тянуть, чтоб открыть), стол, несколько стульев, да тумбочка. Даже зеркала нет. В общем, сарай. Охраняют нас, как обычно, солидно: внизу, около входной двери (открыта только одна её половина, тоже как обычно) дежурная и на каждом этаже вновь сидят дежурные. Около них доска с ключами. У нас на этаже дежурные обычно молодые люди, и мои студентки упражняются с ними и в языке, и попутно во флирте. Кто-то из нас как-то замешкался внизу, около входа (а было это вскоре после нашего приезда), поджидая остальных и был немедленно окликнут дежурной. Дом этот, несомненно, построен или вредителем, или каким-то архитектурным недомыслом: человек на 60 женщин на нашем этаже одна уборная с тремя отделениями. А умывалка! Несмотря на «модность» здания только один кран, с холодной водой, конечно, да и этот так пристроен, что умыться под ним, не замочив ног, искусство.

Единственное преимущество — сравнительная доступность горячей воды в душе. Часов в семь, просыпаясь, уже чувствую, как тянет в окно каменноугольным дымком. Ага, истопник на месте, не запил, и минут через 30 можно отправляться в подвал принимать душ. Женский душ с утра заперт на ключ, который нужно получить у дежурной. На мой удивленный вопрос об этой предосторожности, дежурная, не менее удивленно, спрашивает: «А разве вы не запираетесь там?» В мужском

душе, рядом, засилие негров и вьетнамцев, которые живут на следующих этажах. Кажется, от них и надо запереться.

Душевая не очень аппетитная : в предбаннике некрашенная деревянная скамейка, над ней несколько крюков. Душевые отделения разгорожены, но не отгорожены, и, конечно, никаких занавесок. Тут пол всегда под водой, так как, как правило, какой-нибудь душ течет. Один раз долго текла горячая вода, так что пар стоял густой во всем помещении. Мы донесли об этом дежурной. Через несколько дней душ чинили. Сначала закрыли всю воду в здании; мы, правда, в этот день как раз уезжали на весь день, но закрыли-то воду до нашего отъезда. В результате не действовали уборные. Вообще это было такое осложнение, что я решила следующий раз не жаловаться : пускай течет кипяток хоть неделю. Душ мы делили с муравьями; я не знала, что эти насекомые такие чистоплотные. Тут они кишели по всем плохо прилаженным кафельным швам.

О других насекомых мои знакомые с облегчением сказали мне : « Раз помещение новое, то клопов не будет ». Увы, они недооценили ударных темпов размножения и расселения этих верных спутников советского гражданина. Вполне возможно, что клопов привезли негры или вьетнамцы (вернее, вьетконгцы), кто их разберет, на клопе не написано, отечественного ли он производства или импортный. Меня сразу же поразил густой дезинфекционный дух в некоторых помещениях. Я решила, однако, молчать поначалу, надеясь на принятые меры. Чорта с два! Или советская дезинфекция сильно пахнет и слабо действует, или просто дезинфицируют недостаточно основательно. Через несколько дней начались жалобы и « вещественные доказательства » в виде следов на белье и укусов на теле. Кое-как перебивались средствами, привезенными мною из Америки. Надо впрочем заметить, что в моей комнате клопов не было, чем это объяснить — не знаю. Допускаю даже такую возможность, что клопы быстро сориентировались и перекинулись на более молодые жертвы. Не могу, однако, того же сказать о комарах : эти кусали меня во-всю.

Столовая, к которой мы прикреплены, минутах в десяти ходьбы от нашего общежития. Паломничество это приходится совершать три раза в день, в положенные часы. Дорога не из приятных : когда сухо, она пыльная, в дождь — грязно. Столовая — с потугами на модернизм, но само хозяйство поставлено отвратительно. Со временем выясняется, что заведующая столовой, рослая, плечистая Валькирия, по профессии — шофер. Какие соображения подвинули её на перемену профессии — неизвестно. Также не берусь сказать, где были профессиональные повара, может быть за « баранками » (так называ-

ют руль в России). Кто был наш повар по профессии, тоже не знаю, но о кулинарном искусстве он понятия не имел. В основном питание наше держалось на картошке, и даже в её приготовлении особенного разнообразия не наблюдалось. Большой частью мы ели пюре, иногда по три раза в день. «Потуги» выражаются в том, что иногда сервируют салат, всегда один и тот же, огуречный, иногда уже на завтрак. Когда я пожаловалась одной своей знакомой на засилие картошки, она ответила: «И ничего-то вы, избалованные иностранцы, не умеете ценить. Нас пичкают макаронами, а для вас на картошку разоряются». Вспомнив о советской разновидности макарон (тонкие, грязного цвета, червеподобные), я принуждена была с ней согласиться. И куда, например, подевалась гречневая каша? Давали и мясо. Иногда даже три раза в день. Но какое! Обычно в виде котлето-подобного изделия из рубленого мяса, страшно переперченного, может быть для того, чтобы заглушить обильное добавление мякиша. Иногда давали совершенно вываренное жилистое мясо из супа. Рыба почти-что отсутствовала. Икру дали только раз — во время прощального пира. Хлеб был хороший, особенно ржаной, но иногда его было в обрез. Из сладких нас баловали довольно безвкусным компотом (в основном состоявшем из яблок) и, гораздо реже, киселем. К чаю иногда давали довольно безвкусные печенья. И всё строго по счету: за столиком для четырех, четыре куска сахара, четыре печенья, если давали колбасу, то тоже четыре куска. Колбаса претендовала на название «копченая», на 90 процентов она состояла из сала. Чай был неопишуемого качества: ни аромата, ни вкуса, но густой цвет, и множество чайнок. Искусство заварки этого напитка было одной из кулинарных тайн нашей кухни.

В том же помещении, как и столовая, был буфет. В нём можно было кое-что достать в добавление к скудной нашей диете: мороженое, конфеты, некоторые сорта в бумажках — по три копейки штука, кефир, и то же печенье, что нам сервировали бесплатно, и даже шампанское. Была какая-то неуловимая связь между буфетом и нашим столом и я бы не удивилась, узнав, что кое-что из наших продуктов попадало мимо наших ртов в буфет и продавалось там за деньги, которые были бы, таким образом, «чистой» прибылью. Только вот для кого? Этот симбиоз всегда наводил меня на грустные размышления, особенно на голодный желудок. Вообще же эти буфеты в столовых — одна из гримас бесклассового общества. Те, у кого лишние деньги, могут себе кое что прикупить, под завистливые взгляды своих менее обеспеченных коллег. В Америке такое близкое соседство в столовых совершенно немыслимо;

есть там иногда автоматы, где продаются сигареты или сладости, или воды, но уж никаких шампанских. И, кроме того, доход идёт компаниям, поставившим автоматы.

Главное, чего нам всем не хватало, — овощи и фрукты; студенты страдали также от отсутствия молока. Из овощей давали только уже упомянутые огурцы; под самый конец к ним прибавились микроскопические порции помидор. Фруктов вовсе не было. С фруктами, правда, и вообще было не густо. В городе стояли очереди за абрикосами, подозрительной зрелости и микроскопических размеров. Два раза я видела бананы. Судя по тому, как их расхватывали, это редкое лакомство. На колхозном рынке выбор фруктов и овощей был значительно богаче, но и цены, конечно, выше.

В ближайшее же воскресенье после нашего приезда нас везут в Петродворец. Выдают так называемый «сухой паек», таким образом не надо на обед возвращаться. Сухой паек на мой вкус лучше обыкновенного обеда: немного хлеба, крутое яйцо, ломтик жирной колбасы и пакетик печенья. Мы покупаем какой-то газированной воды и закусываем в укромном уголке.

Народу, как всегда, полно, хотя погода и очень средняя: прохладно и временами чуть не накрапывает. Удастся заглянуть и в городок, где есть интересные здания. Я ищу Петропавловский собор, в котором прошлый раз побывала, там был склад бутылок. Но теперь церковь обнесена неприглядным забором и подойти к ней вообще нельзя. Насколько можно разобрать на расстоянии, храм пришёл в такой упадок, что сочли за лучшее оставить его пустовать. Если в ближайшее время постройка не будет отремонтирована, то всё это скоро превратится в руину. Тогда можно будет его показывать и выдавать за жертву фашистского разрушения. А жаль! Церковь интересная, построена в том стиле, который я мысленно называю «петербургским». К нему относится и церковь около Варшавского вокзала в Ленинграде, и очень похожая на петродворецкую церковь в Ломоносове (Ораниенбауме), которая тоже в ужасном виде. Церкви эти затейливо разукрашены, как бы повторяя из камня узоры и изгибы деревянного зодчества. Кое-где стены проломлены и кое-как залатаны старыми досками. Узкие купола — один кружевной остоу — ободраны, и торчат как ребра.

В один из ближайших дней нас везут в совхоз «Детское село». Это показательный совхоз, один из самых старых и крупных своего рода, и находится он в Пушкине, бывшем Царском Селе. Нас угощают обедом с водкой, дают молока, и хотя еда гораздо лучше, чем в общежитии, всё очень примитивно и

мясо — жестковато. Мне, в виде большой милости, дают с собой в кулечке несколько огурцов и пучек зеленого лука. Попутно нас пичкают пропагандой и развеситой клюквой. Разбитной председатель слегка путает значение слов «статист» и «статистик». О статистике он заговорил неспроста: ему очень не нравятся американские данные о количестве людей занятых в сельском хозяйстве в обеих странах. Он, конечно, опровергает американскую статистику. «Вот у нас тут свой кинооператор», заявляет между прочим он: «так ведь и он входит в число занятых в сельском хозяйстве». Насчет кинооператора — не знаю, но зато в один из ближайших дней случайно узнаю от одной знакомой, которой я рассказала о нашем посещении, что то предприятие, где она служит (уникальное, научное) каждую осень помогает совхозу «Детское Село» с уборкой урожая. Об этой трудовой повинности, которая, конечно, не учтена никакими американскими статистиками, председатель предпочел умолчать. В добавление к этому (чтобы показать, что это совсем не единичное явление) приведу выдержки из любопытной книженки «Когда им шестнадцать» Л. Инсаровой (Издание «Знание», Москва, 1968). Тут рассказывается о том, как школьников посылают в колхоз: «А когда приехали, нас встретил председатель колхоза «Путь Ильича». Он был в светло-сером костюме, заправленном в сапоги, и в белой тубетейке. Но когда я поближе подошла, увидела, что это вовсе не тубетейка. Просто у него голова недавно выбрита, и лицо загорелое.

«Председатель начал речь толкать, а Сенька, он ужасно нахальный, его перебил:

«— А где мы тут жить будем? Здесь и дома порядочного нет?!

«Сенька такой смуглый, что зимой в классе кажется негром, и у него много блатных ухваток. Он это объясняет тем, что живет в таком доме, где все ребята «оторви да брось».

«Председатель внимательно его рассмотрел, а потом сказал:

«— Все будут в этой школе жить, а тебе я могу свой кабинет дать, перину из дома притащу, авось угожу...

«Сенька вдвинулся в нашу толпу, а председатель снова заговорил:

«— А вообще, смотрите — дурака валять не дам! Народ вы взрослый, чтобы нормы выполняли!

«Потом он поместил нас в школе возле старой заколоченной церкви. Чуть согрелись, мы стали приводить свое жилье в человеческий вид. Полы вымыли. На стенах развесили охапки полыни. Их притащил Гриша, доказывая, что она от блох

и насекомых всяких помогает. Может и врет, но пахнуть стало хорошо. Мешки мы набили сеном. Быстро стемнело... » *).

Дальше повествуется об осложнениях : « Один раз у нас произошел грандиозный скандал. Пришел красный, как свекла, председатель и обрушился на нашу деликатнейшую Сову (прозвище учительницы).

« — Нет, вы только посмотрите, что ваши « детишки » наделали! Как они мне свеклу загубили!

« Мальчики работали отдельно от нас на свекле, Сова первые дни их проверяла, а потом передоверила Сеньке. А сама с нами собирала морковку, ни на секунду передышки не делала.

« — А вы тоже, учительша, хороши! Просил не ходить с ними, следить. Портят — так мордой, мордой! А что они с тяпками сделали? Половину поломали, искарежили... » **).

Многое можно цитировать из поучительного рассказа; ограничусь ещё таким штрихом : дети начинают привязываться к учительнице (очень молодой, только что из института, которая вначале « нас боялась, как бандитов »). Она работала наравне с ними, и ела то же самое : « А домашние припасы передала в общий котел. Мать ей всучила целую сумку провизии, точно она на зимовку ехала, а не в колхоз... » ***).

Ребята сами готовят и, не имея опыта, очевидно, довольно плохо. Во всяком случае один из мальчиков замечает, что раз они чуть не отправились на тот свет всем классом после Сенькиного борща... Конечно, и условия очень примитивные, готовили на плите, которая иногда не разгоралась. Про один такой случай говорится : « Дым шел обратно в трубу. Молочная каша была под угрозой. Когда же Сенька всё-таки притащил ее в школу, она оказалась пополам с водой. Он завопил :

« — Вода — наша лучшая еда! » ****).

Тут много « реализма » : и сумка с провизией, когда едешь в колхоз, и примитивнейшие условия жизни, и выполнение нормы.

Один из лозунгов в « нашем » совхозе, который я запомнила, гласил : « Получить среднесуточный привес свиней — в 480 гр. ». Не правда ли, такие лозунги звучат очень « вдохновительно », так же как и поэтическое название « Ленсвиноводтрест ».

(Продолжение следует)

С. —

*) Стр. 19, 20.

**) Стр. 22, 23.

***) Стр. 23.

****) Стр. 24.

Парадоксы советской уголовной юстиции

II. НАКАЗАНИЕ

В предыдущей строго аполитической статье *) был подвергнут объективному рассмотрению вопрос о преступности в СССР. Такой анализ доступного свободному миру материала позволил установить парадоксальный характер положения вещей в этой области уголовной юстиции.

В этой, второй статье, построенной на тех же основаниях как и предыдущая, столь же объективный анализ советского материала подтверждает полностью основательность выбранного нами общего заглавия.

В то же время, обстоятельное и долголетнее изучение уголовной юстиции вне советской России подсказывает необходимость сопоставления двух парадоксов в этой области. Это сопоставление только усиливает своеобразие парадокса советской уголовной практики. На сей раз дело идет о наказании, и положение вещей по эту сторону железного занавеса иначе как парадоксальным тоже назвать нельзя.

В США, в Англии, в меньшей степени во Франции и в Германии, уголовная полиция справедливо возмущена «ущемлением» самого принципа наказуемости, всё более очевидным и плачевным. Желтая пресса, готовая на всё ради большего тиража, превращает опасных преступников в блестящих «ведетт» злободневности. Но что еще опаснее, это — растущая склонность к смягчению тяжести уголовного наказания, с отменой или неприменением смертной казни как начала «острастки», заменяемого долгосрочным или бессрочным осуждением на тюремное заключение. Уголовная практика показывает, что этот вид наказания страдает одним коренным недостатком: уже через пять лет во Франции осужденный преступник имеет право просить о первом сокращении срока отбывания наказания. В США и в Англии, в большинстве случаев, освобождение приходит через 5-10 лет и преступник чаще всего возвращается немедленно к своей опасной профессии. Печальные последствия такого ущемления принципа наказуемости сознаются уже и судебными деятелями. Осуждая

---

*) См. «Возрождение» № 221.

по приговору присяжных жестокого грабителя и убийцу Адамсона на 30 лет тюрьмы, английский судья заявил, что будет требовать от министра юстиции обеспечить 30-летний срок отбывания наказания для этого опасного преступника.

Иные «мягкосердечные» души идут еще дальше в своем стремлении смягчить «тяжесть кары». В Англии поднят вопрос о допущении в тюрьмы, раз в месяц, к отбывающим долгосрочные наказания заключенным, их жен или любовниц, на ночь, в отдельной камере.

Это ли не парадокс уголовной юстиции?

Конечно, нет ничего удивительного в том, что в СССР никому не приходит в голову что либо в стиле и духе таких «гуманных забот» об участии осужденных опасных преступников. Но может и даже должно показаться неожиданным то обстоятельство, что проблема наказания обсуждается только косвенным образом, совершенно неожиданно для юристов свободного мира, в тесной связи с проблемой доказательности виновности.

Только недавно в СССР был поднят вопрос о том, что предание суду не может и не должно означать формального признания виновным привлеченного к уголовной ответственности лица. Эта, казалось бы, элементарная истина всё еще далеко не получила права гражданства в СССР и современные советские теоретики уголовной юстиции принуждены на ней настаивать. Но они идут в этом направлении дальше, обсуждению подвергается всё чаще вопрос о роли адвоката, защитника и о пределах его компетенции. Специалист по изучению проблем преступности Бойков даже озаглавил свою на эту тему статью «Что же мешает защите?» Он пишет об усилении роли адвокатов в советских судах: 75 % уголовных дел в народных судах и 50 % в судах второй инстанции рассматриваются при участии защитников. Адвокатами составляется свыше 90 % всех кассационных жалоб. И однако, отношение к ним, в особенности со стороны милиции (полиции) и часто судов, остается нередко хуже, чем враждебным. Ведет это к тому, по мнению Бойкова, что иные адвокаты, из боязни «неприятных» последствий, необоснованно и преждевременно признавали виновными своих подзащитных. По словам Бойкова, изучение дел, окончившихся реабилитацией лиц, привлеченных к уголовной ответственности за годы 1967-68, показало большое количество случаев этого рода. Бойков глухо поясняет, что одной из причин такого явления нужно считать «отсутствие процессуальных гарантий некоторых важных прав защитника», как и ряд других объективных обстоятельств, снижающих уровень активности адвоката. На пер-

вое место Бойков ставит «предвзятое отношение к ходатайствам адвоката».

Еще более категоричен в своих суждениях о том, «кто мешает защите», Апашкин, председатель уголовного отделения Верховного суда. Слишком часто, по его мнению, судьи считают, что защитник, несогласный с решением суда, неправ и заслуживает выговора. На вопрос, нужен ли адвокат-защитник, из опрошенных 159 уголовных полицейских 80 высказались в резко отрицательной форме. Апашкин возмущенно настаивает на существенной и необходимой роли адвокатов, «так как без них невысказано и существование объективного суда».

В «Литературной Газете», Четунова, причастная к советской юстиции, подробно и возмущенно приводит пример осуждения при отсутствии серьезной доказательности и спасительной роли энергичного адвоката. Молодую женщину-врача Новинскую осудили на 8 лет тюрьмы по обвинению в зверском преступлении. Санитарка Березова, на чьем показании было основано и обвинение, и осуждение, обвинила Новинскую в том, что она облила едкой жидкостью новорожденного, причинив ему тяжкие ожоги и частичную потерю зрения. Новинская — подруга матери пострадавшего ребенка — напрасно отрицала свою вину. Суд и тут считал, что уже нахождение на скамье подсудимых равносильно виновности, и удовлетворился свидетельством санитарки Березовой. На счастье Новинской, ее адвокат, Городисский, убежденный в ее невиновности, провел тщательную проверку обстоятельств преступления. Выяснилось, что Березова солгала, чтобы избежать ответственности за, быть может, и невольное, но ужасное повреждение новорожденного. Она заявила о нем только через 20 минут после ухода Новинской, хотя показала, что встретила ее уходящей из комнаты, где произошел этот жуткий случай. Суд всё же осудил Новинскую и только Верховный Суд Украины освободил ее от ответственности.

На память приходят условия доказательности предъявляемого обвинения, установленные неповторимыми Судебными Уставами и строго соблюдавшиеся российской дореволюционной юстицией: пять инстанций рассматривали обвинительный акт и каждая имела право вернуть его для дополнения предварительного следствия.

Эта странная косвенная форма обсуждения наказуемости в СССР дополняется проблемой о недостаточном выяснении не только мотивов преступления, но и личности преступника. Другой советский юрист, Кашин, приводит случай, когда молодой коммунист-студент тяжело избил и изнасиловал встреченную вечером на улице молодую девушку. Кашин возмущен

тем, что парторганизация не сочла нужным сообщить суду подробные обстоятельства преступления, совершенного в пьяном виде. Дело шло о «безупречном работнике, комсомольском активисте, студенте 4-го курса заочного обучения, женатом и отце семейства».

В этой косвенной форме Кашин поднял вопрос о нормах наказуемости, что, конечно, представляет собой явление положительное. Но еще более парадоксальным представляется другой аспект этого косвенного обсуждения норм и доказательности основания вынесенного судом приговора об уголовном наказании. Уголовная юстиция давно признала существенным условием градации наказания степень преступных умысла и «воли». Упрощая проблему, упомянем о разнице между простой кражей и кражей со взломом. В той же странной «косвенной» форме «Правда» обсуждает вопрос о «куриной слепоте» пострадавших в случаях мошенничества или присвоения казенного имущества. Некая Мая Михайловна Доброхотова, после ряда подвигов на грани уголовщины, придумала несуществующий строительный кооператив, как верное средство «привольного жития». И не ошиблась. За два с половиной года она наwerbовала 159 «членов кооператива», из коих каждый внес свой пай. Собрала она таким образом свыше 90.000 рублей, покупала мебель, холодильники, телевизор, ковры и таким образом обставила свою... кооперативную квартиру. «Правда» возмущенно говорит о недопустимой, непростительной «слепоте» жертв Доброхотовой, не потрудившихся проверить существование кооператива и даже, во многих случаях, не требовавших формальной расписки. Всё это «смаживает на приглашение злого умысла». Конечно, при таком необычном подходе к проблеме градации наказуемости в зависимости от степени злой воли и умысла — уголовная юстиция оказывается вовлеченной в парадоксальные формы.

Точно так же, повествует «Правда», «среди бела дня» подвизался Блатман, прораб райпотребсоюза, Саратовской области. Выписывал рабочим деньги, а половину брал себе, выписывал наряды на несуществующих лиц.

С возмущением «Правда» указывает, что все эти хищения и подлоги позволяли Блатману жить с его семьей явно не по средствам, приобрести автомашину, построить гараж и каждый год проводить «отдых» на курортах. «И всё это происходило на глазах у всех, и не день и не месяц».

Для «классического» юриста всё это представляется не только несовместимым с проблемой наказуемости, но и парадоксальным.

Всё же существуют поистине неожиданные парадоксы, на

сей раз отмеченные утешительными свойствами, именно в этой части уголовной советской юстиции. Примечательна, неожиданна уже настойчивость, с какой обсуждают все эти вопросы в СССР. В обширной статье, формально посвященной проблеме взаимоотношений между прокурором и адвокатом, Гиганов выходит далеко за рамки обсуждаемой темы.

Но что примечательно, это — противоречие между его утверждениями о роли прокурора, соответствующей нормам классической уголовной юстиции, и его же рассмотрением положения вещей в этой области в СССР. Тут мы снова встречаемся с одним из «парадоксов». Гиганов говорит, цитируя при этом статьи 213 и 214 уголовно-процессуального кодекса РСФСР, что если при изучении дела прокурор убеждается в невиновности обвиняемого, или в малозначительности совершённого преступления, или в невозможности применения уголовного наказания к обвиняемому, или в недоказанности преступления, то он прекращает дело, или направляет его следователю для дополнительного расследования.

В то же время Гиганов согласен с тем, что отказ от обвинения на суде требует от прокурора способности «подставить под удар свою и своих подчиненных работу». И дальше в этой, еще лет десять тому назад немыслимой в СССР статье, Гиганов разрушает статистическими данными аналогию с условиями прокурорской практики на Западе. Он сообщает :

Кандидат юридических наук Долгова изучила «судебно-прокурорские данные» за 15 лет по Белорусской ССР, а также по Московской и Минской областям. Оказалось, что в среднем только около 35 процентов случаев отмены судебных решений из-за нарушений закона судами имели место по протестам прокуроров. При этом выяснилось, по тем же данным, что прокуроры совсем не приносили кассационных протестов, если незаконность приговоров проистекала из нарушения законов при производстве предварительного следствия или из его низкого качества. Другое изучение 800 уголовных дел, проведенное Быковым, установило еще более поразительное положение вещей в этой, столь парадоксальной, области «доказательности» предъявленного обвинения, а с ним и применения наказания в той или иной его градации. Оказалось, что по этим 800 делам прокуроры до суда приняли решение об изменении обвинения на менее тяжкое по 2 процентам, а суды по 23. И Гиганов делает драматический вывод: следовательно, прокуроры города Москвы по каждому пятому делу не предотвратили до суда обвинения граждан в преступлениях, которых обвиняемые не совершили. И только суд с помощью защитников приходил к законному решению.

Останавливается Гиганов также и на другом обстоятельстве, парадоксальном на взгляд и западного юриста, и судебного деятеля в духе наших прежних Судебных Уставов. Он упоминает о недопустимости на суде «нервозности, нетерпимости, а иногда и насмешек над участвующими в деле лицами со стороны судей».

О том, какую трудную задачу представляет собой кассационная жалоба, повествует та же Четунова, ссылаясь при этом на постановление пленума Верховного Суда от 13 марта 1963 г. По ряду дел — гласит это постановление — не обеспечивается точное протоколирование всего хода судебного рассмотрения. «Часто в протоколах судебного заседания перечисляются только формальные моменты процесса, а показания и объяснения или записываются сокращенно или же в произвольно искаженной форме». Настолько, что не представляется возможным решить вопрос о правильности действий суда и о соответствии приговора данным установленным в судебном заседании.

Четунова осмелилась комментировать такое положение вещей в области уголовного судопроизводства, и при этом в драматической форме:

«Не представляется возможным решить... Вдумайтесь в эту фразу, читатели! Ведь она означает невозможность в «ряде дел» или «часто» установить, соответствует или не соответствует истине вынесенный приговор, а следовательно и отменить неистинный, то-есть, незаконный приговор. Для осужденного, если осуждение несправедливо, это означает подчас трагическую невозможность добиться справедливости».

Такова печальная изнанка поставленной в парадоксальной форме проблемы наказания. И уже поистине пределом парадоксальности, но на сей раз неожиданно отрадной нотой, звучат суждения трех советских профессоров-юристов. Так, профессор Перлов, в статье, появившейся в «Известиях», подверг суровой критике — «посторонние давления и вмешательства в судебные решения, признание виновности посторонними суду лицами и газетами еще до судебного разбирательства». Проф. Перлов настаивает на признании полной независимости судебной власти и заявляет, что существуют официальные лица, считающие «своим законным правом вмешательство в судебное разбирательство, и даже доходящие до предъявления требований о вынесении удобного им приговора».

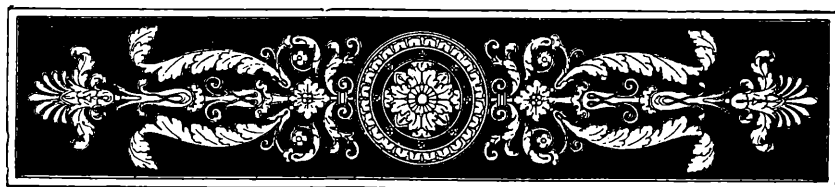
Член Академии Наук СССР проф. Строгович идет еще дальше. Он настаивает на необходимости «проводить судебные процессы на высоком культурном уровне, со строжайшим соблюдением всех требований закона». И еще: «незыблемым

принципом социалистического правосудия является независимость судей и их подчинение только закону ».

По-видимому, расстояние между этими утверждениями и действительностью настолько велико, что помимо этих двух профессоров-юристов еще и третий, Никифоров, посвятил большую статью той же теме. Озаглавлена она « Наказание » и в ней, наконец, появляется некоторое приближение к основам классического уголовного права. При этом, подобно многим западным криминалистам, проф. Никифоров видит в неотвратимости наказания, а не в его суровости, залог его предупредительного значения.

Таким образом, после уничтожения величественного здания русского правосудия и физического истребления судебных деятелей, через пол века, в изолированной от внешнего мира огромной стране, зазвучали вдруг голоса, несвойственные правовым условиям существования 230-ти миллионов совграждан.

А. Мищенко

Разрушение лица Москвы

Помещаемая здесь справка совсем недавно получена из Советского Союза. Особого внимания заслуживают в ней сведения о разрушениях, продолжающихся до сих пор, — несмотря на давление общественности в самом СССР, которое, как известно, добилось за последнее время восстановления некоторых памятников старины, также и благодаря тому, что средства на реставрационные работы отпускаются отчасти международными организациями, перед которыми советскому правительству приходится в этих средствах отчитываться.

Разрушение лица Москвы проводится педантично и беспощадно под лозунгом «создания новой Москвы». Даже просьба художников столицы сделать макет старой части города была отклонена, — разрешения на это не дали. Эта старая часть в черте Бульварного кольца (бывший Белый город) занимает 0,6 % теперешней общей площади Москвы. В 30-х годах здесь было разрушено 470 уникальных памятников истории русского народа (см. «Записки из Русского музея» Солоухина). После войны разрушение продолжалось, хотя и не в такой степени. Новейшая реконструкция города за последние 15 лет унесла безвозвратно еще множество памятников: церковь XVII века на Преображенской площади, дом XVI века в районе Никитской, Опричный двор XV-XVI в. вблизи Консерватории, дом XVII-XVIII века на М. Лубянке, дом Римской-Корсаковой («дом Фамусова»), флигель Раевских на Тверском бульваре, где бывал Пушкин, дом градоначальника там же, дом № 3 на площади Пушкина, XVIII века; в Замоскворечьи — церковь Иоакима и Анны, построенную в XVII в. на белокаменном фундаменте XVI века. Особняк на ул. Горького (XIX в.) архитектора Григорьева, где встречались знаменитые артисты и собирався первый кружок космонавтов, где выступал Циолковский, был сломан несмотря на протесты общественности, как ни парадоксально, в день встречи в Москве первого космонавта Гагарина.

Для постройки Калининского проспекта архитекторами Пасохиным и Лунцом разрушена старинная часть города — Арбат, с знаменитой Собачьей площадкой. При проектировании этого проспекта («вставная челюсть гор. Москвы») не был учтен ни один из памятников архитектуры, истории и культуры и только после упорного сопротивления общественности

при поддержке художника П. Д. Корина была сохранена одна единственная церковь Симеона Столпника (XVII в.).

(Пасохин Михаил Васильевич, чл.-корр. Академии Архитектуры СССР, лауреат Сталинской премии, построил высотное здание на Площади Восстания, кремлевский Дворец Съездов, за осуществление которого не взялись другие архитектора, как Мордвинов. См. позорный альбом Пасохина и др. «Советская архитектура за 50 лет», 1968 г.).

За самое последнее время сломаны дом XVIII века на Пятницкой, дом XVIII-XIX века на улице Чехова, где жил Мицкевич, а также московские торговые ряды на Арбатской площади, где будет стоянка машин ресторана «Прага». Просто по головотяпству снесли дом XVIII-XIX в. на углу Крапоткинской и пер. Островского : строить на этом месте нельзя, т. к. там проходит высоковольтная линия.

В Кремле будут выламывать Потешный двор. Сломаны московские подворья Соловецкого и Боровского монастырей (оба вблизи церкви Грузинской Божией Матери, рядом с ЦК партии). Предназначается к слому дом Огарева, на его месте проектируется кино-театр повторного фильма.

**
*

По карте гор. Москвы в пределах окружной железной дороги (изд. Т-ва А. С. Суворина, «Новое Время», 1913 г.) насчитывалось всего 284 церкви (включая монастырские) и 6 часовен. До настоящего времени сломаны все часовни и 143 церкви, т. е. ок. 50 % всех церковных зданий, а именно :

В Кремле

1. Ц. *Спаса Преображения на Бору*. Одноглавая, XIV-XVI века, с 4-мя пределами. Самая старая церковь Москвы.
2. Ц. *Константина и Елены*. Одноглавая, XVI-XVII века.
3. Ц. *Архангела Михаила* в Чудовом монастыре. Одноглавая, XVI века.
4. Ц. *Вознесения Вознесенского монастыря*. В стиле русской готики, XVIII века.
5. Ц. *Благовещения Пресв. Богородицы* на Житном дворе. Одноглавая, XVII века.

В Китай-городе

6. Собор *Казанской Божией Матери* в начале Никольской улицы. Одноглавый, XVII века.

7. Ц. Чудотворца *Пантелеймона* *).

8. Ц. *Владимирской Божией Матери* в конце Никольской улицы. Одноглавая, Нарышкинское барокко, конца XVII века.

9. Ц. *Николая Чудотворца* на Москворецкой улице (уничтоженной полностью). Однокупольная, классицизм, XVIII в.

10. Ц. *Николы Мокрого*. Русский ампир. XVIII в.

11. Ц. *Вознесения Ипатьевская*. Одноглавая, ампир. XVIII века.

12. Ц. *Николы Большой Крест*, на Ильинке. Великолепное Нарышкинское барокко, XVII в.

В Бульварном кольце

13. Ц. *Спаса Преображения* на Глинцах, близ Ильинских ворот. Одноглавая с куполом, XVIII в.

14. Ц. *Успения на Покровке*. Пятиглавая, роскошное Нарышкинское барокко, XVII в.

15. Ц. *Воздвижения*, армянская. Однокупольная, классицизм, XVIII в.

16. Ц. *Флора и Лавра*. Пятиглавая с шатровой колокольней, XVII в.

17. Ц. *Иоанна Предтечи* на М. Лубянке. Одноглавая, XVI-XVII в.

18. Ц. *Гребеньковской Божией Матери* на Лубянской площади. Одноглавая, колокольня шатровая, XVI-XVII в.

19. *Златоустовский монастырь* полностью уничтожен. Собор монастыря XVII в. с колокольней, две церкви XVIII века и надвратная церковь XVII в.

20. *Надвратная церковь Сретенского монастыря* XVII в. и колокольня XVIII в.

21. Ц. *Рождества Богородицы* в Столешниках. Главный куб церкви XVII в., пятиглавие — переделка XVIII в., шатровая колокольня XVII в.

22. Ц. *Григория Богослова* *).

23. Ц. *Георгия Победоносца* *Георгиевского монастыря*, XVII в.

24. *Другая церковь Георгиевского монастыря*, XVII в.

25. Ц. *Алексея Митрополита* на Глинцах. Пятиглавая, XVII в., колокольня XVIII в.

26. Ц. *Преп. Сергия*, двухэтажная, оригинальная по конструкции, русское барокко, XVII в.

27. *Страстной монастырь* полностью снесен. Пятиглавый собор XVII в., колокольня XVIII в.

---

*) Этот знак означает здесь и ниже, что сведений о характере, времени и стиле постройки не найдено.

28. Ц. Св. *Георгия*. Одноглавая, основной куб XVII в., пределы и колокольня XVIII в.

29. Ц. *Праскевы Пятницы* на Охотном ряду. Пятиглавая, двухэтажная, XVII в.

30. Ц. *Дмитрия Солунского*. Основной куб и шатровая колокольня XVII в., переделка XVIII в.

31. Ц. *Николая Чудотворца*, Стрелецким на Знаменке. Пятиглавая, XVII в., колокольня XVIII в.

32. Ц. *Николая Чудотворца* в Гнезниках. Одноглавая, XVII в., с наличниками барокко.

33. Колокольня *Никитского монастыря*, XVIII в.

34. Ц. *Бориса и Глеба*. Амбир, начало XVIII в.

35. Ц. *Воздвижения Воздвиженского монастыря* и колокольня, обе XVIII в., амбир.

36. Ц. *Николая Стратилата* *).

37. Ц. *Похвалы Богородицы*, пятиглавая, XVII в.

38. Храм *Христа Спасителя*, конец XIX в.

39. Ц. *Знамения Пресв. Богородицы*, на Знаменке, XVII в.

40. Ц. *Тихона Чудотворца*, амбир. XVIII в.

41. Ц. *Ржевской Божией Матери*, у Пречистенских ворот, XVII в., переделка XVIII в.

42. Ц. *Сошествия Св. Духа* у Пречистенских ворот, начало XVIII в.

43. Ц. *Сергия Чудотворца* в Крапивниках. Одноглавая, основа XVII в., переделка XVIII в.

44. Ц. *Введения во Храм Пресв. Богородицы* на Б. Лубянке. Одноглавая, XVIII в. (основа может быть XVII в.).

45. Ц. *Введения во Храм Пресв. Богородицы* в Варсонофьевском пер., классицизм, амбир. XVIII в.

46. Ц. *Св. Кира и Иоанна* на Солянке. Барокко, с куполом, XVIII в., основа м. б. XVII в.

47. Ц. *Николая Чудотворца* в *Столлах* в Армянском пер. Пятиглавая с двумя пределами, колокольня шатровая. Начало XVII в.

48. Ц. *Трех Святителей* на Кулишках, у Хитрова рынка. Одноглавая, XVII в., колокольня шатровая.

В Садовом кольце

49) Ц. *Архидиакона Евпла* на Мясницкой. Основа XVII в., переделка в XVIII в., классицизм.

50. Ц. Св. *Троицы* в Зубове. Пятиглавие XVII в., колокольня шатровая.

51. Ц. *Воскресение Славущее*. Пятиглавие XVII в., колокольня XVIII в.

52. Ц. Успения Пресв. Богородицы на Остоженке. Одноглавая, XVII-XVIII в.
53. Собор Зачатьевского монастыря. Русская готика начала XIX в.
54. Ц. Спаса *).
55. Ц. Жен Мироносиц *).
56. Ц. Св. Троицы на Арбатской пл. Одноглавая, украинский классицизм, XVIII в.
57. Ц. Николая Чудотворца Явленного. Одноглавая, XVII-XVIII в.
58. Ц. Иоанна Предтечи в Староколющенном пер. Пятиглавая, XVII в., колокольня шатровая.
59. Ц. Богоявления *).
60. Ц. Николая Чудотворца в Плотниках. Одноглавая, XVIII в. Колокольня в классическом стиле.
61. Ц. Покрова Пресв. Богородицы в Левшине. Одноглавая, XVII-XVIII в.
62. Ц. Николы на Курьих Ножах. Одноглавая, XVII-XVIII в. Колокольня XVIII в.
63. Ц. Иоанна Предтечи. Одноглавая, XVIII в.
64. Ц. Рождества Христова в Кудринках. Пятиглавая, XVII в. Колокольня шатровая.
65. Ц. Георгия Победоносца на Всполье. Одноглавая с куполом, XVIII-XIX в.
66. Ц. Воскр. Славущее на Бронной, XVIII-XIX в.
67. Ц. Рождества Божией Матери на Поварской. Одноглавая, XVIII в.
68. Ц. Николая Чудотворца на Песках, близ Арбата. Одноглавая, XVIII в.
69. Ц. Бориса и Глеба на Поварской. Одноглавая, XVIII в.
70. Ц. Спиридония на Спиридоньевской ул. Одноглавая, XVII в. Колокольня XVIII в. классического стиля.
71. Ц. Ермолая. Пятиглавая с колокольней XIX в.
72. Ц. Благовещения *).
73. Ц. Рождества Христова в Палашах. Пятиглавая, XVII в., колокольня шатровая.
74. Ц. Пимена в Старых Воротниках. Однокупольная XVII-XVIII в. Колокольня шатровая XVIII в.
75. Ц. Спаса Преображения. Пятиглавая, XVII в., колокольня шатровая.
76. Ц. Николы в Драчевке. Пятиглавая, XVII в. Колокольня XVIII в.
77. Ц. Спаса Преображения на Песках в Каретном ряду. Пятиглавая XVII в. с шатровой колокольней.

78. Ц. *Воскресения Христова в Гончарах* на Таганке. Трехшатровая, XVII в., колокольня шатровая.

79. Ц. *Николая Чудотворца* на Мясницкой. Однокупольная, XVIII-XIX в.

80. Ц. *Трех Святителей*. Одноглавая, XVIII в.

81. Ц. *Харитона Исповедника* в Огородниках. Пятиглавая, XVIII в.

82. Ц. *Николая в Кошелях*. Одноглавая, XVII-XVIII в.

83. Ц. *Николая Чудотворца* в Воробьевке. Пятиглавая, XVII в. Колокольня шатровая.

84. Ц. *Грузинской Божией Матери*. Одноглавая, XVIII-XIX в.

85. Ц. *Архидиакона Стефана*. Одноглавая, XVII в., колокольня шатровая. Декор XVIII века.

86. Ц. *Косьмы и Дамиана Старая*. Одноглавая, начала XVIII в.

87. Ц. *Косьмы и Дамиана Новая*. Однокупольная, XVIII в.

88. Ц. *Панкратия Чудотворца*. Одноглавая, XVIII в.

89. Ц. *Всемирлостивого Спаса в Чигасах*. Одноглавая, XVII-XVIII в.

90. Колокольня ц. *Ильи Пророка* на Воронцовском поле, XIX в.

Замоскворечье, Лужники и за Садовым кольцом

91. Ц. *Троицы в Лужниках* на Новокузнецкой. Классического стиля, четырехгранная, XVIII в.

92. Ц. *Воскресение Славущее* на 5-ом Монетчиковом пер. Однокупольная, в стиле русского классицизма, начала XIX в.

93. *Татарская мечеть* на Б. Татарской ул. *).

94. Ц. *Никиты Мученика в Толмачах*. Пятиглавая, XIX в.

95. Ц. *Косьмы и Дамиана в Кадашах* близ ул. Полянки. Пятиглавая, XVII в. Колокольня XVIII в.

96. Ц. *Иоакима и Анны* на Б. Якиманке. Пятиглавая, XVII в., колокольня XVIII в.

97. Ц. *Петра и Павла* на Б. Якиманке. Одноглавая, XVII в., колокольня шатровая.

98. Ц. *Праскевы Пятницы* на Пятницкой ул. Одноглавая, XVIII в., с колокольной XIX в.

99. *Собор Симоновского монастыря*. Пятиглавый, XVI в. Колокольня XVII в. Разрушена также половина монастырской ограды с двумя башнями.

100. Ц. *Св. Троицы* в 1-м Кожевническом пер. Пятиглавая, XVII в., колокольня XVIII в.

101. Ц. *Николая Чудотворца в Пупыщах*. Пятиглавая, XVII в. Колокольня шатровая.

102. Ц. *Покрова Пресв. Богородицы в Голиках*. Пятиглавая, XVII в. Колокольня XVIII в.

103. Ц. *Николая Чудотворца* в Голутвине. Пятиглавая, XVII в., колокольня XVIII в.

104. Ц. *Спаса Преображения в Наливках*. Однокупольная, XVIII-XIX в.

105. Ц. *Тихвинской Божией Матери* в Лужниках. Одноглавая, стиль униатский, XVII-XVIII в.

106. Ц. *Знаменья в Зубове*. Пятиглавая с шатровой колокольней, XVII в.

107. Ц. *Св. Саввы* в Б. Савинском. Одноглавая, XVII в., с колокольней XVIII в.

108. Ц. *Неопалимой Купины* в Неопалимовском пер. Одноглавая, конца XVII в., с шатровой колокольней.

109. Ц. *Благовещения* в 4-м Ростовском пер. Пятиглавая, XVII в. Колокольня шатровая XVIII в.

110. Ц. *Смоленской Б. Матери* в Смоленском пер. близ Плющихи. Пятиглавая, XVIII в., с колокольней.

111. Ц. *Покрова в Кудринках*. Одноглавая, XVIII в., с колокольней в стиле русского классицизма.

112. Ц. *Введения во Храм* *).

113. Ц. *Успения* (армянская) на Б. Грузинской ул. *).

114. Ц. *Св. Софии* *).

115. Ц. *Николая Чудотворца* в Трехгорном пер. Однокупольная, XIX в., с шатровой колокольней.

116. Ц. *Живоначальныя Троицы* на Петроградском шоссе *).

117. Ц. *Тихвинской Божией Матери в Сущеве*. Трехкупольная, граненая, середины XIX в., с колокольней в классическом стиле.

118. Ц. *Казанской Б. Матери* на Сущевской ул. Пятиглавая, XIX в.

119. Ц. *Иоанна Воина* на Ст. Божедомке. Однокупольная, начала XVIII в.

120. Ц. *Андрея и Наталии* на 1-ой Мещанской. Пятиглавая с шатровой колокольней, XVII-XVIII в.

121. Ц. *Троицы Капельская*. Однокупольная, XIX в.

122. Ц. *Петра и Павла* на Преображенке. Одноглавая, XVIII в.

123. Ц. *Введения* на Смоленской пл. Пятиглавая, XVII в., с шатровой колокольней (купола, как у Василия Блаженного).

124. Ц. *Покрова* близ Красносельской. Пятиглавая с куполом, XVIII-XIX в.

125. Ц. *Св. Михаила* (лютеранская) на Вознесенской ул. *).

126. Ц. *Св. Троицы* (единоверческая) на Новоблагословенческой ул. *).

127. Ц. *Николаы в Ямах* на Николомосковской ул. Однокупольная, XIX в.

128. Ц. *Воскресение Славущее* на Таганской пл. Однокупольная, XVIII в., с шатровой колокольней.

129. Ц. *Иерусалимской Б. Матери* на Иерусалимской ул. *).

130. Ц. *Живоначальной Троицы* на Шаболовке. Одноглавая, XVII в. Колокольня начала XIX в., амбир.

131. Ц. *Успения Пресв. Богородицы*. Одноглавая, XVII в. Колокольня начала XVIII в.

132. Ц. *Богоявления* на Дорогомиловке. Одноглавая с шатровой колокольней, XVIII в.

133. Ц. *Воздвижения Креста Господня* в Пометном Бражке. Одноглавая, XVIII в., с колокольней-шпилем Петровского времени.

134. Ц. *Святых Отцов Вселенского Собора* близ Новодевичьего монастыря. Одноглавая, XVIII в. Стиль — классицизм.

135. Ц. *Василия Кесарийского* на Тверской Ямской. Однокупольная, XVIII в., классицизм.

136. Ц. *Николая Чудотворца в Щепях*. Пятиглавая, XVII в., с колокольней XVIII в.

137. Ц. *Николая Чудотворца* в Новой Слободе. Одноглавая, XVII в., барокко. Колокольня XVIII в.

138. Ц. *Тихвинской Б. Матери* на Бережках, в Дорогомилове. Одноглавая, XVII-XVIII в. Колокольня низкая, не шатровая.

139. Ц. *Николая Чудотворца* в Кобыльском пер. Однокупольная, XVIII в.

140. Ц. *Рождества Пресв. Богородицы* на старом Симонове. Одноглавая, XVII в. Колокольня XIX в.

141. Ц. *Введения во Храм Пресв. Богородицы* в Семеновском. Одноглавая, XVIII в.

142. Ц. *Ирины Мученицы* в Покровском. Однокупольная, XVIII в.

143. Ц. *Николая Чудотворца* у Покровского моста. Однокупольная, XVIII в.

ЧАСОВНИ.

1. *Спасителя* на Москворецкой ул.
2. *Иверской Божией Матери* на Красной площади.
3. *Варлаама Пустынника* на Софийской набережной.
4. *Лужниковского монастыря* на Калужской пл.

5. *На Серпуховской пл.*
6. *У Бородинского моста.*

СНЕСЕНЫ ТАКЖЕ :

1. *Сухарева Башня, XVII в.*
2. *Красные ворота, XVIII в.*
3. *Триумфальные ворота, XIX в.*
4. *Китайгородская стена (Белый город), XVII в.*
5. *Иверские ворота.*
6. *Никольские ворота.*
7. *Ильинские ворота.*
8. *Варварские ворота.*
9. *Памятник Имп. Александру II в Кремле.*
10. *Памятник Имп. Александру III у Храма Христа Спасителя.*
11. *Памятник Генералу Скобелеву.*
12. *Обелиск трехсотлетия Дома Романовых в Александровском саду.*

Последнее Русское Правительство

II *)

В то время как в Крыму происходили описанные мною в первом очерке события, наступление польской армии на Киев продолжалось и 15 мая поляки вступили в Киев. 25 мая ген. Врангель дал приказ о наступлении по всему фронту для занятия севера Таврической губернии. 26-го бои шли с исключительным напряжением, но генералам Писареву, Кутепову и Слащеву удалось сильно продвинуться на север. Потери Русской Армии были очень велики, особенно в офицерском составе, так как эстонские части Красной армии сражались с исключительным упорством. 28 мая ген. Слащев взял Мелитополь и наступление развилось в сторону Днепра, но накануне произошли неожиданные события. Красная армия сосредоточила очень большие силы против поляков и прорвала их фронт. В тот же день она взяла Белую Церковь, а 30-го Фастов. 31 мая польская армия покинула Киев и началось общее отступление к Варшаве. Оно продолжалось до 15 августа, когда части Красной армии были в 20-ти верстах от столицы Польши, а кавалерия Буденного дошла до прусской границы и Сольдау.

Отношения между правительством ген. Врангеля и Польшей были очень сложными. Ген. Деникин в свое время был категорически против каких бы то ни было переговоров с поляками относительно совместных действий, а сноситься непосредственно с польским правительством было невозможно из-за союза последнего с Петлюрой. Координация военных операций была затруднена кроме того отступлением польских войск.

Ген. Врангель послал тогда в качестве своего представителя при польской армии ген. Махрова.

Во вновь занятых областях был проведен земельный закон, который был разработан комиссией Г. В. Глинки и давал широкие возможности мелким владельцам. Повсюду были установлены гражданские власти, которые наблюдали за законностью мер. Они включали в свой состав представителей местного населения.

Если в Таврии была возможность достать достаточное количество пропитания, то вооружение, одежду, уголь и бензин

---

*) См. « Возрождение » № 221.

можно было получать только от союзников. Англия продолжала оставаться враждебной, а Франция, хотя и была против возобновления военных действий, но изменила свою позицию в этом отношении, когда пришли известия об отступлении польской армии. Центр переговоров перешел поэтому опять в Париж, и если глава правительства А. В. Кривошеин переехал в Крым, то Министр Иностранных Дел П. Б. Струве остался для переговоров во Франции. Он прочел несколько докладов о положении в России, беседовал с отдельными политическими деятелями и был принят главой французского правительства Александром Мильераном. Последний попросил его изложить в письменной форме взгляд Русского Правительства и ген. Врангеля на события на юге России и их намерения.

7/20 июня П. Б. Струве передал главе французского правительства подробный меморандум, заключающий программу действий, которую поставило себе правительство А. В. Кривошеина с согласия ген. Врангеля. В виду важности этого документа, отражающего взгляды как Главнокомандующего, так и его помощников, надо остановиться на нем подробнее.

Во главу декларации был поставлен земельный вопрос. Все земли, занятые крестьянами и ими обрабатываемые, должны были быть за ними закреплены и новое послевоенное распределение землевладения легализовано на основах личной крестьянской собственности.

Будущее устройство России должно было основываться на договоре отдельных частей с соблюдением их экономических интересов, а не на насильном подчинении одной части другой.

Будущие отношения между частями России должны были исходить из принципа федерации чрез выраженные в представительных собраниях решения.

В отношении продолжающейся гражданской войны Правительство не могло пойти ни на какую капитуляцию, требуемую Англией. Если Англия стала бы настаивать на окончании гражданской войны, то таковое могло иметь место лишь при условии обеспечения обеим сторонам нормального устройства жизни в занятых ими областях, а не капитуляцией одной части перед другой. Всякий договор должен был гарантировать неприкосновенность территории занятой Русской Армией, так же как и казачьих территорий, о которых ген. Врангель подписал условия. Такая же гарантия должна была быть дана и кавказским государственным образованиям.

Экономические сношения с Советской Россией могли быть установлены только при соблюдении двух условий: признания частной собственности и экономической свободы.

Признание частной собственности включало бы призна-

ние Советской властью обязательств в отношении иностранцев и в частности иностранных займов.

Дальше в меморандуме говорилось, что восстановление порядка и свободы в России не может быть достигнуто только оружием и что необходима продолжительная работа по восстановлению жизни страны, так как население в своем огромном большинстве не желает ни восстановления прежнего порядка, ни коммунистической диктатуры.

Заканчивался меморандум следующим абзацем : « Удовлетворить пожелания крестьянского населения, оздоровить моральную сторону жизни страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка; вот цель поставленная перед собой Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России, которая должны помочь стране выйти из того состояния анархии, в которую она ввергнута коммунистическим режимом, производящим в ней невиданные в истории социальные опыты ».

После передачи документа французскому правительству выяснилось, что в Верховном Совете Союзников Англия продолжает вести враждебную политику в отношении правительства ген. Врангеля, а по Совещании в Булони отозвала даже из Крыма свою военную миссию, возглавлявшуюся генералом Пэрси, который был искренним другом национальной России. После возвращения своего в Англию, ген. Перси настолько разошелся во взглядах с правительством Ллойд-Джоржа, что подал в отставку, уехал в Канаду и стал там фермером.

Мы не касаемся военных действий на Днепровском фронте в июне, наступления армии красного командующего Жлобы и разбития его, так как это не входит в задачу нашего обзора и о них написано уже много и подробно. Наиболее трудным вопросом было снабжение армии и населения : в Трапезунде были оставлены значительные склады, созданные во время наступления русской армии в 1916 году, но их вывести оказалось невозможным из-за явно враждебного отношения англичан, задерживавших транспорты.

В занятых частях Таврической губернии Правительство восстановило работу земских учреждений, которые должны были начинать буквально от нуля. Чувствовался очень большой недостаток в опытных людях. А. В. Кривошеин обратился тогда с призывом к тем русским, которые могли бы приехать в Крым и участвовать в работе, но его призыв почти не был услышан, настолько в русских кругах господствовало убеждение в недолговечности пребывания Правительства в Крыму. Для того, чтобы получить на месте всё необходимое, надо было увеличить территорию, а для этого необходима была армия, чи-

сленно превосходящая во много раз теперешний ее состав. К тому же после отступления поляков, красное командование бросило на южный фронт новые силы.

К сожалению, русская пресса, как в Крыму, так и за рубежом России, не всегда правильно освещала положение и вредила отношениям с Францией и Западными Державами. Чтобы покончить со всеми слухами, ген. Врангель дал 5 июля интервью прессе, в котором подтвердил свою программу.

В середине июля началось новое дипломатическое наступление Англии, поддержанной Италией, в пользу Советской России. Франция и Америка, наоборот, продолжали настаивать на выполнении сперва Советами всех своих обязательств. Тогда английское правительство послало в Москву ноту, в которой предлагало установить линию фронта между Советской Россией и Польшей, а в августе месяце устроить в Лондоне конференцию, на которую позвать и представителей Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Восточной Галиции и Крыма, причем войска ген. Врангеля должны были отойти за Перекоп.

7/20 июля ген. Врангель попросил русского посла в Константинополе Нератова протелеграфировать П. Б. Струве в Париж о том, что отступление за Перекоп грозило бы голодной смертью армии и населению, так как в Крыму не было возможности их пропитать.

Чичерин от имени советского правительства отклонил предложение Англии и заявил, что он может гарантировать жизнь Врангелю только при условии капитуляции.

8/21 июля неожиданно была получена А. В. Кривошеинным телеграмма от П. Б. Струве из Парижа о том, что Французское Правительство признало правительство Юга России, а через несколько дней выяснилась вся картина переговоров, которые привели к признанию. Текст сообщений М. Н. Гирса и ответ ген. Врангеля и его Правительства, переданный через кн. Григория Николаевича Трубецкого, настолько важны, что мы остановимся на них подробно, так же как и на приезде в Крым официального французского представителя гр. де Мартеля, в третьем очерке.

П. Ковалевский

Великая любовь

ПАМЯТИ А. В. БЕЛИНКОВА

Всего два года тому назад, мы, вашингтонцы, имели возможность встретиться с Аркадием Белинковым на закрытой пресс-конференции. Писатель тогда только что вырвался с женой из Советского Союза и перед ним, после всего перенесенного им на родине, впервые открылось наконец широкое и свободное поле любимой работы.

Свобода.

Это слово по-настоящему понимают только те, кого коснулась своими лапами неволя. Те, кто знал о неволе только теоретически, ожидали увидеть на конференции «комоч нервов». И были очень удивлены, увидев спокойное достоинство, сдержанность, услышав живую, но отнюдь не экспансивную речь, остроумную, окрашенную тонкой иронией, но без всякой злости. И ко всему этому эlegantность, — во всем, — в костюме, в манерах, в интонациях. Прекрасно воспитанный светский человек, как будто не знавший другой обстановки кроме университетских аудиторий, зал конференций и гостиных.

Этот внешний облик как бы затушеввал перед нами всё пережитое Белинковым, превращая его в некий туманный романтический фон. В конце концов, кто в СССР не сидел? Гораздо больше интереса вызывало то, что Белинков рассказывал о Союзе Советских Писателей, об усилиях писателей порвать пути цензуры, о настроениях и вкусах читателей. К сожалению, всё это было очень схематично, так как Белинков не мог уделить нам много времени, он торопился к месту своей новой работы в Йэльский университет.

С того времени прошло два года. Белинков успел войти в курс новой жизни, опубликовать кое что из своих произведений, подготовить к выпуску несколько капитальных трудов, съездить за границу. Эта поездка была для него роковой. Таинственная автомобильная катастрофа — тяжелый грузовик врежется в маленькую легковую машину Белинкова и бесследно исчезает.

Как это сказано в романе Аллы Кторовой (ЛИЦО ЖАР-ПТИЦЫ, стр. 40) :

— На всякий случай передай ей, чтобы осторожнее ходила по улицам. Теперь, вместо балконов, на людей начали валиться кирпичи с крыш...

Если на голову девушки, задумавшей выйти замуж за иностранца, мог свалиться кирпич с крыши, то удивляться ли грузовику, налетевшему на Белинкова?

Последствия этой катастрофы и свели Белинкова в могилу. Цель врагов была достигнута, — не сумев заставить писателя замолчать, его уничтожили физически.

Преследования Белинкова начались еще в 1944 г., более четверти века тому назад, когда он в своем романе «Черновик Чувств» коснулся особенно неприятной для Сталина темы о советско-нацистском пакте. После того, как Гитлер и его орда были осуждены всем миром, после лозунга «каждого немца убей», роман Белинкова был в глазах коммунистов, принявших догмат о непогрешимости Сталина, не просто политической дерзостью, а невероятнейшей ересью, заслуживавшей самой средневековой расправы.

Двадцать два месяца тюрьмы. Не такой, в какой сидел Ленин. О той тюрьме Зоценко мог весело писать в детских рассказах. Там Ленину давали вдосталь и хлеба и молока. Из хлеба он лепил чернильницы, молоком писал то, что ему нужно. Когда в камеру наведывался охранник, Ленин свою вкусную чернильницу съедал. Нет, никакие до-революционные тюрьмы, даже каторга декабристов, даже «Мертвый Дом» Достоевского не могут сравниться с тем, что пришлось вынести Белинкову.

Его обливали на морозе водой, превращали в ледяную статую, а потом отрывали, отбивали от тела лед. И начинали с начала...

Казалось бы, с этими кусками льда можно было навсегда отбить у человека всякую волю вообще, не то, что к писанию. Но не отбили. Для большей острастки продержали два с половиной месяца в камере смертников. Но не запугали. Белинков всё-таки продолжал писать. Писал в лагере для ссыльных, куда его отправили после «помилования» на восемь лет, чтобы продержать целых двенадцать.

Когда-то, помнится, весь мир возмущался осуждением Оскара Уайльда.

Знаменитого уже тогда писателя, изнеженного лондонского дэнди, друга Сары Бернар, подвергали в тюрьме унижительным наказаниям, — заставляли стоять босиком на полу, расплетать и снова скручивать конопляные веревки, о которые он колол свои красивые пальцы. Это возмущает еще и теперь. Но тут можно напомнить, что преступление Оскара Уайльда — ставшее в нашем распущенном обществе обычным явлением — и было, и остается оскорблением нравственности.

Преступление же Белинкова заключалось в том, что он

оскорбил как раз обратное — *безнравственность*. Потрясающую безнравственность всего, чем держится коммунистический режим, его ложь, его полное отрицание свободы духа, его зверскую жестокость, равную только жестокости нацистов.

Как и Солженицын, Белинков был одним из мучеников периода Второй Мировой войны, расплатившимся за свое восстание против ЛЖИ. В той самой стране, где лучшая спортивная команда носит имя Спартака, где критики и литературоведы до сегодняшнего дня проливают крокодиловы слезы над судьбами Пушкина и Лермонтова, над преследованиями Новикова и Радищева, над «страданиями» Герцена и Максима Горького. И где страшный синодик жертв этой ЛЖИ растет не переставая.

Синявский, Даниэль, Губанов, Литвинов, Гинзбург, Григоренко, Марченко...

Теперь на очереди Буковский. Какова будет его судьба?

Вспоминаются слова Ивана Елагина :

Может быть с последнего допроса
Пред стеной последнею встаешь?

Таков путь каждого, кто сегодня осмеливается сказать в России слово ПРАВДЫ.

И всё-таки, борьба с режимом опричников продолжается.

Белинков был слишком умным человеком, чтобы не создавать всего риска своей борьбы, которой он отдал больше четверти века, больше половины своей жизни. Он, конечно, признавал, что его не оставят в покое.

Но... Несть большей любви аще положиши живот свой за други своя.

И вероятно, если бы этот человек встал сегодня из гроба, то он пошел бы тем же самым путем — « на новое Пропятие ».

Таковыми именами, как Белинков, смывает с себя Россия позор Октябрьской Революции.

Ю. Крузенштерн-Петерек

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

LÉON DOMINIQUE. *Le théâtre russe et la scène française.*
Ed. Olivier Perrin, Paris, 1969.

Нет, конечно, ни малейшей надобности представлять нашим читателям Л. А. Доминика как театрального критика, и вдаваться в разбор отдельных очерков, вошедших в эту книгу, нам тоже нет нужды: как и отмечено самим автором в первых строках предисловия, все они появились сначала по-русски на страницах «Возрождения», за без малого десятилетие 1958-1967. Но здесь они сложились в стройное целое: из всего множества отзывов Л. А. Доминика о всевозможных явлениях французской сценической жизни в эту книгу планомерно отобраны те, которые связаны одною определенной темой. И то, что было рассыпано как наброски среди многого другого, навеянного автору текущей театральной действительностью, образовало теперь цельное, великолепно документированное, увлекательное и во многом по новому читающееся исследование именно о русском театре на французской сцене.

Во многом по новому это читается и потому, что назначение книги иное, чем было назначение статей. Те обращались к нам, к русским читателям, они нам помогали сохранять наше культурное достояние, лучше и глубже его понимать, правильно ориентироваться среди его преломлений в культурной жизни современного Запада и не теряться перед нередко несообразными его применениями. Правда, русские элементы так или иначе проникают теперь и в иностранный мир, но всё же воздействие русских статей на нерусскую, в частности здешнюю французскую среду могло быть только косвенным и случайным. Как пишет автор в предисловии, книга эта и возникла благодаря тому, что некоторые его «французские друзья, читающие по-русски», для него самого неожиданно, убедили его в желательности выпустить такой сборник на французском языке. И теперь, читая этот труд по-французски, мы сами, вполне естественно, думаем прежде всего о том, что он дает французскому читателю, в какой мере нашему автору удастся до него подлинные ценности нашей культуры и открыть ему глаза на слишком часто встречающиеся ее подделки и искажения. Говорим о культуре в целом, потому что сам Л. А. Доминик справедливо видит в театре «синтез всех искусств», а тем самым и своего рода равнодействующую

всей культуры данной страны и данной эпохи. В отношении России это может быть верно даже в особенности, при также отмеченном нашим автором чрезвычайном и неизменном влечении к театру не только русской элиты, но и всего народа. А широта эрудиции Л. А. Доминика и разносторонность его интересов помогают ему лучше всякого другого в каждом конкретном случае привлечь внимание к этому множеству различных лучей, сходящихся в подлинном театральном творчестве.

Уже это позволяло нам надеяться, что французская книга Л. А. Доминика станет значительным вкладом в насущно необходимое дело раскрытия перед Западом подлинного духовного лица России, вместо постоянно предлагаемых злостных или невежественных карикатур. С радостью отмечаем теперь, что эта надежда оправдывается. Перечитывая ворох отзывов, появившихся о книге Л. А. Доминика за несколько месяцев прошедших со времени ее выхода в свет, видим, что она, действительно, « доходит », по крайней мере до тех кругов французской интеллигенции, которые способны слышать без специфических, чаще всего партийных, наушников.

« Эта прекрасная книга — пишет Жак Лемаршан в « Фигаро Литтерэр » — составляет самое надежное связующее звено, какое только возможно между духом русской сцены и тем духом, в котором французская публика может его воспринимать... Значение ее — в здоровой воле (Л. Доминика) « бороться с закоренелым непониманием истории, литературы, психологии » его страны, утвердившемся у нас » (т. е. во Франции). Признаемся — мы не сказали бы лучше. И если сам Л. А. Доминик пишет о своей « болезненной огорченности », то французский критик справедливо предлагает назвать это « огорченной любовью ». Огорченную любовь к настоящему искусству, к настоящей культуре и — к настоящей России нельзя, действительно, не почувствовать во всем, что пишет Л. А. Доминик.

Настойчиво рекомендуя эту книгу французским режиссёрам « и, разумеется, критикам », Жак Лемаршан видит « великую пользу », которую они из нее могут извлечь, прежде всего в том, что она « не может не побудить их к проверке своей совести — и к скромности ». О том же, но с приведением более подробных примеров, пишет театральный критик газеты « Ла Круа » :

« Необходимо признать, что взгляд Л. Доминика на **Русский театр и Французскую сцену** представляет собой исследование в точном смысле слова незаменимое, идеальный « перекресток » двух культур... Признаюсь, что я с пером в ру-

ке погрузился в разбор тех оценок, которые Л. Доминик дает, например, различным французским постановкам «Клопа» (Маяковского) «Бесов» (Камю по Достоевскому), «Трех Сестер», «Вишневого Сада», «Дяди Вани», «Чайки» Чехова, так как я в них находил точки зрения, соображения, сожаления, которых никакой другой источник не мог бы мне дать. А такие обличения, беспощадно пронизательные, как «Мертвых Душ» перелицованных в сообщничестве Адамова и Планшона, порадовали меня, признаюсь, до взрыва восторга».

Назвав в заголовке нашего автора «свидетелем великой русской эпохи» — эпохи блестящего расцвета русской культуры в начале этого века, — «Ле Монд» упомянул, хотя и мельком, о том, что классических русских авторов Л. Доминик вынужден защищать не только от зарубежных покушений в духе всё тех же Адамова-Планшона, но порой и от гастролеров, появляющихся во Франции из нынешнего Советского Союза. Подробнее остановился на этом Жильбер Гилльемино в «Л'Орор» :

«Нельзя достаточно рекомендовать пронизательные разборы Л. Доминика тем, кто хочет понять великий век славянского театра, не получивший, увы, продолжения в последующем поколении — под гнетом цензуры и догматизма». «Страстно влюбленный, суровый критик, порой щепетильный (...) г-н Доминик возмущается теми, кто во что бы то ни стало хочет у Гоголя, у Чехова, у Тургенева найти интонации предвещающие революцию, намётки классовых конфликтов и кто более или менее сознательно извращает их мысль для пропагандных целей... Зато какая радость вспыхивает в нем, когда Барсак, или Ж. Л. Барро, или Саша Питоев вносят в «Вишневый Сад», в «Чайку» или в «Месяц в деревне» то понимание, тот вкус, ту чувствительность, которых требуют эти шедевры, тогда как труппы приезжающие из Москвы проявляют по отношению к ним всего только почтение застывшее в устарелой традиции».

К этой оценке «правой» французской газеты требуется, однако, некоторая поправка. Наши читатели знают, конечно, что Л. А. весьма далек от какого либо предвзятого охаивания всего, что доходит сюда из современного русского театрального творчества, и уже в данном сборнике это видно хотя бы из очерка посвященного Театру Вахтангова. Каждый раз, когда русская одарённость пробивается сквозь рогатки и трафареты советской казенщины, наш автор откликается на это с особою радостью. И утешительно то, что поводов к этому он стал больше находить за последние годы. Уже отсюда возникает пожелание, чтоб лежащий перед нами том, который останавлива-

ется на весне 1967 года, не остался единственным. Тема «русского театра на французской сцене», в нем разбираемая, развита уже дальше в статьях Л. А. Доминика последних трех лет, несомненно будет им развиваться и впредь, и было бы печально, если это развитие осталось бы недоступным французскому читателю, не знающему русского языка. Но надо пойти и дальше этого. Думается, что и помимо определенной темы этого тома, взгляд на западное искусство русского критика, заряженного и наследием русской культуры, и опытом «страшных лет России», также мог бы дать западному читателю новый подход ко многим исканиям и противоречиям мятущейся современности. Следовательно, остается пожелать, чтобы те работы Л. А. Доминика как театрального критика, которые не занимают специально русским театром, появились в свою очередь на французском языке. И еще: правильно и отрадно, что вопрос о переводах этой книги на другие западные языки уже поднят в англо-саксонской печати.

Добавим в заключение, что отличный подбор иллюстраций еще больше оживляет собранный в этом томе материал.

С. О.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ МЕЧЕВ
UMCA-PRESS, Париж, 1970.

Объемистый сборник — он насчитывает около четырехсот страниц — воспоминаний, писем, поучений, заметок, большая часть коих написана его духовными детьми или лицами близко с ним соприкасавшимися (среди них следует особенно отметить размышления о Павла Флоренского), впервые дает нам яркий и полный образ отца Алексея Мечева, скромного московского священника, снискавшего себе, в первые годы революции, совершенно исключительную известность в церковных кругах Москвы.

О размерах привязанности и уважения к настоятелю храма святого Николая в Кленниках, на Маросейке, можно судить по обстановке его погребения, в июне 1923 года: гроб, прибывший из Вереи, где скончался о. Алексей, встретила сотысячная толпа народа. Чтобы позволить ей помолиться об усопшем, одновременно служились две заупокойные всенощные. Одна в храме, епископом Германом Волоколамским, другая во дворе, митрополитом Тихоном Уральским. Заупокойную ли-

тургию, на следующий день, совершал бывший ректор Московской Духовной Академии епископ Федор, в сослужении 30 священников, а на отпевание вышло около 80-ти человек духовенства. На Лазарево кладбище, где был похоронен покойный, прибыл для встречи патриарх Тихон, только лишь за несколько часов до этого освобожденный из заключения.

Кем же был о. Алексей Мечев, которого так чтит православная Москва? В его лице мы встречаемся с одним из представителей русского «старчества», прославившего, во второй половине прошлого столетия, знаменитую Оптину Пустынь. С оптинскими старцами о. Алексея соединяли прочные духовные связи. Но сам он не был монахом, а, принадлежа к «белому» духовенству, явил пример христианского подвига — и венчающей его святости — в миру.

Молитвенник необыкновенной силы и прозорливец, духовному взору которого открыто было не только настоящее и прошлое, но и будущее, о. Алексей стал «водителем душ» многих, прибегавших к его помощи и поддержке.

Центральное место в книге занимают, привезенные три года тому назад из России, воспоминания его духовной дочери, Александры Ярмолович. Существо восторженное и вместе с тем метущееся, она тем не менее сумела оставить нам точный отчет о духовном пути, проделанном ею под руководством ее старца. Здесь перед нами не только рассказ о пережитом, но, по определению Н. А. Струве, редактировавшего сборник и составившего предисловие к нему, описание своего рода «лаборатории старчества», дающее «конкретные и практические указания для жизни каждого». В этом отношении ценность сборника, для интересующихся духовными вопросами, огромна.

Любовь к Богу — на этом краеугольном камне покоится правило жизни, которому следовал и которое внушал своей пастве о. Алексей Мечев. «Сначала любовь к Богу — через нее, как последовательное желание угодить Богу — любовь к ближнему, а затем переделывание себя для ближнего». «Попробуй жить для людей, ну хоть для своих родных и близких, живи их радостями и скорбями — и забудь о своем личном — увидишь, как хорошо тебе будет», поучал он одного будущего пастыря, сам, всей своей жизнью, олицетворяя завет «милующей любви».

«Увидишь, как хорошо тебе будет»... Это обещание похоже на известное «пари» Паскаля, говорившего неверующим: «Я не могу дать вам веры, но, сделав первый шаг к Богу, вы на себе испытаете, что то, что я говорю, — правда».

Со времен Паскаля западный мир гигантскими шагами

шагнул в сторону неверия. И нынешнее пробуждение религиозных интересов — следовало бы лучше сказать : возбужденные разгорающиеся по поводу религиозных проблем — осуществляется в атмосфере весьма далекой от евангельского духа. Внутреннее заслоняется внешним. Работе над собой, « что-бы ближнему было бы легко с нами жить » (о. Алексей Мечев), предпочитается « ломка структур ». Если Православие действительно призвано оказать благотворное влияние на смятенные умы и сердца Запада, как это думают многие, то источником такого влияния вряд ли может быть что либо иное нежели принципы, нашедшие себе выражение в русском старчестве.

М. Н. Энден

« РУССКИЙ ИНВАЛИД » № 162 (1969) и № 163 (1970)

В общем фронте свободной русской печати « Русский Инвалид » занимает совершенно особое место : он не только призывает нас — уцелевших в страшной борьбе — к помощи нашим израненным братьям, но и являет пример их верности России даже до смерти.

Голос русского инвалида — не стон, не причитание, а верная память о русской славе, памятник подвигам российского воинства, летопись времен борьбы за веру отцов и за наше национальное достоинство.

Вдумайтесь, какой светлой и твердой верой надо обладать, чтобы, преодолев телесную немощь, по-прежнему оставаться в первых рядах борцов за душу России. И мы должны воздать дань благодарности Главному Правлению Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов за его самоотверженную работу, в которую входят ежегодные выпуски « Русского Инвалида » и календарей, на чьих страничках мы находим как православный церковный годовой круг, так и напоминание выдающихся дат нашей истории, выдержки из наших классиков, стихи и краткие высказывания современников. Это — на первый взгляд — скромное дело имеет великое значение, помогая нам, среди сутолоки текущих дней, сохранять память о том, чем веками жил русский человек, и как бы притрагиваться к родной земле.

« Русский Инвалид » № 162 за 1969 г. открывается большой статьей редактора, Генерала С. Д. Позднышева « Во имя России » — это очерк истории и деятелей революционных лет, на фоне которых чистая личность Государя-Мученика Николая Второго выступает во всем своем кратком величии.

Отмечено и траурное собрание в ознаменование пятидесятилетия со дня убийства Государя, Августейшей Семьи и верных слуг их, собравшее громадную аудиторию.

Чрезвычайно интересно также сообщение Георгиевского кавалера полковника Скрынника об учреждении « Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Государыней Императрицей Екатериной II, 26 ноября 1769 года » — т. е. тому назад два столетия. Автор приводит полный текст этого исторического рескрипта, торжественный старинный язык которого изумительно выразителен. Полк. Скрынник добавляет сведения о первых награжденных Орденом в индивидуальном порядке и кроме того о переименовании, 4 декабря 1774 года, 3-го Кирасирского полка в « Кирасирский Военного Ордена полк », амуниция которого соответствовала цветам Ордена, и о назначении в этот полк всех штаб— и обер-офицеров из числа Кавалеров Ордена. Далее следует перечисление добавлений и перемен к Орденскому статуту при последующих Государях.

Е. Е. Ковалев передает подробности кавалерийского рейда ген. Мамонтова в 1919 году, действовавшего в тылу красной армии и одно, короткое, время возбуждавшего такие надежды : казалось, « московская » директива ген. Деникина закончится победоносно...

Арк. Слизкой в коротком рассказе о « приключениях кавалерийского юнкера » дает правдивую и яркую картину настроений и смелых « добровольческих » действий зеленой русской молодежи всё в те же годы гражданской войны.

Место не позволяет нам перечислить все статьи этого номера, — каждая из них по-своему интересна. Следующий выпуск « Русского Инвалида » — № 163 за 1970 год — содержит продолжение исторического очерка редактора ген. Позднышева « Во имя России ». Е. Ковалев возвращается к теме кавалерийских действий добровольцев и красных в очерке « Бои с конницей Буденного и Думенко ». О. Архимандрит Александр (Семенов-Тянь-Шанский) дает интересный этюд « О духовном образе Государя Николая II », опираясь на свидетельства людей имевших счастье близко соприкоснуться с Государем. В этом исследовании особенно поражает глубина христианского сознания последнего русского царя.

Стихи присланные из России — песни о любви к родине, о неизменной ее сущности.

Арк. Слизкой пишет о последних днях белого Крыма и приводит интереснейшие стихи Маяковского, посвященные... ген. Врангелю. Сознаюсь, они были для меня новостью и утешением, — когда совесть просыпалась, этот трубадур совет-

чины чувствовал правду... Как, впрочем, и хамелеон Эренбург в позабытом теперь сборнике стихов «Кануны».

О «Двух эвакуациях» пишет В. В. Попов. А. А. Валентинов, Немирович-Данченко (выписки из дневника «Лето Господне»), полк. Ю. Слезкин — все повествуют о последнем — 1920 — годе нашей Русской Армии ген. Барона П. Н. Врангеля. В номере много иллюстраций, вплоть до последних шагов Главнокомандующего на русской земле — спуск его к катеру по ступеням Графской пристани в Севастополе. Для многих, многих фотографии эти — видение прошлого, в частности и для пишущего эти строки, в составе офицерского эскадрона Николаевского Кавалерийского Училища несшего караульную службу в гостинице Кист, последнем помещении штаба Главнокомандующего...

И тут, как в кратком обзоре предыдущего номера, я должен остановиться, хотя и остальной материал достоин глубокого внимания, в чем убедится читатель «Русского Инвалида», — а читателем его должен стать каждый русский человек чтущий и любящий великое прошлое нашего Отечества и свято верящий в ее грядущее воскресение.

Николай Вл. Станюкович

МЫСЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ О «РАКОВОМ КОРПУСЕ» СОЛЖЕНИЦЫНА

В английском журнале «Survey», № 69, появилась интересная статья писательницы Мани Харари. Этот журнал вообще интересуется Россией и русской литературой. В «Новом Русском Слове» от 24/5/70 напечатана моя статья «Английский писатель о Раковом Корпусе Солженицына». Там я привела выдержки из статьи г-на Вейсборта (Сюрвей, № 68). Некоторые мысли английских писателей очень пронизательны и показывают с каким вниманием они следят за событиями в России.

Мани Харари подходит к роману Солженицына немного с другой точки зрения, чем Вейсборт. Ее высказывания не менее интересны.

Вот, что говорит английская писательница о «Раковом Корпусе».

«Вся книга поражает широтой кругозора и серьезностью, присущей традиции великой русской литературы. Это серьезное отношение редко встречаешь в западной литературе. Рядом с ней «торжественная важность» соцреализма кажется бессмысленной карикатурой.

« Солженицын не может быть помпезным: он слишком большой художник, слишком близок к жизни, поглощен изучением ее, слишком честен. У него несколько центральных тем, организующих, планирующих действия многочисленных героев этой многогранной повести... Символы, в которых выражены его идеи, оперируют на разных уровнях... автор в своих поисках находит « правду », в том смысле, как русские понимают это слово, т. е. когда правда не противоречит справедливости. Исходя из собственного опыта — война, концентрационный лагерь, болезнь — он приходит к соприкосновению, к пониманию общечеловеческих, вечных вопросов. По мере чтения этой книги, становится все яснее, что раковое заболевание служит символом, не только того, что происходит в России, но и во всем мире. Автор интересуется реакциями больных, сестер, врачей. А больше всего его интересует степень самосознания или, напротив, самообмана, к которым приводят эти реакции ».

Г-жа Харари подробно останавливается на характеристике больных — Шулубина и Чалого. Последний, говорит она, « жизнерадостный жулик, типичный спекулянт (разоблачаемый советской прессой). Он со всеми в госпитале за панибрата: держит себя храбрецом, как будто вовсе и не болен. У него общее с Русановым то, что оба в глубине души отвергают возможность серьезной болезни и, одновременно, благодаря ей, также и путь к свету, к самопознанию. Для Солженицына одно вытекает из другого. Невежество этих людей по отношению к себе простирается также и на общество и на социальные вопросы. Ни представитель личной свободной инициативы, ни государственный чиновник (теоретически враг первого!) не видят ничего дурного в социальном строе, в обществе, благодаря которому, будучи прирожденными эксплуататорами, они преуспели. В противоположность этим двум, Костоглов и Шулубин не побоялись посмотреть в лицо действительности — своему физическому состоянию, тогда как Чалый, поступив в больницу, на вопрос других больных, что с ним такое, отвечает: « у меня только полипы ». « ...Разговор Шулубина с Костогловым в госпитальном дворике, в котором они касаются вопроса об относительном счастье добрых и злых, напоминает сократовский диалог », пишет М. Харари.

Английская писательница подробно исследует образ Шулубина. Его мучает совесть, хотя роль его в преступных делах, творившихся вокруг него, минимальна.. Тяжелая его судьба состоит в том, что он с о з н а е т, что делает... Он сознателен также и к другим, к их ответственности в злодеяниях; в этом отношении он идет дальше своего собеседника, спрашивая его :

« что же, неужели вся Россия превратилась в нацию идиотов? Нет, люди просто заглушали в себе всякую живую мысль, поклоняясь идолам, из страха за свою шкуру ».

Г-жа Харари верно замечает, что чувство общей вины составляет серьезную проблему для всего сталинского поколения. Партия пытается вызвать это сознание в гражданах, но так, чтобы оно не выходило из границ « благоразумия », однако, попытки эти не удались, вместо этого, напротив, возникла серия реакций на эти попытки, тяга к прошлому. Английская писательница думает, что чередование « оттепелей » и « заморозок » со стороны власти происходит из этической потребности мужественно взглянуть прошлому в лицо(?) и одновременно из политического страха это допустить. С точки же зрения « либералов » и особенно молодежи, не принимавшей участия в преступлениях прошлого, единственное, что может освободить русских людей от груза этих воспоминаний и возобновления подобных поступков, это — честное признание, что совершены были вовсе не « ошибки », но « преступления ». Если название болезни не рак, а невинные « полипы », то невозможно осуществить лечение этой болезни. Советское же правительство боится, что открытое осуждение сталинизма повлечет за собой народное восстание, а на Западе удивляются, будто мало есть причин для подобного страха.

Как и Пастернак и Синявский, Солженицын не борется за политическую революцию, « хотя жизнь и должно защищать от политики, от ее покушений » заключает г-жа Харари из исследования « Ракового Корпуса ». Солженицын борется за честность, приличие во взаимоотношениях людей, чтобы благожелательство и правдивость царили между правителями и народом. Что же касается концентрационных лагерей, то для него это лишь бессмысленная жестокость, то, что принято называть *crime gratuit*. Мысль эта выражена, по мнению писательницы, в рассказе об ужасном впечатлении, произведенном на Костоглотова табличкой на клетке макаки-резус, — гласившей, что злой человек насыпал обезьянке табаку в глаза, и она ослепла.

Писательница думает, что Солженицын выжил после всех ужасов каторги и болезни (раком) благодаря страстному желанию понять до конца причину всего этого, понять *почему существует зло вообще*.

О. Можайская

О русской земской почте

Мало кто из современных молодых коллекционеров знает о том, что в до-революционной России существовала хорошо организованная земская почта, и что многие земские управы выпускали свои оригинальные земские марки. Эта почта поддерживала связь между уездными городами и деревнями, отстоящими от почтовых отделений в уездных городах на много десятков, а иногда даже сотен верст.

Возникла земская почта, как следствие реформ Александра II, когда в 1863 г. был издан указ об организации земских самоуправлений. В то время почтовые отделения существовали во всех губернских и уездных городах, но в селах и деревнях почтовых контор не было, и письма доставлялись в деревни лишь изредка, случаями, когда какое нибудь официальное лицо ехало в данную деревню; в таких случаях, этому лицу передавался пакет с письмами для деревенских жителей. Так же поступалось и с письмами, подлежащими отправке. Когда помещик или крестьянин ездили в уездный город за покупками или по другим делам, они брали с собой письма и передавали их для отправки в уездное почтовое отделение. Поэтому, одной из первых забот только-что организованных земских управ было налаживание связи между земствами в уездных городах и деревнями того же уезда; без этой связи управление уездом было бы невозможно. Первое время, земские управы производили почтовые операции безвозмездно, но ввиду их ограниченного бюджета стали потом выпускать свои местные почтовые марки, которыми оплачивались подлежащие к отправке, а также получаемые деревенскими жителями письма.

Первая земская почта была организована в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии, которая выпустила в 1865 г. первую земскую марку. Вскоре другие земства, одни за другими, последовали этому примеру, так, что к 1870 году более 20 земских управ стали выпускать свои почтовые марки, которыми оплачивалась местная корреспонденция.

Вначале правительство неодобрительно смотрело на выпуски марок, ввиду того, что земская почта не была легализована и, по закону, все почтовые операции были делом государства и были сосредоточены в одном почтовом управлении. Но разветвления государственной почтовой сети не шли дальше уездных городов, и мелкие селения и деревни были изолированы от внешнего мира; поэтому правительство решило уза-

конить земскую почту, и в 1870 г. соответственным распоряжением установило ряд правил для организации земскими управами своей местной почты и для выпуска своих местных почтовых марок.

С этого момента земская почта и земские марки сделались официальными и, как таковые, с точки зрения филателистов, заслуживали быть включенными в общие каталоги почтовых марок. И действительно, каталоги того времени, как напр. Moens в Брюсселе, Stanley Gibbons в Лондоне и другие, включали в свои издания все известные им выпуски земских марок; филателистические журналы (как «*Le timbre-poste*» в Париже и др.) периодически сообщали обо всех новых выпусках.

Но ввиду многочисленности земских выпусков и трудности их классификации, издатели затем перестали включать их в свои каталоги, объясняя это тем, что мол это местные марки, не то полу-официальные, не то полу-частные и что по этой причине они не должны фигурировать в общих каталогах. Несмотря на это, интерес любителей к собиранию земских марок не только не исчез, но увеличился и как русские, так и иностранные коллекционеры продолжали их собирать и изучать.

Уже в 1875 г. марочная фирма Moens в Брюсселе издала специальный каталог земских марок под названием «*Les timbres-poste ruraux de Russie*», автором которого был некий Копровский, большой знаток в этой области. Позднее, Moens включил их в свой общий каталог почтовых марок.

В том же 1875 г. Dr. Edward Grey в Англии издал аналогичный каталог на английском языке, но без указания на них цен.

В 1878 г. Edward Pemberton, один из крупнейших английских собирателей того времени, опубликовал книгу «*The Stamp Collector Handbook*», в которой он уделил 50 страниц земским маркам.

Наконец, некий Lübker выпустил в 1882 г. в Вене детальную монографию (на немецком языке), посвященную земским маркам.

В то время в России о земских марках еще ничего не было опубликовано и лишь в 1888 г. Чудовский издал брошюру — «*Описание земских марок, конвертов и бандеролей*», в которой не было ни иллюстраций, ни указаний цен; поэтому эта брошюра никакой пользы собирателям не приносила.

Лишь в 1901 г. два крупных коллекционера и знатока земских марок — К. К. Шмидт и А. К. Фаберже решили составить подробный каталог в этой области и начали в сотрудничестве с петербургскими и московскими серьезными коллекционерами

ми готовить для этого труда нужные материалы. Эта работа заняла 7 лет и, наконец, в 1908 г. оба автора начали опубликовывать отдельными выпусками на немецком языке монументальный труд под названием «Die Postwertzeichen der Russischen Landschaftsämter» («Почтовые знаки Российских Земских Управ»). Авторы смогли издать лишь 20 выпусков этого труда и довести свою работу до половины. Последний выпуск вышел в свет в 1916 г. Из-за войны, дальнейшее издание этого труда было прекращено. Таким образом, коллекционеры земских марок остались без законченного специального каталога.

Только в 1925 г., уже при советской власти, группа серьезных коллекционеров, среди которых были такие знатоки, как Л. Л. Брейтфус (родственник немецкого коллекционера Ф. Л. Брейтфуса), А. К. Фаберже и др., взяла на себя труд составления полного каталога (значительно более краткого, нежели издание Шмидта и Фаберже). Этот каталог был издан в 1925 г. Организацией Уполномоченного по филателии и бонам, под редакцией Ф. Г. Чучина, в двух изданиях, одно на русском, другое на английском языке. К сожалению, тираж был ограниченный, всего по 2.000 экземпляров каждого издания. Они уже давно распроданы и теперь эти каталоги стали библиографической редкостью. На аукционах земских марок они иногда появляются и достигают цены в 50 долл. за экземпляр. Этот каталог служит в настоящее время главным руководством любителей земских марок и им пользуются коллекционеры всех стран, где их собирают. В нем много пропусков и ошибок, но он составлен очень ясно и пользоваться им поэтому легко и удобно, этим и объясняется его успех у коллекционеров, которые им пользуются, как базой купли, продажи и обмена.

Приблизительно в те же годы, К. К. Шмидт, проживавший тогда в Германии, возобновил прерванную в 1916 г. работу по составлению подробного каталога. Он единолично переработал, закончил и издал огромный каталог, равного которому еще никогда не существовало. Репродукции марок были сделаны в натуральную величину и превосходно напечатаны фототипным способом. Он дал иллюстрации не только марок всех выпусков, но и всех существующих типов, отличающихся мельчайшими деталями рисунка, а такую особую редкость, как, напр., марка в 1 коп. Алатырского земства 1867 г., он репродуцировал в трех известных коллекционерам экземплярах, предоставленных ему для этой цели их обладателями. К каждому выпуску Шмидт дает подробные комментарии. Он перечисляет и дает иллюстрации также всех известных ему проб, всех новоделов и даже фальсификатов. Перечисляет и все из-

вестные ему бумажные печати для писем и пакетов, изданные земскими управами.

Одним словом, эта монография стала настоящей энциклопедией всего, что относится к земской почте. Она была отпечатана на более чем 800 страницах большого формата. Для составления своего труда Шмидт состоял в переписке с крупными коллекционерами земства всего мира и потратил на эту работу много лет.

Чтобы издать такой труд, требовалось много денег, которых у Шмидта не было. Поэтому он сам лично отпечатал свой труд на пишущей машине и сам же размножил его на ротаторе в количестве 50 экземпляров, которые, еще до выхода в свет монографии, были распроданы по предварительной подписке. Это издание теперь стало большой библиографической редкостью и появляется в продаже крайне редко, а цена на него, конечно, очень высока. Мне известен случай, когда с этого труда были сделаны фотокопии и переплетены в 4 кожаных переплета. Они обошлись этому коллекционеру в несколько сот долларов.

К. К. Шмидт (автор этого труда) имел очень хорошую коллекцию земских марок, которую он составлял в течение 40 лет, это был результат работы всей его жизни. Он не хотел, чтобы после него коллекция была распродана и рассеяна, поэтому он при жизни подарил ее Берлинскому почтовому музею, который оценил его дар и назначил его смотрителем пожертвованной им коллекции с окладом, давшим ему возможность существования до конца жизни. Пользуясь своим положением смотрителя, Шмидт составил и издал каталог своей коллекции, который был не чем иным, как хорошим кратким каталогом земских марок, но более подробным, нежели каталог Чучина. В нем меньше ошибок и цены более правильные. Марки в каталоге репродуцированы в несколько уменьшенном виде.

Этим каталогом пользуются многие серьезные коллекционеры. Но он также давно распродан и лишь изредка появляется на аукционах земских марок.

Приобретать земские марки было всегда весьма трудным делом, тем более, что земств, выпускавших марки, было более 160 и вести с ними переписку было не под силу отдельным коллекционерам.

Поэтому Петербургское филателистическое общество, в лице его основателя и председателя Ф. Л. Брейтфуса, стало вести большую корреспонденцию с земскими управами и выписывало у них земские марки. Это было делом трудным и сложным. Земства смотрели на собирание марок, как на пустую и бессмысленную забаву, часто вообще не отвечали на

письма, а некоторые управы отказывали в присылке марок, объясняя это тем, что они им нужны для обслуживания корреспонденции своих земств. Всё же, в общество попадало много марок, которые оно распределяло среди своих членов. Многие из них через посредство общества перешли к заграничным марочным фирмам, которые специально ими занимались, как например Roussin в Париже, Moens в Брюсселе, Stanley Gibbons в Лондоне и др.

Иногда письма Ф. Л. Брейтфуса, или позднее К. К. Шмидта, попадали в руки мелких служащих земских управ. Когда просимые выпуски бывали распроданы, эти служащие, чтобы «заработать», обращались в местные типографии, где марки печатались, и просили напечатать со старых клише дополнительный выпуск в тех же цветах. Если типографии находили эти клише, они печатали марки, по возможности приближаясь к цветам оригиналов, но иногда и в совсем других. Эти оттиски служащие посылали своему клиенту, т. е. филателистическому обществу. Таким образом, возникали т. наз. «новоделы». Но часто старых клише больше не оказывалось: тогда типографии фабриковали новые клише, печатали с них и оттиски сдавали заказавшему их служащему земской управы, который, в свою очередь, сдавал их своим покупателям, т. е. филателистическому обществу. Часто эти фальсификации обнаруживались и тогда дело кончалось в суде. Но иногда «дело» проходило и подделка обнаруживалась значительно позже. Бывали и такие случаи, как например с маркой Днепровского земства, которую принимали за настоящую в течение 50 лет. Затем ее принимали за второе издание этой же марки, и только в тридцатых годах нынешнего века, т. е. почти через 70 лет, окончательно выяснилось, что это фальшивки, т. к. никакого второго издания этой марки не существовало. Оригиналы же были чрезвычайно редки и известны всего в нескольких считанных экземплярах.

Известны также фантастические земские марки, которые вообще никогда не существовали и были созданы особо ретивыми чиновниками, которые их печатали и продавали, как настоящие, бывшие в ходу выпуски. Некоторые из этих фантастических марок попадали даже в каталоги земских марок того времени.

Эти новоделы, фальсификаты и фантазии появлялись в эпоху от 1875 до 1890 г. и каждый такой выпуск имел свою любопытную историю.

В дальнейшем фальшивых земских марок не было, т. к. из-за малого спроса их фабрикация себя уже не оправдывала.

Но за последние годы на филателистическом рынке появи-

лось большое количество грубо подделанных земских марок. Мне пришлось их видеть года три тому назад у одного парижского торговца, который их получил из Советского Союза. Одним из первых, увидевших эти подделки, был О. А. Фаберже (сын всемирно известного коллекционера русских марок), которому предложили целую партию этих фальсификатов. Он с первого взгляда определил подделку и решил сравнить их с иллюстрациями каталога Шмидта и Фаберже (своего отца). Тотчас обнаружилось, что подделки были напечатаны с тех же клише, с которых были напечатаны иллюстрации этого каталога. Это подтвердилось тем, что названия земств этих фальсификатов начинались с буквы А и кончались буквой К, т. е. как раз тех земств, которые вошли в каталог, издававшийся от 1908 до 1916 г.

Об этих фальсификатах О. А. Фаберже опубликовал интересную статью в одном из номеров журнала «Россика».

Земские марки выпускались исключительно для обслуживания почтовых надобностей тех деревень и селений, в которых государственная почта своих контор не имела, и где поэтому земская почта была необходимым добавлением к государственной. Когда впоследствии государство стало открывать почтовые отделения в мелких селениях и деревнях, земская почта становилась излишней и закрывалась.

Наибольшее количество земских почтовых контор, выпускавших свои марки, приходилось на годы 1870-1880, когда оно доходило до 100. В годы 1880-1890 их число уменьшилось до 92, а в последние годы перед революцией упало до 48.

По всем этим причинам среди земских марок было мало спекулятивных выпусков, как это бывало и бывает среди государственных выпусков почти всех стран. Но всё же, несколько попыток спекулятивных выпусков было сделано. Так, Полтавская земская управа выпустила в 1903 г. свою первую серию марок, которая несомненно служила исключительно для почтовых надобностей. Марки были заказаны в местной типографии в небольшом количестве и в короткое время использованы. Тогда земская управа стала заказывать марки в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг. Такие заказы были сделаны четыре раза, в 1904, 1906, 1909 и 1912 гг.

Но вот в 1909 г. в земской управе появился чиновник, некий Ганько, которому, по всей вероятности, было поручено почтовое дело. Он сообразил, что выпуски земских марок могут принести пользу управе и известный доход ему самому. По его инициативе в 1909 г. была выпущена красивая коммеморативная серия марок по случаю двухсотлетия Полтавской битвы. На марках были изображены портреты Петра Великого и ряд

памятников, имеющих отношение к знаменитому сражению. Серия была выпущена в двух вариантах, один с зубцами, другой без зубцов. Затем Ганько надпечатал часть выпуска Экспедиции новой ценной. Надпечатки были сделаны на марках разных достоинств и в разных цветах. После этого, он сделал надпечатки новой цены на недавно выпущенные коммеморативные марки. В 1912 г. Ганько выпустил ряд различных серий служебных марок для разных земских учреждений. Вскоре после этого, он превратил эти служебные марки в обыкновенные почтовые, снабдив их соответствующими надпечатками. На этом деятельность Ганько закончилась. Вероятнее всего, он в этот момент подал в отставку, но, предварительно, сделав для себя лично солидный запас выпущенных им марок, за которые он платил в кассу земства по их номинальной цене. Спекулируя этими марками, он решил совершенно легально заработать известную сумму денег. Чтобы подогнать продажу своих запасов, Ганько в 1914 г. издал брошюру под названием «Земская почта Полтавского уезда», в которой дает подробное описание всех выпусков и указывает тиражи всех марок.

В моей коллекции имеется заказное письмо с наклеенными на него коммеморативными марками. Адрес написан самим Ганько и письмо адресовано ему самому. Повидимому, это письмо было не единственным и, вероятно, он фабриковал их в известном количестве и продавал членам филателистического общества. Но в настоящее время, эти письма стали очень редки, и мне лично не приходилось их видеть ни в коллекциях, ни в каталогах аукционов земских марок.

Были и другие земства, выпускавшие большое количество разных марок для пополнения своих касс, как например, Белозерск (85 разных), Богородск (150 разных), Грязовец (122 разных), Лохвица (75 разных). Но эти земства были исключением; подавляющее большинство земств выпускало марки только для своих почтовых нужд, что придает особую привлекательность коллекциям земских марок.

Должен добавить, что некоторые земства выпускали также т. наз. «цельные вещи», т. е. конверты с напечатанными на них марками. Псковское земство выпускало такие же открытки, а Богородское — бандероли, которыми обертывались пачки писем, адресованные в разные села и деревни.

Два земства, Фатежское и Торопецкое, выпускали только такие конверты, а марок своих не издавали. 13 других земств выпускали и марки, и франкированные конверты.

Иногда в земских коллекциях можно встретить особые бумажные печати, часто похожие на земские марки, которыми

запечатывались служебные письма и пакеты земских управ. Эти бумажные печати играли роль служебных марок и, будучи наклеены на конверт, освобождали письмо от уплаты почтового сбора. Такие, прошедшие почту конверты теперь очень редки. Бумажные печати издавались иногда земствами, не выпускаявшими своих почтовых марок.

К. К. Шмидт в своем большом каталоге перечисляет все уже известные выпуски бумажных печатей, которые и в старые времена и теперь собираются серьезными коллекционерами.

Особенно редко встречаются теперь письма земств, не выпускавших своих марок, но имевших свою бесплатную почту. На таких письмах наложена лишь печать с названием деревни, откуда письмо послано. Единственный раз мне пришлось их видеть в коллекции М. В. Лифшица, который за более 20 лет коллекционирования нашел лишь два таких письма. Это не удивительно, т. к. в старое время собиратели не обращали внимания на письма, на которые не были наклеены марки, и такие письма почти всегда пропадали.

Некоторые земские управы выпускали также свои местные фискальные марки, которыми оплачивались разные сборы (напр. за медицинские рецепты, за посуду для лекарств итд.) и некоторые услуги; так напр. Симбирское земство выпускало специальные марки для оплаты пользования земскими лошадьми.

В Симферопольском земстве в течение нескольких лет выпускали местные марки судебных сборов. Несмотря на то, что эти марки были не почтовые, Шмидт их перечисляет в своей монографии и дает к ним иллюстрации.

Он описывает также марки Новоржевского земства, назначения которых ни он сам, ни кто либо другой не знает, т. к. кроме названия земства и достоинства, на них нет никакого другого указания.

В 1918 г. Совет Рабочих депутатов г. Луги (Петроградской губернии) выпустил тонко выполненную серию марок, на которых кроме достоинства и слов «Р. С. Ф. С. Р. Лужский Совет» ничего не было обозначено. В журнале «Советский Филателист» за 1924 г. была статья об этой серии, в которой имеются ее описание и иллюстрации, но даже официальному органу Всероссийской Филателистической Ассоциации назначение этих марок не было известно.

В 1938 г. К. К. Шмидт опубликовал в журнале «Россика», который тогда выходил в Югославии под редакцией Е. М. Архангельского, небольшую статью о сделанном им открытии. Ему удалось найти марку Ельнинского земства; единственный

экземпляр этой марки находился в его коллекции, а теперь, вероятно, находится в коллекции, пожертвованной им (как я выше писал) Берлинскому почтовому музею.

В каталоге Чучина дается подробное описание и иллюстрации марки Змеиногорского земства Томской губернии, которая не известна никому из западных коллекционеров.

До мартовского переворота 1917 г. в Сибири не было института земских самоуправлений; поэтому составители каталога Чучина полагают, что эта марка была выпущена в период Временного Правительства в 1917 г. или же во время адм. Колчака в 1918; это более вероятно уже потому, что номинал ее был сравнительно высокий — 35 коп., что более соответствовало ценам того времени.

Хочу упомянуть также о марках Амурского земства (Восточная Сибирь), выпущенных в ту же эпоху. Марки были напечатаны на тонком картоне с двух сторон. На лицевой стороне надпись гласила: «Амурское Областное Земство. Почта» и достоинство. На обороте, на узорчатом фоне — только достоинство. Несмотря на слово «ПОЧТА», эти марки почтовыми не были, а служили суррогатами разменной монеты. Во всяком случае, никто их на письмах не видел. Шмидт эти марки тоже включил в свой каталог.

В заключение скажу, что земские марки обладают особой привлекательностью для коллекционеров; в них отражается старый русский фольклор. Проекты к маркам рисовались доморощенными художниками и печатались примитивным образом в маленьких провинциальных типографиях. Это придает маркам особый характер, который привлекает как русских коллекционеров, так и иностранных. В связи с этим, самые крупные коллекции находятся теперь за рубежом, главным образом в Англии, в Соед. Штатах, а также во Франции, Германии и Бельгии. В Советском Союзе земских марок теперь почти никто не собирает, т. к. их там осталось очень мало и доставать их там невозможно. Остались считанные старые коллекционеры, которым удалось сохранить свои коллекции.

Э. Маркович

Литературные заметки

*Владимир Самарин «Цвет Времени».
Рассказы. Изд. автора. Нью-Йорк, 1969.*

О трудности формы коротенького рассказа мы писали не раз, и в частности в № 193 «Возрождения» (январь 1968 года) подчеркнули, что Самаринские 71 рассказов «Теней на Стене» привлекают особенное внимание. «Цвет Времени» от «Теней на Стене» отделен всего двумя годами, и срок этот, для тех кто пишет, не слишком велик. Так что задавая себе вопрос, есть ли между двумя сборниками большая разница, не следуют ли миниатюры одного за миниатюрами другого как «непосредственное продолжение», в сущности спрашиваешь себя, шагнул ли Самарин за эти два года вперед, обогатил ли себя большим опытом? Тем более это себя спрашиваешь, что в новом сборнике, так же как и в предыдущем, речь идет о нашей эпохе, о том, что не так уж давно произошло, и снова говорится о событиях расположенных по обе стороны роковой черты, отделяющей прошлое от настоящего, или о происшедшем только «там», или о происшедшем только «здесь».

В общем, при чтении «Цвета Времени» иной раз думаешь, что это вторая створка «Теней на Стене». Конечно, нельзя отрицать, что избранной им форме повествования Самарин остался целиком верен. Конечно, и двухлетний срок для писателя не очень велик. Конечно, аналогия материала первого и второго сборника несомненна. Но сказать, что Самарин не расширил, не заострил своего опыта, нельзя. Миниатюрой он овладел в еще большей степени, чем владел ею раньше. И прибавил — верней развил — одну особенность повествования, специально ему свойственную, о которой мы писали: некоторые страницы требуют от читателя воображения, догадок, усиленной сосредоточенности. Именно теперь — в «Цвете Времени» — есть рассказы побуждающие не к догадкам или усиленной сосредоточенности, а к тому, что мы берем риск назвать «дочувствованием». И не в краткости текстов дело — их размеры не изменились, — а в том, что автор всё ближе и ближе подходит к чему-то вроде «речитатива», к чему-то такому, что к общему музыкальному фону присоединяет словесную цепь, иной раз более, иной раз менее внятную. Конечно, всё расположено во времени. Но о времени сам Самарин говорит: «Я его восприни-

маю зрительно... ярким светлым днем может быть темно, если темно во мне, и ночью я вижу свет. Может быть и серо вокруг. Но третий свет серый — это не свет сам по себе, это смешение черного и белого ». Отметим, применительно к этому, как весьма удачное название сборника, так и бело-черную обложку его, работы художника Николая Николаенко. Действительно, темы « Цвета Времени », почти все ушедшие в прошлое, в отдельности черны или белы, но совокупность их не бела и не черна, не результат быстрого чередования черного и белого (о чем Самарин говорит, что третий — серый — цвет не цвет), а именно вот то, что так характерно для времени, о котором рассказано. А если рассказано, то, стало быть, налицо уже не только свет и тени, а еще и звук, тот, о котором мы сказали, что позволяет подумать о « речитативе ». Он же похож на пожелание « дочувствовать », с которым автор обращается к читателю. Это « дочувствованье » порой напрашивается, как может напрашиваться уточнение умышленно недостаточно громко сказанного слова, или даже целой фразы. Дочитав миниатюру, закроешь глаза и — оказавшись в полутьме, или даже во тьме — в естественном, так сказать, порядке испытываешь то, что предположительно мог испытывать или герой миниатюры, или дописывавший последние строчки автор. Так в совсем-совсем коротеньком рассказе « Непонятные сигналы » на меньше чем полтора страницах рассказано и о поземке, и о том, как « катилась по ледяному простору снежная заверть, кружилась — и виделось : волны по реке катятся, вскипают белой пеной »... », и о несловоохотливом вознице, приехавшем на станцию, и о том, как за крутым поворотом ветер стих совсем и « большая звезда повисла над обрывом », и о каменной ограде, окружавшей старинный больничный парк, и о докторе в пенсне, вышедшем навстречу и говорившем сильно окая... вообще, кратко, сжато, выпукло о приезде к новому месту службы молодого доктора. О том, как его представили персоналу. Два пожилых врача и одна молоденькая, как студентка. « Наша Женя — сказал врач... Она покраснела и так приветливо посмотрела — давнего знакомого встретила? И у него дрогнуло сердце : вот она! ». Потом был ужин. Потом вновь приехавший пошел к больнице. « Небо бархатом темнело, звездами искрилось, и звезды словно переговаривались между собой, посылали непонятные человеку сигналы. Этой же ночью его арестовали ». И всё. Почему арестовали, кто он был, как всё случилось в первую же ночь после его прибытия, повидимому в захолустье, где, как будто, не могло быть под рукой никаких сыскных органов... Всё это вопросы и на них можно самому себе ответить догадками. Но почему Женя, о которой всего

сказано что она « покраснела », так обворожительна? Ведь может она и была предательницей. О ней Самарин не думать просит. Он предлагает ее « дочувствовать ».

Так же предлагает он « дочувствовать » в еще более коротком рассказе, — в нем и страницы нет, и даже фабулы : просто перечисление непрерывных несчастий, разорения, горя, работы, ранения, плена, во время которого он « умирал, но не умер ». Тогда нашлась девушка и он женился. « Теперь только бы жить — да рана начала болеть ». Мучился, умер. « За день до смерти затих, лежал молча, недвижно, и когда жена подходила, слабо улыбался, брал ее руку, подолгу держал в своей »... « не умер — уснул » на заре тихого осеннего дня. Неведомым светом было озарено его лицо ». — Можно всё-таки, даже и в этом случае, попробовать « дочувствовать » — так близко подводит речитатив Самарина к действительности.

В двух страницах « Ночных Полей » тоже почти ничего не сказано, верней ни о чем досконально не рассказано. Всего несколько слов, в самом конце, настолько, в трагизме своем, отличных от общего фона, что « недочувствовать » их нельзя. Речь о « грунтовой дороге, растоптанной тысячами ног », о том, как « вышли на нее из города » избегая плена, о том, как « низилось солнце » и в небе поблескивали « далекие, безмолвные сполохи ». И в толпе беженцев был слышен едва различимый женский голос : « Валя! Валенька! » и потом вопрос : « Девочка... девочка... пяти лет. Не видали? Нет? ». Валенька потерялась в толпе. Перед ней вставала вся страшная доля беспризорных. Что с ней самой, в толпе, трудно вообразимо, во всяком случае с трудом поддавалось бы описанию. Но вот зов, вопросы, отчаяние смешанное с надеждой матери, на счет которой только всего сказано : « она проходит, и я вижу : руки крестом прижаты к груди, вся она в сумрак устремлена. Темной тенью прошла мимо, растаяла. И, опять, хватающий за душу, молящий голос ». Вместе с Самариним можно только попробовать дойти до конца этого ужаса. Он сам всего не говорит, — не решается? Не находит слов? И зовет читателя с ним « дочувствовать ». И это его — Самаринский — стиль.

В « Волчьей Пади » опять всего несколько слов. Истязавший, попавшийся в лапы того, которого он истязал, — и всё сразу : « только третьего дня он подъезжал к воротам министерства, шел по ковровой дорожке к кабинету начальника », и выслушал приказ отправляться в немецкий тыл. Там « попался ». — « Ноги его до колен были залеплены болотной тиной, в сапогах хлюпала вода ». И ждал его тот самый, которого он недавно допрашивал и бил. — « Будешь отвечать, гад? — Не буду ». А теперь « еще издали Рябов видел, как в студне чужих

глаз дрожит страх... Они узнали друг друга». Прочее надо «дочувствовать». Ни дорассказать, ни дообъяснить, а «дочувствовать».

В «Бубен звон» рассказано о каком-то помещении, в С. Ш. А. — в глубине которого что-то вроде сцены-эстрады. «На трибуне проповедник. Рядом с ним оркестр из двух человек: гавайская гитара и цыганский бубен... Звенит, гремит бубен, стонет гитара; в такт плясовой хлопают в ладоши, что-то выкрикивают. Потом начинает вопить проповедник. На голубой вывеске белый крест и надпись по-английски и по-испански: «Церковь всего мира для всех». — Без «комментариев», как принято выражаться, когда надо писать о политических сообщениях. Но тут этого мало. Тут надо «дочувствовать».

Ряд других примеров, — верней, образцов, — слишком удлинители бы эту заметку. Предложенные автором темы и манера их изложения — кратки. Краткой должна быть и заметка. Но, кажется нам, даже этих нескольких картин достаточно, чтобы Самаринский подход — нечто напоминающее выводы из теоремы, или заключение уравнения, — был бы ясен. Только когда оказывается, после некоторых рассуждений, что, скажем, А равно, в известном случае, Б, то испытываешь облегчение, удовлетворение. Всё ясно и в выводах, к которым приводят Самаринские страницы. Но когда формула, то достаточно понять, а когда вот такие строчки, то надо «дочувствовать». В свое время во Франции имел большой успех роман Луи-Фердинанда Селина «*Voyage au bout de la nuit*». По ряду причин, о которых не будем говорить, роман этот как бы «вышел из обращения». Не будем делать сравнений. Но отметим, что некоторые поиски Самарина в области «тьмы» заставляют припомнить появившийся еще до второй мировой войны французский роман.

Нельзя, однако, ограничиться этим обзором. Если он, на наш взгляд, говорит о самом существенном, о самом глубоком и самом темном, и если это глубокое и темное придает всему сборнику особый отпечаток, то есть в нем и рассказы (всегда короткие) несколько иного типа. В ряде случаев описаны приключения, в других находчиво и, подчас, безжалостно отражены современные навыки и привычки русских в С. Ш. А. В рассказе «Мой однокурсник» описано некоего рода военное приключение: встретившиеся в Чикаго друзья вспоминают прошлое и один из них рассказывает другому, как он, власовец, был партизаном, — случайно, чтобы не расстрелять женщины, которую ему было приказано расстрелять, — как он потом, с ней, некоторое время скрывался, был взят в плен и снова

взят в плен, но уже своими. Фабула довольно замысловатая, излагать ее заняло бы, пожалуй, столько же места, сколько занимает сам, коротенький, как всегда, рассказ. Но с особенной четкостью приведено то, что легло в основу. Женщина, о которой речь, была партизанкой и, стало быть, одета в военную форму. Двух ее спутников убили, да «и она не сдалась бы: на нее я сзади кинулся, схватил. И вот, представляешь себе, она стала вырываться, полетели пуговицы гимнастерки — и под моей рукой грудь. Рядом смерть, те двое лежат убитые, а тут молодое женское тело...» — «Дочувствовать» в этом случае Самарин предоставляет больше слушателю рассказчика, — встреченного в Чикаго однокурсника, — чем читателю, — тот, выслушав рассказ, наблюдал, как рассказывавший «налил и выпил большими глотками ямайский ром».

Оставшийся верным себе, не изменивший ни формы, ни стиля своего, всё такой же, в известном смысле, беспощадный в своей наблюдательности и точный, Владимир Самарин в «Цветах Времени», по сравнению с «Теньями на Стене», сделал шаг вперед: еще большего потребовал он от читателя. Но это еще большее приносит удовлетворение.

Я. Н. Горбов

ПОЛУЧЕНО ДЛЯ ОТЗЫВА

Павел Норд. На чужих берегах. Рассказы русского офицера за границей. 1970.

Письма туда неизвестного русского гражданина. Изданы Н. Петровичем, Париж, 1969.

После празднества

В некоем государстве, не принадлежащем к числу «социалистических», одному из наших друзей недавно удалось побеседовать с глазу на глаз с приезжим «с той стороны». Собеседники уже были знакомы и питали взаимное доверие. Приезжий — специалист, всецело занятый своим делом, каких в России миллионы, — при прежних встречах никаких особых политических интересов не проявлял, казался человеком спокойным и тихим. То, что он высказал на этот раз, его здешний собеседник записал сразу после разговора, стараясь, по свежей памяти, точно передать и стиль и отдельные обороты речи. Признаемся — на страницах «Возрождения» мы обычно стараемся выражаться более сдержанно. Но выписки из этой записи приводим такими, какими они перед нами лежат, считая их психологически показательным документом настоящего момента.

— ...Маразм полнейший. Столетними торжествами опоганили всё: икона плешивого главного чорта-дьявола глядит из под каждой подворотни. Этот красный сатанизм так и лезет изо всех пор. Ужас кромешный, шаманствующие оргии и словоплюйство.

— ...Зато у нас со страхом и трепетом следили за полетом американских космонавтов, — слава Богу, что всё удачно кончилось. Весь мир пишет, восхищается, говорит о них, а в наших газетах кроме пары сухих строк ничего не обнаружилось. В самый день посадки, в часы специальной передачи БиБиСи, комментировавшей приводнение, наше быдло так же настойчиво, как обычно, глушило радиопередачу, несмотря на состоявшееся для этого случая соглашение о неглушении. Самовлюбленные тупые дубины, зверьё полное злобы, зависти и ненависти ко всему человеческому, кровожадные змеи, ненасытные и шипящие!...

В том, что «здешний» собеседник, сделавший запись, ничего не добавил от себя, мы уверены совершенно. Значит, так «взрывается» теперь «тамошний» человек, притом еще не так давно производивший впечатление уравновешенности, во всяком случае чуждой каких бы то ни было политических страстей.

Опять мы не утверждаем, что весь современный русский образованный класс уже вполне доведен до этого состояния.

Всё же есть достаточно данных, позволяющих думать, что последние остатки терпения исчерпаны у очень многих. Это также не значит, что они не сегодня — завтра начнут строить баррикады и бросать бомбы. Дело не в этом, а в другом, в том самом, с чего и начинаются приведенные выдержки из этой записи : дело в маразме. При таком настроении духа, люди, ясное дело, просто уже не в состоянии работать, как говорится, « продуктивно ». Вот почему советское правительство с участием самого генсека заседает и постановляет по вопросу народного хозяйства — и ничего внятного не может постановить, не решается даже публиковать в сколько нибудь связанном виде то, что на этих заседаниях говорится. И мы совершенно сознательно написали не « по вопросам » народного хозяйства, а « по вопросу » в единственном числе, так как теперь есть одна всеобъемлющая проблема застоя и развала всей экономики в целом, а не какие нибудь отдельные « перебои » и « прорывы ». Правящая верхушка это знает сама, она этим уже несомненно встревожена самым серьезным образом, — но экономический застой и развал есть не что иное, как прямой результат психологического маразма, вызванного « тупостью самовлюбленных дубин ».

Часто говорят, что угнетенное состояние так называемой « новой советской интеллигенции » еще ничего не означает для общих настроений в стране. При этом забывают о том, что по крайней мере очень значительная часть этой интеллигенции, во многом и не такой уж « новой » по сравнению с дореволюционной, и к тому же вполне последовательно ищущей опоры в старой русской культуре, жизненно необходима стране даже и на плоскости чисто материальной, без нее и никаких современных государственных задач разрешить нельзя. А тревогу бьют, как бы то ни было, и чем дальше, тем больше, на самых верхах « научно-технической интеллигенции » Советского Союза. По последним сведениям, протест в защиту ген. Григоренко — который сам крупный современный ученый — подписали не только те же Акад. Сахаров и Турчин, но и Акад. Капица и другие выдающиеся деятели науки. Твардовского, тоже, как передают, подписавшего этот протест, можно было изгнать из « Нового Мира » без прямого ущерба для « материальной базы » режима, — но как тронуть, скажем, Капицу, не парализуя тем самым окончательно волю к труду у людей, занятых в одном из самых государственно важных секторов науки? Или вот арестовали ученого генетика Ж. Медведева, повинного в том, что он издал в Америке книгу о совершенно бесспорном разгроме, десятилетиями производившемся Трофимом Лысенко в области советской генетики. В России лучше, чем где бы

то ни было, все специалисты этой науки знают, что так это и было. С каким же чувством они будут работать теперь, когда одного из их собратьев репрессируют за голую правду, притом непосредственно всех их касающуюся, и как это отзовется на их «продуктивности»? А о том, что для развития сельского хозяйства генетика нужна, и генетика настоящая, не лысенковская, кремлевские заседатели разве не знают?

Конечно, помимо генетики сельское хозяйство России еще больше нуждается в ином, — в освободительной общей реформе, в которой крестьянству отказывается до сих пор. Тут мы уже подошли ко второй створке разбираемого нами вопроса: если нет спора о том, что подавляющее большинство интеллигенции, мягко говоря, недоволено, то разве крестьянство более довольно уготованной ему судьбой? Положим, это разные виды недовольства, — но всё же, генетик, возмущенный обскурантизмом власти, не так уж далек от колхозника, тайно или явно плюющего на заведенные партией порядки. И если у «новой интеллигенции» руки опускаются, то это только усугубляет основную язву советской экономики — десятилетиями продолжающийся упорный отказ без малого половины населения страны — крестьянства — работать в тех условиях, в которые оно поставлено. Об этом знают и в партии, тем более это сознают на подлинных культурных верхах страны, которых это должно еще более убеждать в необходимости коренной перемены. И нет никаких оснований думать, что эти виды недовольства, пусть и разные по своим непосредственным побуждениям, не могут сомкнуться. Напротив, они должны сомкнуться в общем стремлении вырваться из положения, ставшего невыносимым для всей страны. И есть признаки, что это уже и происходит в очень важных промежуточных социальных пластах, соприкасающихся с культурными верхами с одной стороны, с народной, преимущественно крестьянской, массой — с другой. Имеем в виду прежде всего вооруженные силы страны.

Сведения об арестах в Балтийском флоте и о брожении как там, так и в наземной армии, теперь распространяемые в России Самиздатом и оттуда пришедшие за границу, — явление новое, не наблюдавшееся уже очень давно. Выстрелы Ильина у Боровицких ворот еще можно было счесть за случайный изолированный акт — теперь они начинают принимать значение первого сигнала. И ничего удивительного в этом нет. По самому характеру современных вооруженных сил, офицерский состав армии, еще более — флота и авиации, а тем паче — ракетных сил полностью принадлежит к «интеллигенции», иначе в 70-х годах XX века не может быть. Это люди, которым в современной России свойственно — можно даже

сказать : полагается по некоему неписанному закону — прислушиваться к тем академикам, которые, как Сахаров или Капица, не лишились дара свободного слова, а когда представляется возможность, читать Солженицына, или даже и Франка, Бердяева, Вышеславцева, если только удастся их книги достать, внутри страны, или, проще, при рейсе за границу. Вместе с тем, несмотря на старания советской власти создать внутри вооруженных сил кастовые перегородки, гораздо более плотные чем в старой российской армии, сама военная жизнь такова, что офицер всё-таки сживается со своими рядовыми гораздо больше, чем на заводе инженер со своими рабочими. Ни о колхозной деревне, ни даже о том, как советскому рабочему живется по сравнению с иностранным, советскому офицеру, по всей вероятности, никаких очков втереть нельзя. И обратно, доверия к нему у его солдат или матросов должно быть, по общему правилу, больше, чем у рабочих или колхозников к «интеллигентам», так или иначе над ними «поставленным». Образованному офицеру легче, чем кому бы то ни было другому, передавать «в народ» те настроения, которыми в данное время живет образованный класс.

Эту встречу недовольства, идущего сверху, и того, которое идет снизу, власть, по-видимому, заметила и на нее ответила арестами среди вооруженных сил. Есть опасность, что она постарается ответить еще и по-другому — попыткой скомпрометировать всякую оппозицию в глазах как можно более широких слоев населения, фабрикуя для этого по сталинскому методу «амальгамы», т. е. подкидывая здоровым стремлениям лозунги и намерения, неприемлемые для народного большинства.

Об этом мы уже писали и к этому приходится вернуться. Теперь есть сведение, что новейшие аресты среди ленинградской интеллигенции произведены в связи с «делом» Амальрика. Совсем даже неважно, верны ли объективно эти сведения, или нет, были ли или не были обнаружены в Невской столице отдельные люди, соглашавшиеся с катастрофическими выводами Амальрика и с его систематической хулой на всю историю восточного славянства от до-рюриковских времен и по сей день. Важно то, что такие сведения так или иначе могли распространиться. Снова мы не берем на себя утверждать, что сам А. Амальрик сознательно выполнял определенное «задание», и никто за границей не может утверждать это с уверенностью, но всё происходит так, точно власть сначала дала ему возможность поднять шум на весь мир и только после этого его арестовав намеревается теперь приписывать как можно более широким оппозиционным кругам мечту о завоевании России китайцами и всё прочее в этом роде. Сталин поступал не иначе,

всяких своих противников выдавая за агентов Гестапо, чему в свое время в России поверили миллионы.

Можно питать вполне обоснованную надежду, что такой доверчивости в России теперь уже не найти. Тем не менее, опасность от всякой искусственно создаваемой путаницы такого рода — очевидна и необходимо тщательно избегать всего, что может дать пресловутым «органам» подобные предложения для репрессий.

Как и можно было ожидать, репрессивный курс в настоящее время усиливается потому именно, что власть старается этим предотвратить последствия тех «пересмотров» в ее общей политике, перед необходимостью которых она теперь стоит. Но сами эти репрессии, направленные против кругов, способных осуществлять нечто качественно новое, заранее сводят на нет всякую пользу от тех перемен, на которые власть могла бы решиться.

**
*

Начавшие теперь просачиваться первые сведения об экономических «решениях», будто бы принимаемых в Кремле, полностью подтверждают всё вышесказанное. Подтверждают прежде всего своей чрезвычайной невнятностью, указывающей скорее всего на отсутствие всяких подлинных решений. Насколько удалось узнать московскому корреспонденту «Ле Монд», выдвинуты три «основных направления»: экономия средств, «почти абсолютный приоритет для сельского хозяйства» и всё та же пресловутая «продуктивность». Размеры кризиса видны уже из этого. Средств уже явно недостает, тот же французский журналист сообщает, что с верхушки на места передана директива — сокращать планы расходов где и как только возможно, «согласно некоторым источникам речь идет даже о сокращении военного бюджета!» Вместе с тем, все средства, какие только можно освободить, предполагается вливать в сельское хозяйство: как видно, основная «язва» советской экономики, о которой мы уже говорили, теперь дает о себе знать с полной силой. Но и на верхах уже знают по опыту, что никакие миллиарды, вливаемые в эту бездонную бочку, сами по себе не дают решения проблемы. Отсюда — за неспособностью решиться на коренную реформу — крик о «продуктивности», и в сельском хозяйстве в первую очередь, и во всем народном хозяйстве в целом. Но чем и как эту падающую «продуктивность» поднять? «Дисциплиной», т. е. еще больше заставляя людей работать из под палки, или всё-таки развитием и углублением так называемой «косыгинской» реформы,

т. е. некоторым « поощрением личной инициативы посредством материальных и моральных стимулов »? Даже в советской печати не трудно заметить, что ударение теперь ставится то на одно, то на другое, — следовательно, этот основной вопрос, так или иначе упирающийся в « психологический фактор », остается нерешенным, и корреспондент самой крупной французской газеты без сомнения прав, когда пишет, что это уже вопрос перерастающий экономические рамки, он — « политического характера », « а может быть и связан с персональными вопросами ».

Тот же приезжий, о котором мы писали в начале этой статьи, рассказывал :

— Все поговаривают, что после столетних торжеств произойдут какие-то изменения наверху, но в какую сторону — никто не знает. Слухи самые противоречивые. Даже в учреждениях иной раз говорят, что обстановка сейчас сложная. Чорт его знает, что это такое...

Столетние торжества с тех пор миновали, « обстановка » ничуть не стала менее « сложной » и, как видно, все продолжают чувствовать, что что-то носится в воздухе, — но по-прежнему « чорт его знает, что ».

О том, насколько « жмет » экономическое положение и связанное с ним народное недовольство, можно косвенно судить и по тому, что при новейшем космическом полёте — « Союза-9 » — речь довольно неожиданно пошла о пользе для народного хозяйства. И уж просто сногшибательное впечатление производит сообщение, сделанное на этих днях брюссельским отделом Интуриста — о невероятных « вольностях », которые будто бы будут теперь предоставлены иностранным посетителям Советского Союза. Возможность передвигаться чуть ли не по всей территории СССР свободно, по собственному усмотрению, не испрашивая никаких разрешений, без гидов и без переводчиков, — да что же это такое? Утка, которая окончится новыми скандалами и разочарованием поверивших в нее иностранцев, — или же в самом деле иностранной валюты уже так недостает, что все средства хороши, чтобы ее получать?

Это — необычайно яркий пример основной дилеммы. Если в действительности тиски не разжимаются, то ничего нового нет и положение будет неукоснительно становиться всё хуже и хуже. А если допустить свободное общение иностранных туристов с населением, то можно представить себе, какие « морально-политические » последствия из этого произтекут.

Возвращаясь еще раз всё к той же беседе с приезжим, подчеркнем выраженное в ней отношение к драматическому и благополучно закончившемуся американскому космическому

полёту. Поворот «лицом к Западу» уже предрешен такими настроениями. К этому же повороту, казалось бы, саму власть побуждают и внутреннее состояние страны, требующее прекращения гонки вооружений с Америкой, и пинки, получаемые советским правительством от китайцев. Что-то и начинает поворачиваться, но с изнуряющей медлительностью: в Вене на советско-американских переговорах продолжается, по всем признакам, благорастворение воздушных масс, каким-то образом пошел даже слух о возможной «встрече на высшем уровне» Никсона с советским триумвиратом, в Восточной Азии Москва тактично и не признает Сиханука, а в советской печати появились даже выпады против китайской экспансии в Индокитае, в Европе, несмотря на «непримиримую» позицию Ульбрихта, понемножку всё больше приоткрывается дверь для какого-то соглашения между Советским Союзом и Федеральной Германией. Смысл намечаемого договора остается, однако, далеко не ясным, и если Бонн действительно примет такие условия, которые закрепят разделение Германии на две части, то думается, что такой «успех» советской политики вряд ли окажется «реальным» на долгий срок и может создать угрозу весьма серьезных осложнений в будущем. Часто забывают о том, что при всей «открытости на Восток» именно Франция более всякой другой державы уже целый ряд лет отстаивала право самоопределения немецкого народа как необходимое условие подлинного умиротворения европейского материка. Думаем, что и с русской точки зрения просто «нереально» поддерживать в центре Европы это насильственно созданное положение вещей. Оно могло бы быть устранено с получением для России всех необходимых гарантий против возобновления германской угрозы, тогда как такое сближение между Москвой и Бонном, которое всего только отодвинуло бы в сторону этот вопрос, может оказаться только временным компромиссом на «фронте холодной войны», который сам по себе сохраняется. Сейчас, положим, эта «холодная война» затихла, но оттого именно, что ее «фронт» сохраняется, она в будущем может возобновиться с новой силой, настолько, что может даже перестать быть «холодной».

И эта двусмысленность поворота европейской политики СССР сопровождается всё усиливающимся советским военным внедрением на арабском Востоке, которое не может не вызывать всё больше тревоги и в Соединенных Штатах, и у их европейских союзников.

Всё это означает, что необходимый поворот «лицом к Западу» неосуществим без качественно нового подхода ко всей совокупности проблем, на что явно неспособны «самовлюблен-

ные тупые дубины». Им доступны только скользкие уловки и палиативы, как во внутренней политике, так и во внешней. Для действительного сближения России с культурным западным миром требуется, конечно, полная свобода для «капиталистических» туристов в нашей стране, но кроме того и полная свобода всех вообще сношений между людьми «там» и «здесь». Очень хорошо, что вопрос о некотором приближении к этому был поднят с французской стороны при последнем визите во Францию советского министра иностранных дел. Но совершенно ясно также, что из всего этого, и из какого бы то ни было «нового курса» не может выйти ничего до тех пор, пока в России заставляют молчать, заключают в тюрьмы и в сумасшедшие дома тех именно людей, которые способны честно и здраво разговаривать с Западом и внести новый свежий дух во все отрасли государственной жизни. Изменений наверху ожидает вся страна, — но они выведут страну из маразма только, если дадут доступ к делам государственным, образно говоря, Академику Сахарову и всем тем, кто думает, как он.

Кн. С. Оболенский

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

« Ч а с о в о й »

Орган связи Российского Национального Движения

Под редакцией В. В. ОРЕХОВА

Подписная плата во Франции: 20 фр. (год), отд. ном. 2 фр.

Представитель для Франции :

Librairie « Кама » — 27, rue de Villiers, 92 — Neuilly.

C.S.P. 18. 446.32

Продается во Франции в книжных магазинах :

E. de Sialsky, 2, rue Pierre-le-Grand, Paris 8°; « Кама », 27,

rue de Villiers, Neuilly-sur-Seine; Magasin du Livre, 10, rue

des Carmes, Paris 5°; « Дом Книги », 9 rue de l'Éperon, Paris 6°

Наши представители за-границей:

АВСТРИЯ : Frau Kira Wolff, Bartensteingasse 8, Wien I.

АРГЕНТИНА : Mr. Jorge Knircha. Villa Balester, Jose Hernandez 149 dep.
2, Prov. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ : « La Sentinelle ». Belgique. Boîte postale 31. Ixelles-4 (Compte
postal 3925.03).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ : Iskander Ltd., 56, Ennismore Gardens, London S.W.7

ГОЛЛАНДИЯ : N. V. Martinus Nijhoff-Librairie. B. P. 269, 9, Lange Voor-
hout. La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ГЕРМАНИЯ : Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse 16/II.

США : « Slavonic Bazaar », 31 Middle Street, Bridgeport, Conn. — 06603,
Mrs. M. S. Kingston. Russian Book Store « Russ », 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА : Mme G. Balitzky Sur 5, № 88. Caracas.

БРАЗИЛИЯ : Mr. L. Rubanov. Livraria « KNIGA ». Rua Quintino Bocaiuva,
22 - 2.º - S/8 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ : « Unification », 497 Collins St., Melbourne, C. I., Australie.

« РУССКАЯ МЫСЛЬ »

« LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор : Зинаида ШАХОВСКАЯ

« Русская Мысль » — самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах большого формата и предлагает своим читателям широкий обзор международных событий, статьи о вопросах религии и философии, о науке, литературе и искусстве, интересные архивные материалы, документы о жизни в СССР.

Все, кто интересуется русским вопросом, читают

« Русскую Мысль »

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ :

LA « PENSÉE RUSSE », 91, rue du Faubourg-Saint-Denis, Paris 10^e

Tél. : 824-83-16

C.C.P. 5883-44 Paris

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 10
до 18 ч., кроме суббот и воскресений.

В экстренных случаях звонить в типографию: 636-01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА : на 3 мес. — 22,50 фр.

на 6 мес. — 42,00 фр.

на год — 84,00 фр.

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ : на 3 мес. — 25,00 фр.

на 6 мес. — 48,00 фр.

на год — 96,00 фр.

Цена отдельного № 2,00 фр.

ПОДПИСКА НА
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

принимается временно по адресу :

М. Serge Obolensky,
Chemin de la Côte-du-Moulin, L'Etang-la-Ville, 78 — France
С.С.Р. 21148 15 — Paris.

Банковские чеки и почтовые переводы должны быть выписаны
обязательно на имя М. Serge Obolensky с пометкой
« для **Возрождения** ».

Спрашивайте « Возрождение » во всех русских книжных
магазинах

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Во Франции :

на 12 номеров 80 фр.

на 6 номеров 45 фр.

Заграницей :

на 12 номеров 21 долл., или 8 фунтов ст. 8 шилл., или 80 НМ.

на 6 номеров 12 долл., или 4 фунта ст. 16 шилл., или 45 НМ.

Цена отдельного номера :

Во Франции : 8 франков.

Заграницей : 2,50 долл., или 1 фунт ст., или 9 НМ.

Не забудьте возобновлять Вашу подписку своевременно : от
регулярного поступления средств зависит успех нашего
издания.